

В. А. Бобров

На перекрестке цивилизаций

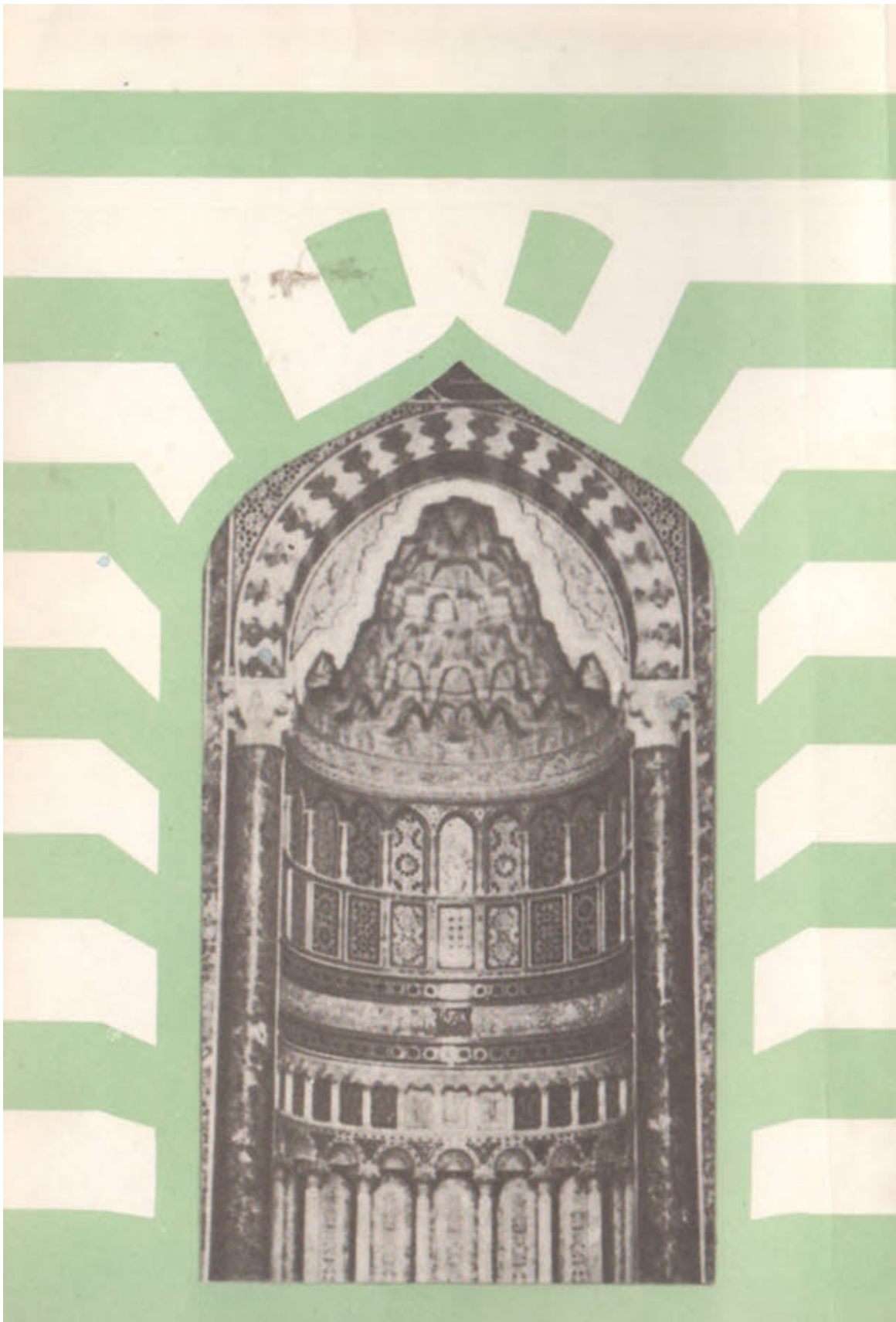
Annotation

Автор, проживший в Сирийской Арабской Республике около года, полюбил эту страну и ее народ. В живой форме путевого очерка рассказывает он о древней и юной сирийской земле, о ее природе, о нравах и обычаях ее населения, о памятниках культуры давно минувших столетий и о сегодняшних свершениях сирийцев, обретших национальную независимость, о дружеской помощи, которую неизменно оказывает Сирии Советский Союз.

-
- ○ [От автора](#)
- [Дамаск, Димишк, Аш-Шам](#)
- [Дамаск без путевого](#)
- [Мой Дамаск](#)
- [Сирийцы:](#)
- [1001 год Великого Слепца](#)
- [Сирия на стройке](#)
- [К Евфрату](#)
- [В городе Табка](#)
- [Мираж, который не исчезает](#)
- [Дорога в тысячи лет](#)
- [Вдоль побережья в Латакию](#)
- [Здравствуй, Сирия!](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

Путешествия
Приключения
Поиск

В. Д. Бобров

**НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**
(Путешествие по Сирии)

Издательство «Мысль»
Москва
1975

*

Главная редакция географической
литературы

Фотографии сделаны Г. П. Булановым,
А. Я. Горячевым и автором

Оформление художника Е. Б. Адамова

От автора

Весной 1972 года мне было предложено поехать в длительную командировку в Сирийскую Арабскую Республику в качестве специалиста одного из наших внешнеторговых объединений. Предложение было принято, и в самом начале лета 1972 года я прибыл в Дамаск.

Потянулись дни. Замелькали недели. Работа оставляла время, чтобы знакомиться с городом, который вызывал у меня смешанное чувство удивления и настороженности. Примерно, как незнакомый лес. Истошные крики уличных торговцев, масса разрушенных зданий, безнадзорные дети, снующие по улицам, пестрая толпа и, наконец, дневная духота — все это было для меня необычным. Но однажды с моих глаз как бы спала пелена. Лес обернулся бесчисленными деревьями, по-своему красивыми, во всяком случае своеобразными, не похожими на все ранее виденные. Лес оказался заселенным приветливыми людьми, которые охотно протягивали мне руки.

Не все ли равно, с чего все началось. Возможно, это были блестящие широко раскрытые глаза уличного мальчишки, с нескрываемым изумлением разглядывающего долговязого иностранца, или умная морда ослика, семенящего со стоическим спокойствием в ревушем автомобильном стаде, а может быть, здоровенный солдат, несущий на спине древнюю старуху, вероятно свою бабуку, или еще что-то такое же обычное для Дамаска и совсем необычное для Москвы.

По утрам я стал изумляться нежному цвету Каламунских гор, охватывающих полукольцом сирийскую столицу. Днем любовался глубочайшей бирюзой опрокинувшегося над городом неба, на

котором, кстати, не появилось за все лето ни единой тучки. Когда наступал вечер, старался поймать момент появления на небе Сириуса, который здесь особенно ярок. А по ночам часто вставал с постели, чтобы опустить на окна деревянные жалюзи, потому что невыносимо яркий свет луны делал сон тревожным и напряженным, а то и вовсе отгонял его.

Однажды я изменил обычному маршруту прогулок и свернул с проторенных торговых магистралей в ущелья старого города. Это было открытием нового мира. Оказалось, что район, зажатый полуразрушенными древними стенами, — настоящая «доисторическая столица», как назвал Дамаск побывавший здесь в конце прошлого века французский поэт Ламартин. Эта часть города вместила в себя римскую цитадель, роскошный дворец турецкого наместника Азема, чудо арабской архитектуры — мечеть Омейядов, развалины древнеримских построек, мавзолеей великих арабских правителей и многое другое, включая мощный культурный слой почвы, еще совершенно не изученный.

Когда исчезает безразличие, появляется любознательность. Любознательность требует пищи. Начинаются книги и музеи. Они раскрывают глаза, а глаза — горизонты. Поездки по стране стали для меня одновременно и путешествием по времени. Оказалось, что достаточно было отъехать от Дамаска на несколько десятков километров, чтобы попасть в деревню, население которой изъясняется по-арамейски, то есть «на языке Иисуса Христа», или увидеть невдалеке от оживленного, забитого машинами шоссе черный шатер бедуина. Точно в таком же виде он мог стоять и сто, и пятьсот, и тысячу лет назад на обочине караванного пути, по которому не раз проходил погонщик верблюдов Мухаммед. Над ущельями, хранящими следы сандалий солдат фараонов, возвышаются средневековые замки, а рядом с ними — современные стремительные виадуки

для строящейся железной дороги. В порту города Тартус, у древней стены, с которой когда-то прыгали в лодки удирающие отсюда крестоносцы, сейчас стоят суда с товарами почти всех стран мира.

Я видел тракториста сирийского сельского кооператива, завтракавшего в поле на обломке античной колонны, неизвестно кем, когда и откуда сюда завезенного.

На моих глазах встречались цивилизации. Иногда они оставляли после себя величественные следы, иногда лишь намеки, порождающие догадки. Царство хеттов. Царство шумеров. Много ли о них известно?

Молчат колоннады Пальмиры. И вдруг в раскаленное безмолвие врезается рев новейшего истребителя; растает в синеве серебряная стрела самолета и вновь тишина, зной, пыль. Ползут тяжелые волны пустыни, красивые, как морские, и таинственные, как морские, потому что никто не знает, какие сокровища они хранят. Иногда из-под желтого гребня выглянет обломок статуи или покажутся остатки строений, свидетельствующие о том, что не всегда здесь было море песка, что были времена, когда в этих местах бурлила городская жизнь, развивались ремесла, процветали искусства. По этим обломкам восстанавливаются имена городов-государств: Мари, Угарит...

Мы стоим на крутом откосе и наблюдаем, как далеко-далеко внизу игрушечные машины копошатся около игрушечной плотины. Нам трудно представить, что высота ее — восемьдесят метров! Это строится второй Асуан! Грандиозный гидрокомплекс на Евфрате. Сооружение его по существу удвоит не только выработку электроэнергии, но и площадь земель, пригодных к обработке. Время от времени ветер доносит до нас из котлована голоса мощных динамиков: «Товарищ Иванов, товарищ Иванов, доложите о готовности... Товарищ главный инженер, Вас вызывает

главный эксперт. Вас вызывают к товарищу Степанову. Внимание, внимание...» Евфрат. Колыбель человеческой культуры...

Так встречаются цивилизации.

Пыхтит и лязгает экскаватор. Вот его отполированная челюсть вгрызается в твердый, спрессованный грунт. Натягиваются до предела тросы. Надрывается мотор. Сталь борется с камнем. Побеждает сталь. Ковш подцепил зубьями большую плиту. Под ней зияет черное отверстие. Машинист аккуратно опускает ковш на грунт. Мы бросаемся к образовавшемуся проходу в подземелье. Странно мерцают в полутьме белые кости скелета, окруженные глиняными чашами и вазами, вылепленными тысячелетия назад.

Так встречаются цивилизации.

Встречаются они и по-другому. Например, в виде израильской бомбы, пробивающей крышу мечети, пережившей десять веков... Или в виде очереди из автомата, прошивающей шатер бедуина.

Капризный помощник — случай свел меня однажды в кабинете директора халебского отделения национального музея с одним из деятелей культуры САР. Мы разговорились. Мой собеседник поинтересовался, какое впечатление осталось у меня от экспозиций. Выслушав мои восторги относительно некоторых экспонатов, он, грустно усмехнувшись, сообщил мне, что огромное число ценностей, найденных в Сирии при раскопках, вывезено за границу иностранными археологами и просто жуликами.

Сирия — огромный музей истории человеческой цивилизации, точнее, цивилизаций. Купцы и солдаты почти всех известных истории народов в разные эпохи прошли Сирию с востока на запад и с запада на восток, с юга на север и с севера на юг. Прошли во всех направлениях. Едва ли где-нибудь на земле найдется

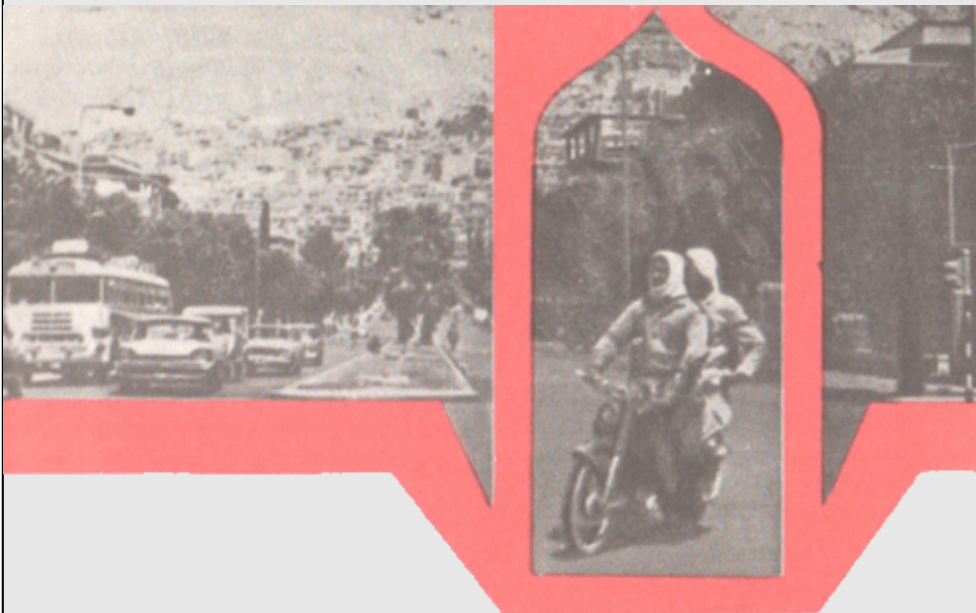
край, повидавший и переживший столько, сколько перевидела и пережила Сирия.

Ошибочно предполагать, что пребывание в незнакомой стране само по себе дает возможность понять ее дух, культуру и своеобразие. Смотреть еще не означает видеть, как видеть совсем еще не означает понять. Мне повезло. Я часто встречал людей, которые помогали мне не только увидеть то, что я хотел, но и осмыслить увиденное.

Совершенно ясно, что сейчас в Сирийской Арабской Республике происходит огромное строительство. Дело задумано большое, и оно выполняется.

Ясно и другое — на территории древнейшей страны существует и развивается молодое государство. Сегодняшняя Сирия — это античные колонны Пальмиры и нефтеперегонные колонны Хомского завода, раскаленная пыль пустыни и животворная водяная пыль водостоків Евфратской ГЭС, четыре века иноземного ига и лишь немногим более четверти века независимости, которую приходится отстаивать с оружием в руках.

Дамаск, Димишк, Аш-Шам

Наш рейс до Дамаска длился менее четырех часов. Как-то неожиданно самолет вдруг развернулся и пошел на посадку. Я прижался лбом к иллюминатору. Навстречу мчалась желтая, казалось, безжизненная земля, а и моих глазах все еще стоял зеленый разлив весеннего Подмосковья.

В старину на Востоке считалось, что если аллах желал наградить смертного, то одарял его путешествием именно в Дамаск. Кстати, сами арабы называют его Димишк. А еще чаще просто Аш-Шам.

На аэродроме меня встретил сотрудник нашего торгпредства в САР. Мы были с ним знакомы по прежней работе, но довольно поверхностно. А сейчас, увидевшись вдалеке от Родины, обнялись и расцеловались.

Я делился с моим коллегой последними новостями и одновременно оглядывал зал аэропорта. Кроме

нескольких надписей арабской вязью, ничего не напоминало здесь востока, Даже униформа полицейских и служащих была европейского образца. Мне пришла в голову мысль о том, что современные средства сообщения совершенно изменили понятие «путешествие». Слово это уходит из обращения. Его заменили более точные: поездка, командировка.

В сотне метров от нас возвышался почти законченный корпус большого здания. Кивнув в его сторону, мой спутник объяснил, что помещение, в котором мы находились, всего лишь багажное отделение будущего Дамасского аэропорта. Весь этот комплекс должен был быть закопчен еще в 1958 году. Но страна до сегодняшнего дня почти все время в состоянии войны. Ведь Сирийская Арабская Республика получила независимость лишь весной 1946 года. И это после четырехсотлетнего господства турок и четвертьвекового — французских колонизаторов. А вскоре началась война Израиля против арабов. Бюджет страны — это бюджет военного времени. Удивительно, как еще здесь проводится огромное строительство.

Широкое, как взлетная полоса, шоссе уносило нас от аэропорта в город. За нами в голубизне неба таяли ажурные контуры будущего дамасского аэровокзала. Вокруг расстилалась выжженная солнцем равнина, ограниченная вдали горной грядой Антиливана.

В открытое боковое стекло врывался сухой горячий ветер. Я подставлял ему лицо, смотрел на приближающийся к нам зеленый массив и думал о стране, в которой мне предстояло жить.

Через несколько минут езды по обеим сторонам шоссе потянулись зеленые насаждения. Пирамидальные тополя, фруктовые и оливковые деревья. Между деревьями виднелись огороды, небольшие луговины, поля. Зеленый массив разросся и тянулся километр за километром.

— Знаешь, что это такое? — спросил мой спутник, и, не дождавшись ответа, продолжал:

— Это, мой дорогой, знаменитый библейский рай! Именно отсюда, как говорится в легендах, в свое время были выдворены наши прапрапра — Адам и Ева.

Я узнал, что шоссе, соединяющее аэродром с городом, проходит по Гуте — оазису, издревле окружающему Дамаск. Это зеленый остров жизни в серых просторах пустыни. В настоящее время его площадь триста квадратных километров. Раньше она была намного больше. Во времена, давно прошедшие, густые леса покрывали вообще чуть ли не всю территорию Сирии.

Сейчас Гута — основной район садоводства, снабжающий фруктами не только столицу, но и добрую половину страны. Как это ни парадоксально, в Дамаске фрукты и овощи значительно дешевле, чем в провинциальных сирийских городах, не говоря уж о деревнях. Главный продукт сирийских садов — оливки, потом виноград, абрикосы, яблоки, груши, фисташки, апельсины, лимоны. Потребностей внутреннего рынка садоводство не обеспечивает. В то же время часть фруктов идет на экспорт.

Гута неотделима от Дамаска. Она его обрамление. Его слава. Его история. Его песня. Русский монах Василий Барский, путешествовавший по Сирии в начале XVIII века, дает представление о Гуте, как о месте «веселом и прекрасном; далече протяженном на восток и полудне близ гор высоких». Да и побывавшие тут позже путешественники утверждали, что каждый, кто увидит Гуту с ее фруктовыми садами, разделенными протоками воды, почувствует в себе прилив радости и умиротворения.

Да, тот, кто побывал в Гуте, не может не согласиться с этим. Представьте себе дорогу, пробивающуюся сквозь зеленую стену зарослей. Над головой оплетенные диким

виноградом ветви самых разнообразных деревьев. Журчанье бесчисленных ручьев сливается со щебетом и пением птиц. В розовых, белых, голубоватых взбитых париках стоят яблони, абрикосы, сливы. А над ними по бескрайнему небу плывут желтые горы...

Испокон веков Дамаск лежал на бесконечных путях купцов и солдат. Позже к ним прибавились паломники — христианские и мусульманские. Нет ничего удивительного в том, что после голых пустынь Аравии, обжигающих пыльных ветров Месопотамии, утопающий в омуте зелени, пропитанный запахом цветов, наполненный звоном фонтанных струй и пением птиц город казался усталым людям воплощением всех представлений о рае. Если к этому добавить почти что «райский» климат Гуты, контраст с окружающей Гуту пустыней, причудливую архитектуру города, древние развалины, оставшиеся от незапамятных времен, легенды, связанные с ними, то вполне можно понять Мухаммеда, отказавшегося, как говорит предание, въехать в Гуту — земной рай, дабы не утратить своей веры в рай небесный...

Мы въезжали в город. Возле картинно красивой, изящной крепостной башни, словно перенесенной сюда со страниц учебника по истории, наше шоссе вливалось в широкую улицу. По одной стороне ее стояли дома, а вдоль другой тянулась крепостная стена.

Это, собственно говоря, граница Старого Дамаска, пояснил мой спутник, — что-то вроде здешнего кремля. Стены, как видишь, сохранились плохо. Большая часть их вообще снесена. А те, что остались, используются под жилье. В них выдалбливают кельи... Уцелело и несколько ворот.

Улица оканчивалась базаром. На небольшой площади расположились лавки, палатки, тележки, заваленные фруктами и овощами. Прямо на мостовой возвышались горы арбузов, дынь, баклажанов, кабачков.

Машина наша потихоньку пробиралась сквозь типичную для любого базара пеструю, шумящую, как-то особо оживленную толпу. Ноздри приятно щекотал запах жареного мяса.

Хотелось побыстрее добраться до гостиницы, вымыться, пообедать и разобраться в полученных впечатлениях. Через несколько минут наша «Лада» (так именуются за границей «Жигули») остановилась у массивного семиэтажного серого здания, на фасаде которого значилось: «Semiramis».

Прежде чем оставить меня, мой товарищ сказал:

— Завтра — воскресенье. У тебя будет время, чтобы побродить по Дамаску. Кстати, воскресенье здесь выходной день только для нас, для местных же государственных служащих выходной по пятницам.

Он посмотрел на часы:

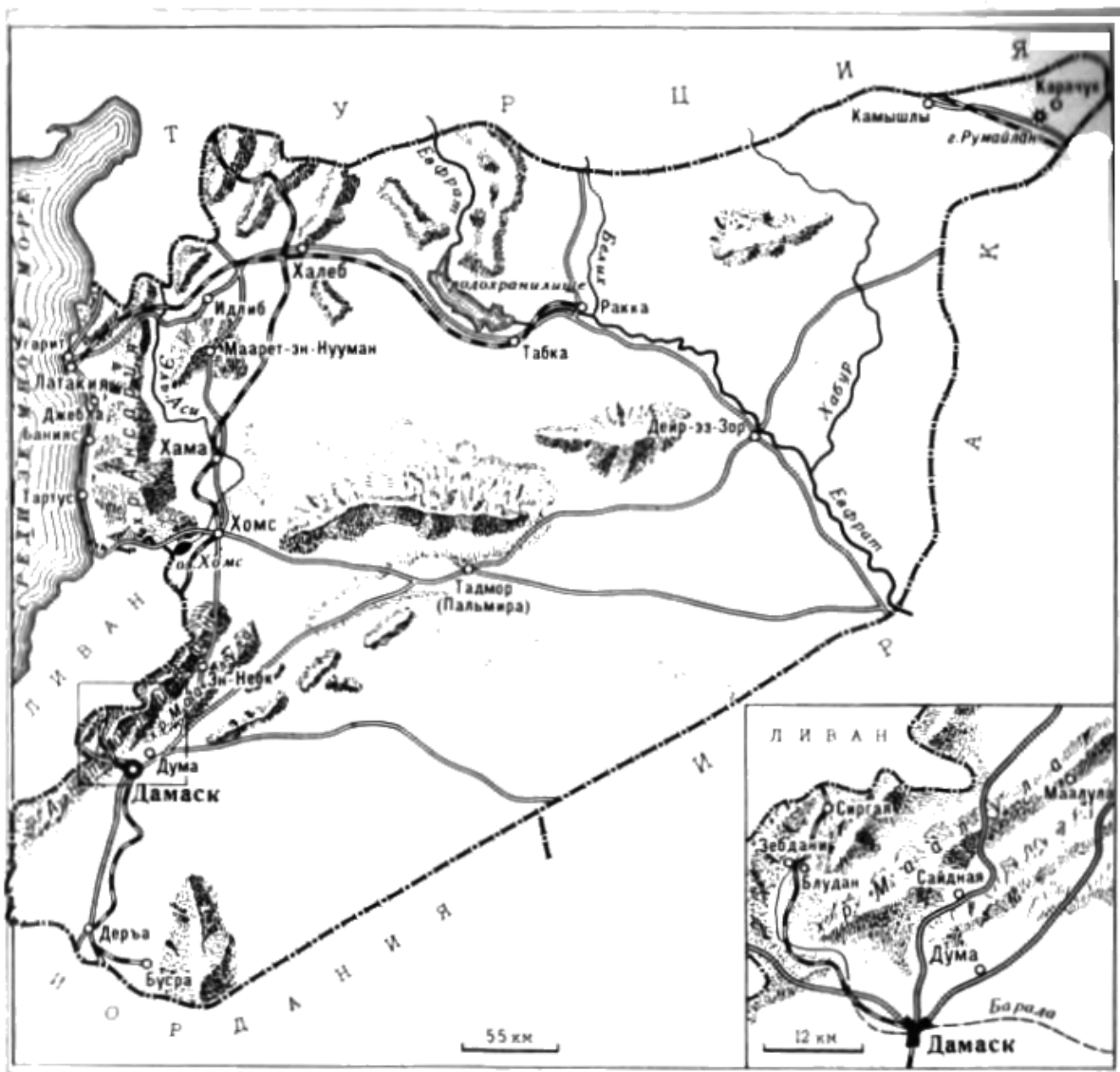
— Сейчас два часа. В семь мы с женой за тобой заедем. Советую пару часов вздремнуть. Имей в виду, с двух до пяти город замирает. А теперь: «маа-салями» — «пока!»

Я принял душ, но особой бодрости не обрел. На улице было как в духовке: жарко и сухо. В распахнутое настежь окно, помимо духоты, вливался такой шум, что голова разламывалась. Обедать расхотелось.

Я улегся на кровать и занялся восстановлением в памяти сведений о Сирии. Наряду с Египтом и Месопотамией она является колыбелью человеческой культуры. Действительно, в долине Евфрата, в Гуте и в некоторых других местах Сирии найдены следы поселений, относящихся к самым отдаленным временам. Считается установленным, что в IV-III тысячелетиях до нашего летосчисления обитавшие здесь племена шумеров, или шумерийцев, освоили обработку аллювиальных земель долины Тигра и Евфрата и перешли к оседлому образу жизни. Земледелие способствовало быстрому развитию рабовладельческих

отношений и образованию нескольких небольших городов-государств.

С самых ранних времен Месопотамия и Сирия заселялись семитскими племенами, прародиной которых был Аравийский полуостров. Пришельцы быстро перенимали культуру народностей, обитавших на этих землях до них, и переходили к земледельчеству. Одно из этих племен, осевшее на территории нынешней Палестины, вошло в историю под именем ханаанян, а

другое, обосновавшееся на побережье Средиземного моря, стало предками финикийцев — отважных навигаторов древнего мира. Это ими были основаны города Тир, Судол, Библес, Угарит, Газа.

В результате бесчисленных миграций территория Сирии все больше и больше заселяется арамейцами, также выходцами из Аравийского полуострова. Их язык, весьма близкий к арабскому, стал межгосударственным официальным языком древнего Ближнего Востока.

В XXII веке до новой эры все находящиеся здесь города-государства объединяются семитским правителем Саргоном в единое царство — Вавилон. Особого расцвета это царство достигло в XVIII веке до новой эры, во время правления известного завоевателя древности Хаммурапи. Затем наступает закат. На авансцену выходит новое государство — Ассирия. Время его расцвета — XIII–VII века до новой эры. Далее, сменяя друг друга, следуют: Новый Вавилон, Персия, Македония, Рим.

Сирия, лежащая на самом оживленном перекрестке важнейших международных магистралей древнего мира из Египта и Европы в страны Востока — Ирак, Индию, Китай, имела возможность впитывать культуру самых различных народов.

С историей Сирии сливается и история Дамаска. Впервые Дамаск упоминается в египетском тексте, относящемся к XVII веку до новой эры, как город, завоеванный фараоном Тутмосом III. Неоднократно говорится о его существовании и в Библии: «Авраам преследовал их до Ховы, что по правую сторону Дамаска» («Бытие», XIV, 15).

«Дамаск по причине большого торгового производства твоего, по изобилию всякого богатства, торговал с тобою вином Хелбонским и белою шерстью» (Иезекииль, XXVII, 18).

Известно, что к VII веку до новой эры Дамаск становится местопребыванием вавилонского царя Навуходоносора. В дальнейшем Дамаск входит в качестве сатрапии в состав обширного древнеперсидского царства, а с 333 года до новой эры — в империю Александра Македонского. После его смерти большая часть Сирии становится вотчиной диадема Селевка, положившего начало долголетней династии Селевкидов. Своей столицей селевкиды избрали город Антиохию, в которой в те времена проживало свыше миллиона жителей. Наступила эпоха расцвета таких городов, как Александретта, Латакия, Халеб, Буера, Пальмира.

С 66 года до новой эры для Сирии наступает новая, римская эпоха, сменяющаяся византийской. Разгром византийской армии арабами в 636 году новой эры в битве при реке Ярмук решил дальнейшую судьбу Дамаска. Он становился арабским городом. Царствование династии Омейядов (661–750 годы) стало его «звездным часом». Дамаск провозглашается столицей халифата — гигантской теократической империи, простирающейся от границ Испании и Франции до Индии и Китая. Он становится центром мировой культуры, украшается многочисленными дворцами и мечетями, воздвигаемыми по приказу правителей ради собственного тщеславия и возвеличивания.

«Золотой век» не бывает долгим. Пришедшая на смену Омейядам династия Аббасидов переносит столицу халифата в Багдад. Затем наступают тяжелые времена межвластья и анархии. Большая часть Сирии к концу XI века попадает под власть тюрков-сельджуков, а в ее приморской части появляются отряды крестоносцев. Их попытка в 1148 году овладеть Дамаском окончилась неудачей. Дамаск превращается в форпост мусульман в их борьбе с иноземцами. Город обретает былую славу и значение.

Он вновь становится столицей и культурным центром всего Ближнего Востока. На месте разрушенных зданий и дворцов воздвигаются новые. Развиваются ремесла. Процветают искусства. Этот период в истории Дамаска обрывается в 1260 году. Ворвавшиеся в Сирию монголы превратили край в пепелище.

Однако свой самый страшный час город пережил в 1400 году. Новый «покровитель Вселенной» — Тамерлан разрушил его с таким ожесточением, что в течение многих десятилетий на месте, считавшемся когда-то центром мусульманского мира, возвышались лишь груды развалин.

Прошло 116 лет. Разбив без особого труда войска мамлюков, предводитель турок-османов султан Селим-Грозный положил основу Османской империи, в составе которой Сирия находилась 400 последующих лет. Это был период резкого упадка всей арабской культуры. Перестали развиваться математика, астрономия, космография. И это во времена Коперника, Ньютона, Лапласа! Во времена великих географических открытий. В период генезиса капитализма в Европе.

Из некогда оживленного торгового центра Дамаск превращается в провинциальный город, посещаемый разве что мусульманскими паломниками по пути в святыне места. И это накладывает отпечаток на дальнейшую судьбу города. Он приобретает сомнительную славу города ханжей, консерваторов, чванливых ненавистников всего прогрессивного. Отрезанный от моря Дамаск как бы впал в летаргический сон, теряя свое не только экономическое, но и культурное влияние.

Немногочисленные и вялые попытки отдельных арабских феодалов сбросить турецкое иго оканчивались неудачами.

Существовавшие в тогдашней Сирии отношения были типичны для разлагающегося феодального общества: продажность администрации, анархия, коррупция. Основная фигура в производстве — арендатор-издольщик. Важнейшие из ремесел — ткачество, из отраслей хозяйства — обработка сельскохозяйственных продуктов.

Турецкая буржуазная революция 1908 года не улучшила положения арабов, равно как и самих турок.

Первую мировую войну Сирия начала в числе стран — участниц Тройственного союза, а кончила ее на стороне Антанты. Но это отнюдь не означало обретения независимости. Турок сменили французы, получившие от Антанты мандат на управление этой страной. Но если четыре века назад завоеватели встретили на своем пути одряхлевшее, раздираемое внутренними противоречиями государство, то теперь они стояли на горячей земле, окруженные ненавистью консолидирующейся нации. Мощные восстания охватывали всю страну.

Мандатный режим просуществовал до осени 1941 года. Французское правительство, будучи само в эмиграции, признало тогда независимость Сирии, но, как вскоре выяснилось, лишь на словах. Окончание второй мировой войны означало для Сирии возобновление войны освободительной. Несмотря на то что страна была принята в ООН и имела дипломатические отношения со многими государствами, в том числе и с СССР, французский империализм продолжал ее считать своей собственностью. Но мир стал иным. Рушилась колониальная система. 17 апреля 1946 года последний иностранный солдат покидает территорию Сирии. Страна обрела независимость.

Я закрыл глаза и не заметил, как заснул. Мне снилась река. По ней плыл пароход. На его борту виднелась четкая надпись: «Дамаск». Пароход тревожно

загудел. Но не густым басом сирены, а пронзительным телефонным звонком...

Я проснулся, снял трубку и посмотрел на часы. Стрелки показывали семь.

Мой приятель и его жена ожидали меня в холле гостиницы. После взаимных приветствий и принятых в таких случаях слов наша дама предложила:

— Давайте поужинаем в ресторане, а после посмотрим ночной Дамаск.

Темнело. Дамаск зажигал рекламы. Сейчас он казался мне гораздо более многолюдным и внушительным, чем днем. Мы довольно долго колесили по улицам. Темнота и рекламные огни — плохие помощники при знакомстве с новыми местами. Огни выписывали названия магазинов, ресторанов, кинотеатров, заливали витрины, очерчивали контуры минаретов, висели гирляндами над подъездами домов.

В поисках стоянки для автомашины мы еще долго кружили по прилегающим к центру улицам, пока, наконец, не попали на темный заброшенный пустырь, окруженный какими-то руинами. Невдалеке горел обыкновенный костер. Вокруг него расположились несколько арабов. Они мирно беседовали о чем-то своем и на нас не обратили ни малейшего внимания. Сюда почти не доносился шум соседних улиц. И если бы не автомобили, обступившие пустырь довольно плотным кольцом, то можно было бы подумать, что здесь не центр столичного города, а уголок великой Аравийской пустыни, затерявшийся и в пространстве и во времени.

Тьма еще не успела полностью завладеть небом. На западе, покрытом темно-малиновой окалиной заката, виднелись черные силуэты гор, а над ними в сиреновом небе сверкала одинокая звезда.

— Сириус?

— Он самый.

— А как называется по-арабски Сирия?

— Так же, как и Дамаск, — Аш-Шам. Или Сурия.

— Это от Сириуса?

— Нет. От Ассирии. А вот откуда Ассирия — не знаю.

Мы вернулись на оживленный проспект. Идти было трудно. Тротуар, отгороженный от проезжей части улицы железными цепями, явно не вмещал пешеходов. Большинство их составляли мужчины. Люди двигались не торопясь, как ходят на прогулках. Многие шли парами, держась за руки. Темп движения был для меня необычен. Очевидно, сказывалась многолетняя привычка деловой спешки. Но сейчас мне некуда было спешить. Кроме того, по собственному опыту я знал, — что через несколько дней потеряю чувство новизны, и то, что сегодня удивляет, завтра будет казаться обыденным и неинтересным. Я перестал нервничать и стал внимательно смотреть по сторонам.

Подавляющее большинство публики было одето в обычные европейские костюмы, при этом, насколько я мог судить, наимоднейшего покроя. Но особую элегантность придавали арабам белые и клетчатые платки, так называемые куфие, иногда удерживаемые на голове черным шерстяным обручем — агалем, иногда просто наброшенные на плечи. На представителях старшего поколения можно было увидеть малиновые фески. Встречались люди и в национальном платье: длиннополых, до щиколоток, белых рубахах или в своеобразных шерстяных костюмах, состоящих из обыкновенного пиджака, надетого поверх длинного халата без рукавов. С модными расклешенными брюками конкурировали испытанные веками мусульманские шаровары. Своим покроем они напоминают бриджи, сшитые на очень толстого человека и надетые на очень худого.

Поток пешеходов, в котором мы мирно плыли, то ускорялся, то замедлялся. В одном месте он вообще остановился, как бы преграждаемый плотиной. Функции

последней выполняла тележка уличного торговца. Добротная тележка на четырех велосипедных колесах. Она стояла посередине тротуара, а на ней, как на трибуне, ораторствовал товаровладелец. Я никогда не предполагал, что человеческая гортань способна издавать столь резкие звуки. Это были призывы приобрести мужские носки. Каждый возглас оканчивался троекратным повторением стоимости товара: «Лира! Лира! Лира!» Не прерывая монолога, торговец схватил лист газеты, поджег его зажигалкой и начал совать в пламя пару носков. Носки оказались огнеупорными. Но все равно никто не бросился их приобретать.

Мы протиснулись между тележкой с несгораемыми носками и стеной дома и миновали вход в какой-то кинотеатр, перед которым толпился народ. Я поинтересовался, сколько в Дамаске кинотеатров. Оказалось, около двух десятков. Большинство их находится в центре. Фильмы в основном египетского производства. Однако демонстрируются и французские, итальянские и американские картины. Показывают и советские.

Мимо нас с ревом двигались огромные, набитые пассажирами автобусы, разукрашенные гирляндами разноцветных лампочек. Издали они казались передвижными новогодними елками. Отчаянно сигналив, обгоняя друг друга, спешили легковые автомобили всех существующих и существовавших марок. Большинство их было размалевано (я это успел заметить еще днем) изображениями распластанных в прыжке тигров, пантер, львов, парящих орлов, огромных голубых глаз, просто ладоней и ладоней с нарисованными на них глазами, отпечатками ступней, гербами различных стран и областей. Грохотали мотоциклы. На них правила уличного движения, очевидно, не распространялись. Они двигались против общего потока машин,

пробирались под красный свет светофоров, легко и непринужденно перескакивали из ряда в ряд. Интересно, как бы чувствовал себя здесь инспектор нашего ГАИ. При этой мысли я даже рассмеялся.

— Ты что? — спросил меня мой товарищ. И, выслушав, рассказал, что произошло на его глазах не далее как вчера.

— Вижу едет на велосипеде паренек лет четырнадцати. В одной руке поднос с какими-то закусками — здесь принято возить обеды из ресторанов на работу или на дом, в другой руке мороженое. Хотя прямо бы ехал, а то выписывает синусоиду по всей мостовой. Велосипедисты здесь, как циркачи, ловкие. Ему сигналият, а он нарочно под самый радиатор суется. Короче. Задел его один таксист. Представь картину: поднос летит в одну сторону, велосипед в другую, велосипедист — в третью. Вскочил, к подносу метнулся. Ладонками месиво и черепки сгребает. Потом схватил велосипед, а у того колесо отвалилось. Парень в слезы. И так его жалко стало. Чем дело кончилось? Сунули ему несколько лир, да заодно и по шее дали.

Ну, вот мы и добрались.

Разноцветные надписи на английском языке извещали о том, что перед нами ресторан «Али-Баба». Ресторан размещался в подвальном помещении. Зал, в котором мы расположились, изображал пещеру разбойников. Выложенные булыжником стены. Полумрак. В углу по каменным глыбам с потолка временами низвергался водопад. Вдоль стен стояли картонные фигуры действующих лиц сказки: прекрасных девушек и самого Али-Бабы.

— Итак, не хочешь ли познакомиться с арабской кухней, — предложил мой приятель.

— Хочешь сказать, ужин без вина?

— Ну, нет. Во-первых, потребление спиртного, насколько я знаю, Кораном не возбраняется. Запрещено

лишь в нетрезвом состоянии молиться. А во-вторых, около пятнадцати процентов сирийцев — не мусульмане. Но пьют здесь действительно очень мало. В деревнях практически вообще не пьют. Но и в самых крупных городах на улице пьяного не увидишь. Вино продается свободно, но не во всех магазинах. Особой популярностью пользуется, пожалуй, анисовая водка. В Болгарии ее называют «Мастика», а здесь «Арак».

«Пещера», рассчитанная примерно на семьдесят посетителей, была почти пуста. Две-три пары, очевидно молодожены, да за тремя сдвинутыми столиками веселая мужская компания. Но вот в дверях появились новые посетители. Он и она. Они несут большую корзину-люльку. В люльке младенец. За люлькой гуськом шествуют еще четверо детишек— от трех до десяти лет. Фамилия усаживается за соседним столиком. Дети, за исключением младенца в люльке, быстро рассеялись по помещению. Чувствуется, что они здесь не в первый раз.

Ресторанная жизнь идет своим чередом. Из невидимых светильников льется свет, достаточный, чтобы разглядеть лицо собеседника, но не его морщины. Из замаскированных динамиков струится приглушенная джазовая музыка. Я высказал мысль, что такую пещеру разбойников можно было бы без особого труда оборудовать и в Москве, и в Варшаве.

— Это заведение рассчитано больше на туристов, — сказала наша дама. — Если же хотите отведать национальных блюд в сочетании с экзотикой, надо посетить харчевню.

— Словом, если хочешь увидеть Восток, гуляй не по центру, а по старому городу, — вмешался ее супруг. — Сказочный Дамаск существует. Только его надо отыскать и увидеть. Это трудно, а для многих вообще невозможно. Есть Дамаск для туристов и есть Дамаск для сирийцев. Это два города. Первый мы тебе с

удовольствием покажем. Второй показать нельзя. В него входят без проводников. Я знаю твою любознательность и желаю удачи, но торопись. Учти, что нынешнее поколение — одно из последних, которому доведется еще видеть старый Дамаск. Здания, построенные много лет назад, обветшали. Да и люди не хотят жить в старых условиях — скученно, без удобств. Здесь по поводу реконструкции города велись оживленные дебаты. Одни требовали беспощадно сносить старые кварталы, другие ратовали за сохранение «лица города». Строительство, конечно, идет. Возникают целые новые районы. Но все это в основном на окраинах. Проблема осложняется еще тем, что старый город построен в основном из глины, а она недолговечна. И сами по себе многие постройки не представляют никакой ценности — они хороши вкупе. Только их скопление и дает представление о «восточном арабском городе». Но изменение архитектоники потянет за собой многое. На широких проспектах нечего будет делать осликам. Их заменят и уже заменяют моторизованные коляски и грузовики. Магазины уничтожат базар. А с ним умрет и старый город. Очевидно, это неизбежный процесс.

Я хотел возразить, что может произойти другое: «заиграют» действительные шедевры древних строителей, погребенные под массой пристроек, надстроек, времянок, но не успел.

Официант подогнал к нам тележку, нагруженную массой блюдец, тарелочек и начал переставлять их на наш стол. Затем он откупорил бутылку вина и разлил ее содержимое по фужерам.

Существует золотое правило: никогда не спрашивай, как и из чего приготовлено блюдо. Нравится — ешь, не нравится — не ешь. В основном здесь были специи, соленья, маринады. Все очень острое. Спрашивать названья бесполезно. Все равно не запомнишь.

Потом были шашлыки, фрукты, и, наконец, знаменитый арабский черный кофе без сахара, пить который по традиции первому полагается хозяину, дабы убедить гостя в том, что напиток не отравлен.

Ресторан постепенно наполнялся. Удивляло почти полное отсутствие женщин. Однако это отнюдь не портило хорошее расположение духа мужских компаний. То здесь, то там слышались взрывы хохота, доносились оживленные голоса.

Очевидно, ресторанный обстановка везде одинакова. Может быть, поэтому я и не люблю ресторанов.

Официант принес счет. Я потянулся к бумажке. Приятель засмеялся:

— Все равно не поймешь. Арабы ведь не употребляют тех цифр, которые мы называем арабскими. Во всяком случае их написание совершенно иное.

Он ошибся. Я имел опыт чтения арабских цифр и очень хорошо понял сумму счета: 39–60.

Ресторан, в котором мы были, считается вполне приличным, но далеко не самым дорогим. Есть здесь и ночные клубы, и кабаре, и варьете. Говорят даже, где-то открыли рулетку. Но все это не для широких масс. Большинство же мужчин любит собираться в специальных клубах — кофейнях. Играют там в карты, в домино, в нарды. Смотрят телевизор. Просто судачат.

Мы вышли на улицу. Она все еще была оживленной, хотя и не так, как два часа назад. Поредел и поток автомобилей. Громогласный продавец огнеупорных носков исчез вместе со своей велотележкой. И только малолетние распространители лотерейных билетов оставались на своих местах.

— Знаете, как называется по-арабски лотерея — «я насыб», что значит «о судьба!».

— Ничего не скажешь. Удачное название.

На пустыре, где «паслась» наша машина, по-прежнему горел костер. Мне показалось, что люди, сидевшие у огня, даже не изменили своих поз за время нашего отсутствия.

Вскоре мы выбрались на широкий прямой проспект. Впереди в свете фонарей виднелись группы высоких пальм, а за ними вздымалась стена бесчисленных огоньков. Это город карабкался в гору. Постепенно мне начало казаться, что огни города вливаются в широкий безмолвный поток звезд, и никак не удавалось установить, где кончается город и начинается небо. Впрочем, какое это имело значение? Важно, что мы сами были частицами этого вселенского света. Проспект ушел в сторону. Теперь мы ехали узкими, слабо освещенными, но хорошо озелененными улицами, то и дело меняя направление. Крутизна подъема нарастала.

Очередной поворот, и мы мчимся по узкому прямому шоссе, упорно уходящему вверх. Город окончился. Дорога стала предельно узкой и крутой. Справа виднелась уходящая вверх каменная стена. Нетрудно было догадаться, что слева находился столь же крутой обрыв. Такой подъем не мог продолжаться долго. Действительно, вскоре фары выхватили из темноты красивое куполообразное здание, напоминающее наблюдательный пункт обсерватории. Не доехав до него метров сто, мы съехали на обочину и вышли из машины.

Далеко-далеко внизу, как огромное озеро, плескался ночной Дамаск. Вспыхивали, передвигались и гасли огненные брызги. Не было ни развалин, ни недостроенных зданий, ни свалок, ни трущоб, не было ни фешенебельных районов, ни бараков. Была ласковая земля, а на ней дороги, а на их перекрестке — город, может быть, самый древний на всей планете.

Место, с которого мы любовались ночным Дамаском, находилось на перевале. Я ни о чем не спрашивал. Не хотелось нарушать молчания. Пахло полынью.

Раскалившаяся за день земля отдавала свое тепло. Казалось, что она дышит нам прямо в лицо. И от этой близости становилось весело и спокойно.

Мы стояли в нескольких метрах от края пропасти. Далеко, далеко внизу, в ущелье извивалось широкое, хорошо освещенное шоссе, забитое автомашинами. Их огни были хорошо видны. Никакого шума сюда не долетало. Может быть, поэтому казалось, что это вовсе не машины, а живые существа на дне глубокого потока.

Это была стодвадцатикилометровая автострада, соединяющая Дамаск с Бейрутом. Я где-то читал, что еще в середине прошлого века путешествие до Бейрута длилось четыре дня и было крайне рискованным, поскольку не каждая лошадь могла преодолеть так называемую «козью тропу» — дорогу через Ливанские горы.

Вокруг нас царило безмолвие. По существу мы находились в пустыне. Среди звезд. Огромных и ярких, какие могут быть только над пустыней. Нет ничего удивительного в том, что астрономия зародилась именно здесь. Где же еще можно видеть звезды так близко и где еще так удобно рассматривать их с теплой земли. Халдейские пастухи, должно быть, знали это. И они не упустили своего часа.

Меня о чем-то спросили. Я ответил невпопад. Друзья засмеялись и сказали: «Все ясно!» Постепенно я обрел дар речи. Однако все мои восторженные слова казались мне самому плоскими, и я замолк.

Мы стали спускаться и вскоре оказались на широкой магистрали, на той самой новой Бейрутской дороге, которой только что любовались сверху. Мы развернули машину и устремились к Дамаску. Справа во мраке скорее угадывались, чем различались силуэты деревьев, а за ними темная стена гор. Дорога шла узкой долиной. Совершенно неожиданно словно из-за угла из темноты выскочил осыпанный огнями железнодорожный состав.

Маленький паровоз тянул несколько миниатюрных пассажирских вагончиков и гудел при этом так отчаянно и пронзительно, что становилось страшно за всех окружающих, не говоря уже о пассажирах.

Железная дорога пришла на смену «козьей тропе» в 1880 году. С тех пор она так и остается в целостности и неприкосновенности.

С обеих сторон шоссе нас заманивали веселые огни многочисленных ресторанов. Отчетливо слышался шум невидимых водопадов и ручьев. Время от времени на поворотах показывалась искрящаяся поверхность речки, бежавшей параллельно дороге. Это была знаменитая Барада, когда-то прозванная македонцами Золотой рекой.

Минут через десять мы выехали на широкую площадь, украшенную высоким бетонным обелиском и большим макетом земного шара. Дома, выходящие на дорогу, пока никак не могли сомкнуться и образовать улицу.

— Это начинаются павильоны международной Дамасской ярмарки. Посмотришь, что творится здесь во время ее работы. Яблоку упасть негде!

Сейчас, однако, на территории ярмарки царил полный покой, нарушаемый разве что плеском протекавшей рядом Барады... И тут я увидел здание своей гостиницы. Совершенно неожиданно мы оказались чуть ли не в центре современного Дамаска.

Дамаск без путеводителя

Я проснулся, когда солнце, поднявшись над крышами соседних домов, уже начало разглядывать мою комнату. Было если не холодно, то свежо. Вспомнив вчерашнюю жару, я на всякий случай принял холодный душ, потом лег на подоконник и стал разглядывать улицу. Она уже давно жила своей полнокровной жизнью, если судить по долетающему ко мне шуму. С высоты моего окна туши автобусов и лакированные коробочки легковых машин казались медлительными рыбинами, между которыми быстрыми и верткими живчиками туда-сюда сновали велосипедисты. Над улицей висела сизая дымка отработанных бензиновых паров, а над ней еще более плотная, хотя и невидимая глазу, завеса самых разнообразных звуков: визг тормозов, завывание сирен, крики торговцев, пулеметный треск моторов, с которых для повышения мощности сняли глушители, и еще много

других пока не опознанных мною шумов. Все они сливались в одном безысходном протяжном стоне. На противоположной стороне улицы возвышалась стена такого же серого бетонного здания, как и наше. Левее виднелся оживленный перекресток, уже достаточно прочно закупоренный всеми видами городского транспорта. Часы, вмонтированные в стену противоположного дома, показывали время завтрака. Я спустился в ресторан, подкрепился чашкой крепкого чая и вышел на шумную улицу.

Подъезд нашей гостиницы «Семирамис» выходит на широкую площадь. Правда, скорее это пересечение двух оживленных улиц, украшенное зеленым пятчком газона и будкой регулировщика движения. На другой от нас стороне площади располагалось массивное одноэтажное здание, явно недостроенное. Левее его начинался густой парк. Деревья не загораживали перспективы и я залюбовался широким полукругом скалистых Каламунских гор, казавшихся в лучах утреннего солнца почти розовыми. Они производили впечатление океанского гребня, взметнувшегося в небо и забывшего рухнуть вниз. Велика сила воздействия природы. Дребезжание улицы, бензинная гарь, пыль, чувство неустроенности — все это, только что занимавшее меня, казавшееся значительным, отодвинулось, умалилось, исчезло.

Насмотревшись на горы, я свернул за угол и пошел по улице, которую недавно разглядывал из окна. Несмотря на сравнительно ранний час, она была оживленной. Мне то и дело приходилось огибать импровизированные тиры, или, попросту, людей, палящих из духовых ружей или мечущих острые оперенные стрелы в цели, развешанные на стене дома, многочисленных чистильщиков сапог, наперебой предлагающих свои услуги, и любопытных,

разглядывающих выставленные прямо на тротуаре стенды с самыми разнообразными открытками.

Улица упиралась в красивое, но сильно запущенное здание вокзала и под прямым углом поворачивала налево. Я невольно остановился. Впереди, метрах в трехстах над скопищем глинобитных лачуг, над гвалтом и суетой оживленной улицы величественно возвышались стены древнеримской крепости. Однако подойти мне к ней не удалось. Она оказалась окруженной плотным кольцом лавочек, магазинчиков, мастерских. Это начинался знаменитый дамасский базар, так называемый «сук». Именно здесь, у стен цитадели, он и зародился, чтобы расползтись потом чуть ли не по всему старому городу. Бесчисленные «торговые точки» слились в улочки, проулочки, закоулочки. Старинные постройки обрастали пристройками и надстройками. Над ними для защиты от солнца и дождя когда-то соорудили крыши из гофрированного железа. Со временем они проржавели, прохудились. Каменные колонны дополнялись бетонными, жечь — толем. Получилось неописуемо своеобразное сооружение. Балка, поддерживающая крышу убогой лавочки, упирается одним концом в античную колонну, другим — в глинобитную времянку, напротив которой расположена мечеть, пережившая несколько веков. Письмена на арамейском языке, высеченные, должно быть, при Понтии Пилате на колоннах портиков, заклеены афишками, извещающими мир о концертах популярной певицы или предстоящих торгах. Ярко освещенные витрины лавок по продаже сувениров — дешевых поделок под старину, и рядом в тени — инкрустации на старинных дверях, способные украсить любой исторический музей.

А вокруг море товаров. Словно морские валы, шумят ряды готового платья, ряды текстильные, обувные,

ковровые, посудные... И кажется, нет конца краю суете, крикам, мельтешению продавцов, покупателей...

Меня несколько озадачила надпись над входной аркой, исполненная по-английски и арабски: «Тошиба». По наивности я предположил, что это официальное наименование базара. Но оказалось, что это название японской фирмы.

Из полумрака туннеля, образованного сводом гофрированной крыши, до меня доносился глухой прибой голосов, шум, напоминающий чем-то деловое жужжание улья. Густая толпа осаждала окошечки меняльных касс, расположенных у входа.

Я решил, что погружаться в пучину базара мне ни к чему и перешел на противоположную сторону улицы. Я внимательно рассматривал окружающих меня людей. Бросалась в глаза неоднородность толпы. Невольно вспоминалось, что Сирия — это не только арабы, но и армяне, курды, черкесы, ассирийцы, туркмены, афганцы. Женщины встречались гораздо реже, чем мужчины. Как правило, они не закрывали лиц. Редкие закутывали голову черной вуалью. Но встречались и фигуры, полностью скрытые чадрой. Почти все женщины носили украшения — бусы, серьги, а то и колечко в ноздре. На лицах многих представительниц прекрасного пола была татуировка: изображения усов, бороды, узоры на щеках и на лбу. Как я узнал впоследствии, татуировка служила не только украшением, но и своеобразным свидетельством принадлежности к определенному племени. В случае похищения пленницу было легко отыскать... Ведь дочери пустынь (это были бедуинки) являлись в недалеком прошлом объектами разбоя.

Поражали своим разнообразием и костюмы. Длинные платья из очень яркого и пестрого материала в бесчисленных сборках и складках, короткие одноцветные платица, одетые поверх узких шаровар из легкой цветной ткани, оканчивающихся у щиколотки

фестончиками. Но, пожалуй, самыми распространенными были здесь короткие пальто из довольно плотного материала, чаще всего темно-синего, реже черного, еще реже розового цвета, дополненные черными чулками и черными же платками...

Не менее разнообразно и пестро были одеты мужчины. Белые галабие (халаты с широкими рукавами), черные накидки бедуинов, рубахи до щиколоток, жилеты, курточки, военные френчи, брюки мусульманского покроя, галифе на выпуск, плащи черные, белые, плащи на меху. Помимо обычных здесь платков, встречались тарбуши (фески), чалмы, каракулевые шапочки в форме «пилоток», фуражки, спортивные вязаные шапочки и даже наши ушанки.

Меня очень поразила нежная привычка мужчин носить на руках младенцев. Типичная картина: худощавый, стройный бедуин в длиннополном из английской шерсти збуне (длинном платье, дополненном пиджаком) с маленьким ребеночком на руках пробирается сквозь плотную рыночную толпу. За ним гуськом следует несколько женщин и детей. При этом старшие несут своих младших братьев и сестер. Дети чувствуют себя в этом кричащем, шумящем мире совершенно спокойно. Ни плача, ни слез, ни капризов. Малютка сладко спит на груди у отца, нежно прикрывающего его концом своего белоснежного платка.

Солнце подкрадывалось к зениту. Об утренней прохладе осталось лишь воспоминание. Душно. Пыльно. Улица грохочет. Кажется, что сейчас она лопнет под напором бесчисленных автомашин, мотоциклов, трехколесных мотоколясок, лошадей, запряженных в повозки, навьюченных осликов и толпы. Все это движется непрерывно и в разные стороны. У стен домов приютились бесчисленные чистильщики сапог, торговцы посудой, лепешками, ножами, носками, гребенками и

прочими товарами. Я уже давно перестал различать составные элементы уличного гвалта. Пестрые одеяния женщин, их платки, золотые украшения, желтые цепи гор, видные отсюда сквозь пролеты улиц, выгоревшее небо с застывшим ослепительным солнцем в зените — все это слилось и один вертящийся круг. Мне вдруг захотелось вернуться домой, встать под холодный душ, переодеться. Но это была минутная слабость. Я решил во что бы то ни стало обойти центр города по периметру. Теоретически это выглядело несомненно просто. Достаточно было следовать вдоль стен старого города. На практике же сразу возникли осложнения. Прежде всего я никак не мог отыскать городской стены. Вместо нее глаза упирались в ветхие глинобитные строения, хибарки, или, в лучшем случае, одно-, двухэтажные домики. С их хилой внешностью резко контрастировали монументальные стены большой мечети, мимо которой я уже давно двигался. За первой мечетью последовала вторая, еще более монументальная и обширная. Впоследствии выяснилось, что это медресе — мусульманское духовное училище. В толстом основании окружающей его стены были выдолблены метра в два глубины ниши в форме сегментов. Именно в них и разместились мастерские различных ремесленников. Даже в самом высоком месте такой норы нельзя выпрямиться. Три четверти ее пространства занимают сырье, инструменты и готовая продукция. Все работы производятся только на корточках. Маленький горн, наковальня. Звонят удары молота. Сыпятся искры. Мастер бросает в корыто с водой поделку и утирает пот. Вот так, на корточках, за часом час, за годом год, всю жизнь. У входа в мастерскую обычно сидит знакомый мастера, а возможно, клиент. Течет беседа. И кажется, что продолжается она уже много, много лет, а может быть, и веков.

Окончилась стена медресе, а с нею и мастерские ремесленников. Улица выливалась в площадь, заставленную фруктовыми палатками. Было похоже, что там начинался новый базар. На противоположной стороне улицы возвышался высокий минарет, облицованный зеленым камнем. Это была мечеть Синан-паши, построенная в 1590 году. Она была мне знакома по фотографии из просмотренного вчера путеводителя по Дамаску.

Никакой городской стены не обнаруживалось. Впереди все обозримое пространство занимал базар. Точнее, тот его участок, где продают поношенные вещи. В народе это называется барахолка. Боясь заблудиться в этом торжище, я решительно свернул налево, в первую попавшуюся улицу. Вдоль нее тянулись магазины, но проезжая ее часть оставалась свободной. Какое-то время я шагал мимо ковровых лавок. Каждая из них представлялась мне сценой миниатюрного театра. И на каждой разыгрывался один и тот же акт, акт купли-продажи. Вскоре надо мной появилась крыша из гофрированного железа, и улица окончательно превратилась в один из рядов рынка. Однако она была достаточно широкой, и грохотавшие по ее камням автобусы служили мне гарантией, что она не растворится в закоулках, тупичках и двориках, как это часто случается с улицами старых азиатских городов. Я успокоился и стал оглядываться по сторонам.

Стены туннеля составляли маленькие однотипные, как ячейки в сотах, лавочки. Если быть точным, то их следовало бы назвать ящиками. В ящиках сидели люди. Разных возрастов. На этой улице было много проезжих, мало прохожих и совсем не было покупателей. Купцы сидели примерно в одинаковых позах. Позах дремлющих людей. Гофрированная крыша, испещренная тысячами мелких отверстий, сначала показалась мне искусственным небом планетария, а потом — просто

ночным небом, плотно забитым звездами. Я даже попытался отыскать знакомые созвездия. Иногда между лавками открывались узенькие проходы. Они вели к миниатюрным дворикам; в каждом фонтанчик, несколько кустиков зелени. Дворик — составная часть мусульманского дома. В таком доме рождался новый человек. Он учился ходить. Его первым выходом в мир был выход в лавчонку отца или деда. Из поколения в поколение передавались лавки, долги, надежды, разочарования... Проходили поколения торговцев. Купец-юноша. Купец-мужчина. Купец-старик. Прадед передавал лавку правнуку. Правнук становился прадедом. Менялись правители. Менялось название страны. Оставалась торговля. Отсталая, наивная, отвлекающая колоссальные резервы производительных сил.

Пузатый автобус заставил меня прижаться к небольшой витрине, уставленной медными кувшинами, блюдами, кофейниками. Это была мастерская по изготовлению медных и латунных поделок, стилизованных под старинные восточные изделия. Я понял, что попал на так называемый «Бронзовый сук». О его существовании мне вчера говорили. Чем внимательнее разглядывал я витрины чеканщиков, тем больше нравились мне выставленные на них товары. На меня смотрело живое творчество. Очевидно, здесь находился один из очагов, где еще теплился огонек народного искусства, того самого, по следам которого восстанавливают дух эпохи, взлет или падение цивилизации. Искусство — враг равнодушия. Я открыл дверь одной из лавок. Темное помещение, куда я попал, служило одновременно и магазином, и мастерской. На стеллажах были расставлены товары. Незавершенное, так сказать, производство загромождало значительную часть комнаты. За низеньким столом сидел мастер. Ответив на мое приветствие, он отложил в сторону

молоточек, медную заготовку, в которой угадывалось будущее блюдо, снял очки и показал рукой на полки. Их занимали всевозможных форм кувшины, вазы, кофейники с длинными, как клювы болотных птиц носиками, специальные маленькие кофейники-разливалки, подносы, блюда с витиеватой чеканкой, медные люстры... Привыкнув к темноте, я разглядел в дальнем углу мастерской маленькую фигуру другого мастера, поглощенного гравировкой. К моему удивлению им оказалась совсем молоденькая девушка. Налюбовавшись товарами, я приценился к одному наиболее приглянувшемуся мне медному кувшину. Сообразив, что я ни слова не понимаю по-арабски, владелец лавки взял карандаш и цифрами изобразил стоимость предмета. Она оказалась равной стоимости приличных башмаков, или рубашки, или заработку сельскохозяйственного рабочего за три-четыре дня. Вещь стоила этих денег.

Вскоре я достиг небольшой площади, посредине которой возвышалась хорошо сохранившаяся римская арка с несколькими колоннами. В стороне виднелись следы археологических раскопок. Около арки толпилась группа туристов, кик вскоре выяснилось, из ГДР. Из объяснения их гида я уценил, что нахожусь на улице, носящей имя «Прямая» — самой древней из всех известных на земле улиц. Она упоминается в Библии, а именно в «Деяниях Апостольских»:

Встань и поди в улицу так называемую Прямую и спроси про Тарсянина, по имени Савл», — говорит ангел праведнику Ананию.

Арка была настолько хороша, что казалась декорацией, сооруженной для съемок «исторического» боевика. Я даже погладил ее шероховатую поверхность. И тепло камня мне показалось теплом рук, притрагивавшихся к нему за двадцать веков.

Туристы сели в свой автобус и укатили. А я бодро зашагал по улице, которая, по моим расчетам, должна была привести меня к знакомым местам. К моему неприятному удивлению, она очень быстро превратилась в узкий переулок, продолжавший сужаться по мере моего продвижения вперед. Редкие окна, выходившие на улицу, были расположены на уровне глаз. Это делало меня невольным свидетелем чужого быта. Во многих окнах виднелись детские мордашки. Десятки глаз внимательно следили за моими движениями. Иногда в глубине комнаты я различал женские лица и чувствовал на себе пристальные взгляды. Но мне уже было не до женщин, даже самых красивых. Я понимал, что мое спасение в твердости, и продолжал уверенно идти вперед. Глиняное ущелье привело меня к небольшим воротам, за которыми оказался широкий двор. Ребята, мирно игравшие в войну, с моим появлением прекратили все боевые действия и образовали довольно тесный полукруг, имевший тенденцию перерасти в круг, центром которого надлежало стать мне. На галереях, украшавших внутренние стены двора, стали показываться зрители. Разглядев меня во всех деталях, дети осмелели и принялись дружно скандировать: «Алло, мусье! Алло, мусье!»

Что было, то было. Я бежал. Очевидно, в эти тяжелые для меня минуты я перепутал направление, поскольку вместо знакомого переулочка попал в глухой тупик, а из него на пустырь. Я взобрался на груды битых камней, огляделся и констатировал, что окончательно заблудился. Меня окружали старые двухэтажные дома. При этом вторые этажи нависали над улицей. Это делало дома удивительно похожими на когда-то близких людей, разлученных судьбой и случайно встретившихся под старость. Они готовы броситься друг другу в

объятия, ища друг у друга поддержки от тяжести навалившихся воспоминаний.

Передо мной был самый что ни на есть натуральный средневековый город. Именно таким я когда-то представлял его в своем воображении. Я брел, почти не разбирая дороги, какими-то проходами, двориками, пока совершенно неожиданно для самого себя не вывалился в оживленный торговый ряд базара. Как я обрадовался! Правда, причин для веселья пока не было. Я ничего не умел спросить, но присутствие толпы успокаивало. Я плыл по узкому проходу, стены которого были увешаны гирляндами сандалий, вдыхал острый запах выделанной кожи и с любопытством осматривал все вокруг. Здесь было царство сапожников. Туфли кожаные, парчовые, атласные, бисерные, серебряные, золотые... Минуту назад мне бы и в голову не пришло, что Дамаск нуждается в таком количестве обуви. По странной коммерческой логике, в сапожный ряд вклинились лавки ювелиров. Дневного света, просачивающегося сквозь дыры и щели крыши, им не хватало. Витрины ювелирных магазинчиков подсвечивались многочисленными лампочками. Их лучи падали на разложенные под стеклом сокровища, зажигали их, заставляли гореть тем самым огнем, который так дразнит воображение. Я переходил от витрины к витрине, с интересом рассматривая все эти великолепные безделушки. Владелец одной из таких лавочек, благодушно восседавший у дверей с мундштуком кальяна во рту, увидев меня, оживился, вскочил и заговорил по-русски, почти без акцента: «Товарищ, заходите». Он протянул руку, я не мог не пожать ее, а следовательно, должен был войти в его заведение. Он усадил меня на узенький диванчик и протянул кишку с медным мундштуком, предварительно вытерев его о рукав сорочки. Я с детства слышал об этом приборе для курения:

*Гирей сидел, потупив взор.
Янтарь в устах его дымился...*

но, честно говоря, не совсем представлял себе его устройство. Любопытство взяло верх. Я сунул в рот «янтарь» — массивный латунный наконечник, похожий на небольшой брандспойт, и потянул в себя воздух. Никакого эффекта. Хозяин показал мимикой, что надо действовать энергичнее. Я попробовал. В большой стеклянной колбе, стоявшей на полу, забулькала вода, а уголек, лежавший на медной розетке, крепленной на горлышке колбы, ярко вспыхнул. Дым до отказа заполнил мои легкие. Я закашлялся и, не возобновляя попыток, возвратил дымящуюся кишку.

Размеры торговой клетки, где мы сидели, не превышали кабины лифта. Кроме уже упомянутого диванчика, здесь находились столик с аптекарскими весами и маленькой г четной машинкой, стул, а также вмонтированный в стену внушительных размеров сейф. Ноги мои гудели от усталости. Чтобы продлить блаженство отдыха, я спросил своего хошина о цене первого попавшегося мне на глаза колечка, украшенного небольшим бирюзовым камешком. Небрежно Оросив его на весы, ювелир поманипулировал гирьками, поиграл клавишами счетной машины и изрек: «Точно — 17,50 лир, а для друзей 45». Я поинтересовался, почему он приравнивает стоимость камня к стоимости золота и узнал, что так принято в здешнем ювелирном мире.

— А если бы это был бриллиант?

— Если бы я имел бриллиант размером с эту бирюзу, то я бы сейчас здесь не сидел.

Мне не раз приходилось слышать из уст местных жителей русскую речь и меня всегда удивляла чистота

их произношения. Я поделился своими мыслями с собеседником и услышал:

Я — армянин. Почти все люди плавильного сука (так называют здесь ювелирные ряды базара) — армяне. Русскому языку я нигде не учился. Советских товарищей теперь часто можно видеть в нашей стране, и я стал понимать их разговор. Многие арабы тоже говорят по-русски. Иначе нам нельзя. К тому же, если хочешь торговать, надо знать язык.

Я от души поблагодарил собеседника, пообещав еще раз наведаться к нему, и вновь влился в рыночную толпу. Во время следования каким-то узким каменным коридором я был застигнут грузовиком. Борта его кузова почти касались стен домов. Не желая быть вдавленным в стену, я шмыгнул в небольшую дверь и совершенно неожиданно оказался, как мне показалось, в... музее. Это был небольшой вымощенный каменными плитами двор с бассейном и фонтаном посередине. Легкие колонны поддерживали над большей частью двора сводчатые перекрытия. Помещение, обильно украшенное мозаикой, орнаментами, резными люстрами и цветными стеклами, было буквально завалено, заставлено старинными доспехами, шлемами, кольчугами, саблями, ятаганами, кинжалами, кубками, вазами, кувшинами, гигантскими медными блюдами с затейливой чеканкой. Тут же, переливаясь всеми возможными цветами, ослепляли глаза развернутые штуки парчи. В открытых сундуках покоились груды старинной утвари и украшений. В дальнем углу громыхал ткацкий станок совершенно допотопной конструкции. Его приводил в действие ткач, нажимая босыми ногами на педали-дощечки на веревочных петлях. Педелей было много. Ткач нащупывал нужные, в определенной последовательности нажимая их, и тут же искал другие. Все это делалось непрерывно, обеими ногами, с уверенностью автомата. Опускалась и

поднималась громоздкая рама, шнырял туда-сюда челнок. Нить сплеталась с нитью, рождая знаменитую дамасскую парчу. Мне никогда не забыть этого станка. Этой пытки, именуемой мастерством.

— Чистый шелк. Натуральный шелк. Ручная работа! — раздалось на безукоризненном русском языке за моей спиной.

Человек, столь безошибочно определивший мою национальность, оказался продавцом, а музей — магазином. Все выставленные здесь товары продавались. Я признался, что лишь первый день брожу по Дамаску и не знаю, как добраться до гостиницы. Продавец заявил, что это проще простого. Он вручил мне рекламный буклет, на первой странице которого значилось: «Школа — Азема — школа». Затем на французском и английском языках уведомлялось о том, что в 1770 году пашой Абдулой Аль-Аземом в Дамаске была основана медресе (школа) по обучению студентов-теологов искусству ремесел и торговли. На последней странице рекламки был начерчен четкий план-схема всего базара с прилегающими улицами и с указанием кратчайшего пути к магазину, в котором я находился. Далее я узнал, что указанная медресе располагалась в этом помещении, а дворец меценатствовавшего паши где-то неподалеку.

Разумеется, покинув магазин, я немедленно сбился с дороги, но боязнь заблудиться исчезла. Я шел крытыми галереями, просто узкими улочками, мимо древних арок и коллонад, держащихся лишь потому, что глыбы, их составляющие, еще не решились, на чью голову им падать. Я заглядывал в проходы между рядами лавок и любовался открывающимся покоем внутреннего дворика или мечети. Мраморные таблички, прикрепленные к некоторым зданиям, указывали дату их постройки: XIII, XIV, XV, XVI век. А вокруг бушевало торжище. Особенно впечатляли текстильные ряды. Волны тканей всех

цветов, тонов, оттенков, которые только можно вообразить, переливались, колыхались, взлетали вверх и падали на прилавки под ловкими руками фокусников-купцов. Туго свернутая в цилиндры, сверкала, как болванки драгоценного металла, парча. Поблескивали огнем штуки шелков. Подброшенные в воздух, они оставляли за собой огненные хвосты то ли ракет, то ли жар-птиц. Иногда казалось, что с потолков низвергаются водопады, пронизанные разноцветными лучами. Иные полотнища больше всего напоминали густую темень ночи, другие — застывшие блики пожара, третьи — звездное небо.

И не мог себе представить, чтобы всю эту массу товаров мог поглотить внутренний рынок Сирии. Сомнения мои, впрочем, оказались верными. Значительная доля продукции текстильной промышленности идет на экспорт.

И уверенно продвигался вперед и не заметил, как гофрированные небеса уступили место настоящим. На их голубом фоне плыли высокие, как фабричные трубы, минареты. Но не они поразили меня, а группа потемневших от времени высоких колонн. Они легко несли высоко над толпой остатки искусно орнаментированного капителя. Похоже было, что время здесь дало осечку. Сооружения эти не походили ни на музейные экспонаты, ни на развалины. Они естественно вписывались в пейзаж. Они служили опорами для торговых палаток, столбами для расклейки афиш... Забегая вперед, скажу, что после развалин Пальмиры и театра в Буере эти римские руины, расположенные в самом центре дамасского базара, произвели на меня, пожалуй, самое сильное впечатление из всего виденного в античной Сирии.

С небольшой площади открывался вид на высокую каменную стену. Рядом с пробитыми в ней воротами виднелась мраморная дощечка с надписью: «Мечеть

Омейядов, построена халифом Аль Валидом. 705 год Р. Х.».

Значит, я стоял перед главным входом в самую знаменитую на всем Арабском Востоке мечеть. Через раскрытые ворота хорошо просматривался ее большой двор, портики, фонтаны, мозаика. Я знал, что приду к этому месту еще много раз, чтобы наслаждаться тем, что дают все выдающиеся произведения искусства.

Взглянув на план города, я понял, что нахожусь на главной артерии дамасского базара, на так называемом Хамиди суке, и уже уверенно поплыл по волнам галдящего, имеющего свои подводные течения потока.

Надрывались, стараясь перекричать друг друга, бродячие продавцы чулок, белья, полотенца и всякой другой всячины. Их вопли смешивались со сложными ритмами, издаваемыми особыми музыкальными инструментами — кус, представляющими собой нечто вроде барабанов (большую глиняную крынку с натянутой на горлышко шкурой). Многочисленные поклонники куска охотно испытывали представленные образцы, соревнуясь в виртуозности исполнения. В импровизированный концерт барабанной музыки вплеталась несложная, но звучная мелодия мизлора (он напоминал пастушью дудку), извлекаемая продавцом этого товара. Из дверей бесчисленных лавок то и дело слышалось почтительное: «Алло, мусье!»

Давка не освобождала, однако, от необходимости все время смотреть под ноги, чтобы, не дай бог, наступить на товары, расставленные предприимчивыми торговцами прямо на мостовой. Одновременно надо было объяснять жестами, что ты не нуждаешься ни в гребенках, ни в сладостях, ни в других ценностях, которые тебе норовили сунуть в руки или в карман маленькие, несовершеннолетние продавцы — дети рынка. Чем ближе подходил я к выходу, тем труднее было пробиваться. Но как ни странно, плотность толпы

не препятствовала проезду мотоциклов и моторизованных колясок. Рев сирен, трескотня моторов раскалывали ее. Люди автоматически и покорно уступали дорогу машинам, даже велосипедам, но не себе подобным. Всякие попытки ускорить продвижение разбивались о стену непонимания. Так или иначе через некоторое время я достиг уже знакомых окошечек меняльных касс. Высоко, под самой крышей, красовался рекламный плакат: «Тошиба». Путешествие по базару благополучно завершилось.

Чтобы не повторять дороги, я решил пройти к гостинице параллельной улицей. Огражденный цепями от проезжей части тротуар существовал, очевидно, не столько для прохожих, сколько для уличных торговцев. Одни из них разложили свои товары прямо на земле, другие на специальных тележках, смонтированных на велосипедных колесах. Каждый норовил занять побольше места, чтобы заставить проходящих обратить внимание именно на него. Торговали чем угодно: блюдцами, тарелками, зеркалами, ножами и тому подобными мелочами. Здесь же за особыми столиками сидели писцы, сочинители прошений, заявлений, жалоб... Целая живая галерея людских портретов. Люди сидели в самых разнообразных костюмах — от классической черной пары до классических рубищ. Сидели в самых разнообразных позах — кто на кресле, кто на корточках. Сидели и торговали, торговали, торговали...

Я спустился до нужной мне улицы и скорее всего добрался бы благополучно до дома, если бы в ноздри мне не ударил до удушья острый, душистый, ароматный запах шашлыка. Я вспомнил, что с утра ничего не ел, и вдруг почувствовал себя смертельно голодным. Мне хотелось лишь одного, но хотелось неодолимо — вонзить зубы в прожаренное душистое баранье мясо. Судя по обилию харчевен, грудам фруктов,

освежеванным и разделанным тушам, подвешенным на крюках, здесь начинался продовольственный базар. Прямо на улице стояли жаровни. Можно было взять шампур с нанизанными кусочками мяса и лука и самому изготовить блюдо. Я было принялся за это дело, но в тот же момент, словно угадав мое желание, какой-то молодой человек распахнул передо мною двери и сделал гостеприимный жест. Игнорировать приглашение показалось мне невежливым. Через минуту я оказался на втором этаже в маленьком зале закуской. Отсюда хорошо была видна кухня: жаровня и стол с массивной доской. Толстый повар проворно орудовал громадным ножом, напомиравшим кавалерийскую шашку. Куски баранины, лук, помидоры мгновенно превращались под его ударами в густое, вязкое крошево. Оно нанизывалось на шампуры, а они укладывались на жаровню. И от них шел не передаваемый никакими словами аромат.

Солнце уже почти завалилось за горы, когда я, наконец, выбрался из харчевни в весьма хорошем расположении духа. Выбирая эту улицу, я имел в виду осмотреть своеобразный памятник, установленный на центральной площади города, как мне объяснили, в честь проведения телеграфной линии, связавшей Дамаск с Хиджазом. Монумент представляет собой высокую бронзовую колонну, на поверхности которой в виде барельефа изображены телеграфные столбы с натянутыми проводами. Вершина колонны увенчана миниатюрным изображением мечети. У основания памятника разбит круглый сквер с зеленой травой и бассейном.

Я долго разглядывал красивый бронзовый монумент, возведенный в центре древнего города в честь одного из гениальных созданий человечества — телеграфа. А меня, в свою очередь, разглядывали многочисленные зазывалы — организаторы маршрутов междугородних

такси — основного средства передвижения сегодняшней Сирии. Они профессиональным чутьем угадывали во мне постоянного клиента.

Мой Дамаск

Прошел месяц, другой. За это время из гостиницы «Семирамис» я перебрался в здание советского торгпредства, расположенного недалеко от подножия горы Касьюн. Фирма же, в которой я работал, находилась в центре города, и мне почти ежедневно приходилось сталкиваться с проблемой транспорта. Можно, разумеется, воспользоваться служебной автомашиной, но я не люблю легковых автомобилей. Что можно увидеть из автомобиля? Багажник впереди идущей машины да ослиный помет. Поэтому я предпочитаю тащиться вверх по крутейшему переулку к конечной остановке автобуса.

Я люблю дамасские автобусы. Их здесь в основном два вида. Современные, итальянского производства, сконструированные с учетом потребностей городского пассажира, щедро застекленные, с широким проходом,

удобными креслами, и другие, старомодные мастодонты, подслеповатые и дребезжащие свидетели былых десятилетий. Ездить приятнее в первых. Но своеобразнее — вторые. Узкие, как вход в рай, двери вводят в салон. Его передняя стенка, что над ветровым стеклом, представляет собой зеркало. Все видят всех. Остальные стены щедро украшены пространными извлечениями из Корана. Стойки, соединяющие потолок с полом, снабжены кранами и используются как бачки с питьевой водой. С потолка над головой водителя, который от пассажиров ничем не отгорожен, свисают различные талисманы. Лобовое стекло разрисовано прыгающими тиграми, львами, парящими орлами. Где только возможно, расставлены вазы с цветами.

Итак, мы садимся в автобус. Не проехав и сотни метров, он останавливается. Двери распахиваются в ожидании нового попутчика. Поскольку он толст и невысок, а двери узки и расположены весьма высоко над землей, посадка затягивается. После ее завершения мы трогаемся и вдруг опять останавливаемся. Из соседнего переулка выезжает огромная арба, которую тянет ослик. Его копытца скользят по камням, но арба остается неподвижной. Владелец длинноухого кричит: «Хаг! Хаг!», однако это делу не помогает. Улица узка. Образовавшаяся за нашей кормой длинная автомобильная очередь голосит на все лады. Хозяин арбы упирается спиной в свой тарантас и сталкивает его вместе с ослом в переулок, из которого они только что вынырнули. Дорога освобождается, и мы подкатываем к остановке. Среди ожидающих происходит борьба за первенство. Машины здесь берутся штурмом. Яростным. Ожесточенным. Очереди не признаются. Становится ясным смысл узких дверей: один человек пробки не образует. У остановки можно простоять до утра. Благо расстояния в Дамаске небольшие. В принципе за

полчаса из центра можно добраться до любого места пешком.

Салон быстро заполняется спешащими людьми. Трогаемся. Водитель набирает скорость и тут же резко тормозит. Лошадь, привязанная к фонарю, решила переменить позицию. Теперь она стала строго перпендикулярно уличному потоку. Как плотина. Флегматично потряхивая торбой, она никак не хочет сдвинуться на тротуар. Поражая точностью глазомера, водитель объезжает глупое животное. Его хозяин отвешивает покупателям товар и не обращает ни малейшего внимания на наши манипуляции. Автобус набивается до отказа, и несколько остановок мы пролетаем без задержек и остановок. Зато останавливаемся в самом неожиданном месте. Наш водитель пожелал поговорить с водителем встречного автобуса. Арабы не любят спешных бесед. Улица надежно закупоривается. Разговор приятелей идет под дружный аккомпанемент десятка автомобильных гудков. Поехали...

Я смотрю в окно.

Узкий тротуар еле вмещает поток пешеходов. Встречаются два приятеля. Объятия. Возгласы. Поцелуи. Можно подумать, встретились родные братья, разлученные много лет судьбой. Отнюдь! Это скорее всего хорошие знакомые которые, возможно, еще вчера сидели в одном кафе. Им и в голову не придет посторониться, освободить проход не мешать движению. Так же, как проходим, с трудом протискивающимся за их спинами, не приходит в голову выразить возмущение, сделать замечание. Нет, все в порядке. Каждый делает так, как ему удобнее. Пустыня велика. То обстоятельство, что это не пустыня, а современный, забитый людьми и транспортом город, положения не меняет.

Возмущаться я перестал быстро, а удивляться тому, что дамасские улицы пропускают транспорт, а прохожие по ним передвигаются — продолжаю до сих пор. Более того, здесь сравнительно редки несчастные случаи. Менее всего это заслуга местной автоинспекции, безнадежно махнувшей рукой на все, что творится на проезжей части улицы. Скорее это результат великолепной реакции водителей, сравнительно низких скоростей да воли всемиростивого случая.

Улицы Дамаска живут своей, устоявшейся за столетия жизнью. Если вы хотите пребывать в этом городе, вам необходимо войти в его ритм, его привычки сделать своими привычками, а оценки отложить до других времен.

На перекрестке у светофора двое полицейских. На них белые фуражки и элегантные коричневые кожаные куртки. Светофор состоит из двух перекрещивающихся стеклянных пластин. Одна зеленого, другая красного цвета. Пластины вращаются на вертикальном шесте. Красная значит «стоп», зеленая— «проезд». Просто и надежно. Я нигде в мире не встречал полицейских, флегматичнее здешних. Лицо дамасского стража порядка выражает всегда одну и ту же мысль: «Ну, что я могу поделывать?»

Действительно, что? Бесполезно вывешивать знак, обязывающий владельцев мотоциклов, велосипедов и ослов придерживаться общепринятого правостороннего движения, а не левостороннего. Бесполезно советовать освободить тротуары, превращенные в стоянки автомашин, или, например, запрещать проведение футбольных состязаний дворовых команд на мостовых. Столь же бессмысленно разъяснять ребятам, что перебегать улицу под носом проезжающего автомобиля нехорошо и что еще более нехорошо, даже опасно, кататься на одном велосипеде вдвоем или втроем.

Кстати, если бы меня спросили о наиболее характерной черте здешней детворы, я не задумываясь бы ответил: доброта. Счастливый обладатель велосипеда с удовольствием катает своего товарища, иногда сразу двух. Экипаж делит обязанности. Сидящий на раме управляет рулем, тот, кто в седле, крутит педали, а третий стоит на оси заднего колеса, закрывает ладонями глаза тому, кто на седле, и командует. Глаза рулевому закрывает в свою очередь тот, кто вертит педали. Ребятам интересно, а зрителям страшно.

Мой рабочий день заканчивается как раз когда начинают закрываться магазины. Торопиться мне, собственно, некуда. Дома меня никто не ждет. Я иду пешком по одной из главных улиц города Сальхии до конечной остановки автобуса. Если базар остается торговым сердцем города, то Сальхию следует признать его артерией. На ней расположены наиболее уважаемые магазины. Сальхия не подменяет значения сука, а, наоборот, дополняет его органически, служит как бы его форпостом. В отличие от базара в магазинах торговаться не принято, хотя не исключено и такое. Так что таблички с надписью «цены фиксированные», развешанные во многих магазинах, не следует понимать в буквальном смысле. Очередей в магазинах не бывает. Спрос пока что отстает от предложения. Торговля практически целиком находится в руках частного сектора; это и определяет режим работы магазинов. Торгуют с 9 часов утра до позднего вечера, правда, с трехчасовым перерывом на обед. С визгом опускаются железные жалюзи витрин, и улицы почти мгновенно становятся пустынными и голыми, как горные ущелья. Большинство дамасских магазинов невелики. Два-три продавца, редко более пяти. Почти все товарные припасы, во всяком случае лучшие, на витрине. Товары хорошего качества и наимоднейшие.

Мода не отстает здесь от парижской, а порой, думается, даже обгоняет ее.

По Сальхии лучше всего пройтись вечером, когда зажигаются огни и сгущаются тени.

Ни при какой погоде по вечерам на Сальхии не бывает пустынно. За редким исключением мужская часть публики гуляет сама по себе, женская — сама по себе. Трудно сказать, кто наряднее. По-моему, мужчины. В Сирии, насколько мне известно, никогда не было ковбоев, хотя к моменту их появления здесь уже многие тысячелетия знали лошадь. Предки дамасских обладателей джинсов, широких поясов и прочих «ковбойских» аксессуаров скакали по аравийским просторам в другой одежде. Почему же ее гнушается молодежь? Облаченная в западные наряды, она тем не менее лишена развязности.

Улица Сальхия расположена в районе, который не входит в понятие «старый город», но в то же время не относится и к новостройкам. Несмотря на свою популярность, улица узка (ширина ее проезжей части — 16 шагов) и застроена в основном двухэтажными обветшавшими зданиями.

Сальхия приводит меня через час к обширной площадке, выбитой на крутом склоне горы Касьюн. Я очень люблю это место. Здесь заканчивается город и начинается старая, теперь заброшенная дорога на Бейрут. Она круто уходит вверх, до перевала, того самого, с которого я любовался ночным городом в первый день своего приезда. Не так уж много прошло с той поры времени, а как здесь все изменилось! Тогда к самому подножию горы подкатывались зеленые языки Дамасской Гуты. Теперь же там остались лишь отдельные рощицы деревьев. Говорят, что на этом месте будет строиться новый район.

Сирийцы умеют строить быстро и хорошо. Сказка о восточной лени, получившая широкое

распространение на западе, — лживая выдумка. Я видел труд сирийских ремесленников, крестьян и рабочих.

Дамаск меняет свое лицо, точно так же, как и все остальные города мира. Может быть, здесь это больше бросается в глаза. Ведь Сирия принадлежит к развивающимся странам.

Мое пребывание в Дамаске — мгновение для этого города. Но только об этом мгновении я имею право писать. Ибо это и есть мой Дамаск.

Мой Дамаск — это город, развороченный стройками. Город, в котором старое соседствует с новым. И это соседство не мирно, не гармонично, а контрастно и бескомпромиссно. Идет борьба, и она очень трудна. Идет строительство. И ведется оно рывками, прерываясь длинными паузами. Потому что здесь кроме фронта строительного, трудового, существует фронт военный. Он требует средств и жертв. И он напоминает о себе часто и настоятельно.

Мой Дамаск — это фронтовой город, готовый каждую минуту к схватке с врагом. Ощетиненный пушками и ракетами. Город, значительную часть населения которого составляют солдаты.

Мой Дамаск — это город пустырей и недостроенных зданий, безнадзорных детей, промышляющих чисткой обуви, торговлей сладостями, лотерейными билетами и попрошайничеством. Да, многое скоро отомрет. Город украсится современными зданиями, расширятся улицы, вырастут универмаги, отойдет в область предания базар и скученность старинных районов. Появится новый, современный город, гордый своим прошлым, а еще больше настоящим. Я рад приветствовать такой Дамаск. Но я-то видел другой Дамаск — столицу, по улицам которой бродили стада овец и коз, а на окраинах были врыты в землю танки.

Я всей душой желаю скорейшего прихода Нового Дамаска, а в своей памяти стараюсь удержать Старый. И

потому я каждое утро выхожу на плоскую крышу нашего дома встречать наступающий день. Странно, я никак не могу поймать его начало. Оно подобно взрыву, который всегда неожидан. Дымка, наполняющая долину, быстро тает. Прорезаются минареты, купола, вершины деревьев, дома. Я знаю, что сейчас появится мусорщик. Вот он подходит к бочкам, куда с вечера выносят отбросы и ненужный хлам, разворачивает мешок, отбирает и складывает в него предметы, имеющие, по его мнению, ценность. Потом, умывшись в протекающем здесь ручье, он поднимается на небольшой близлежащий холмик, вынимает из мешка циновку, снимает ботинки и вступает в беседу с Аллахом.

Я смотрю со своей крыши на молящегося. Он надолго застыл на коленях, уткнувшись лицом в землю. Потом встал, обулся, свернул коврик, взвалил на спину мешок и скрылся с моих глаз за холмом.

Это значит, что скоро взойдет солнце.

На дороге показываются одна за другой две-три двуколки. Это торговцы мазутом. Небольшую цистерну тянет увешанная бубенцами и колокольчиками лошадка. В руках торговца рожок, издающий на редкость резкие, заставляющие вздрагивать звуки. Бубенцы звенят, рожок взвизгивает, а продавец выкрикивает: «Мазоть! Мазоть! Мазоть!» За торговцем мазутом появляются ослики торговцев фруктами и овощами. Жители соседних домов со своих балконов вступают в беседу как с торговцами, так и между собой. Поскольку дома в моем районе многоэтажные, беседующим приходится изрядно напрягать легкие.

Это все означает, что времени у меня остается лишь на самый легкий завтрак. Через полчаса я уже карабкаюсь к автобусной остановке.

В одном из соседних домов находится школа. Сверху, навстречу мне стекает широкий поток ребятишек. Как и подобает горному потоку, он быстр и шумлив. Ученики

одеты в одинаковые блузы бежевого цвета (здесь каждая начальная школа имеет свою форму). На углу стоит искуситель в образе усатого торговца сладостями. Я наблюдаю, как на юных мордашках разыгрываются гаммы чувств. Иные ребята останавливаются у тележки и получают чашку чаю, какие-то лепешки или печенье.

Время не ждет, мимо них бегут опаздывающие товарищи... Разыгрывается очередной акт вечной драмы: «Желание и долг».

* * *

Не часто ладят между собой эти два чувства. Но для меня они сегодня совпадают. Я должен с группой работников нашего торгпредства поехать на Международную ярмарку, которая завтра вот уже двадцатый раз проводится в Дамаске.

Впеовые Международная торгово-промышленная ярмарка была проведена в Дамаске в 1954 году по инициативе правительства Сирии. Специально созданный для ее организации административный комитет выделил в центре города участок земли размером 270 тысяч квадратных метров, на котором в настоящее время сооружено свыше тридцати павильонов. Всего в ярмарке ежегодно участвуют двадцать пять — тридцать стран. Это прежде всего арабские государства, Советский Союз, европейские социалистические страны, а также Канада, Бразилия, Италия, ФРГ, Япония и другие.

Среди международных ярмарок Дамасская — одна из крупнейших. Помимо важного торгово-политического значения для всех стран-участников она совершенно особую роль играет для стран Ближнего Востока. Здесь не только устанавливаются деловые контакты и заключаются торговые сделки. Здесь не только

демонстрируются достижения промышленности, науки и культуры. Здесь сближаются сердца арабов, живущих в разных государствах. Сюда из Ливана, Иордании, Саудовской Аравии едут целыми семьями, едут как на праздник.

В дни работы ярмарки забиты не только гостиницы и мотели. На зеленых газонах парков и площадей сооружаются милые сердцу араба шатры и палатки. В яркой толпе горожан появляются новые краски — одежда гостей, которые, как правило, приезжают в своих праздничных национальных костюмах. Дамаск в эти дни похож на радушного хозяина, принимающего близких друзей. Традиционное восточное гостеприимство здесь сочетается с традиционной деловитостью купцов.

Итак, завтра открытие ярмарки. Как преобразился этот район! Русло реки Барады очищено от хлама и отбросов. В нескольких местах сооружены небольшие запруды. Вечером, с наступлением темноты, здесь вспыхнут бесчисленные гирлянды разноцветных лампочек, взлетят высоко в воздух струи фонтанов, забурлят умело подсвеченные каскады воды.

Мы проходим широкие стеклянные двери павильона Сирийской Арабской Республики и попадаем в огромный зал. В середине его — невысокий помост, задрапированный парчой. Вливающееся солнце зажигает ее и вот вспыхнули, побежали, переливаясь всеми цветами радуги, струи какой-то неведомой, неземной фантастической реки...

В данном случае парча не просто декоративный материал, когда-то прославивший Дамаск и веками служивший образцом искусства ткачей. Сейчас она напоминает, что текстильная промышленность пока что остается ведущей отраслью сирийской экономики — и по объему капиталовложений, и по числу занятых рабочих. Правда, нынешняя текстильная промышленность САР —

это в первую очередь очистка и переработка хлопка, производство трикотажа. Именно ее представляют такие мощные государственные комбинаты, как «Хумасия» или «Дебс». На первом занято свыше трех тысяч рабочих, на втором — около полутора тысяч.

Но спрос на текстиль, трикотаж, хлопок непрерывно растет и удовлетворить его государственный сектор еще не может. Вот потому-то чуть ли не у самых стен государственных фабричных корпусов возникают, как грибы после дождя, мелкие и мельчайшие производства частного сектора. Характерно, что большинство их оснащено первоклассной техникой. Они стереотипны. Из крошечного, обнесенного высокими бетонными стенами дворика (он же склад сырья) попадаешь в цех. Те же голые бетонные стены. Высоко у потолка маленькие окошки без стекол. В одном из углов письменный стол и несколько стульев. В середине — вязальный либо ткацкий станок. Обслуживают машину один-два рабочих, обычно подростки. Из машин стараются выжать максимум возможного, быстрее окупить их стоимость.

Мы рассматриваем экспонаты раздела пищевкусовой промышленности — образцы сахара, различных консервов, масел, напитков, мучных и молочных изделий. Аналогичная картина. Наряду с новейшими большими предприятиями, такими, например, как пивоваренный завод в Адре — пригороде Дамаска — существуют тысячи кустарных производств с допотопными методами производства. Я вспоминаю, как однажды, блуждая по Гуте, мы натолкнулись на лужайку, заставленную специальными досками. Доски были смазаны чем-то темным и над ними носилось бесчисленное количество мух и пчел. Оказалось, что это производственный цех фабрики по изготовлению особого мармелада. На поверхность доски наносится слой абрикосовой мякоти. После того, как он высыхает, наносится новый и так далее. Когда слой высохшей

массы становится достаточно толстым, его отделяют от доски, нарезают, свертывают, пакуют и направляют в торговую сеть. Я сам не раз пробовал этот продукт и всегда находил его превосходным.

Проходим раздел строительных материалов. Сейчас под Дамаском работает около десятка цементных заводов с общим объемом выпуска продукции более миллиона тонн в год. Их рентабельность очень велика. Карьеры рядом, техника современна, а рабочая сила дешева. Качество изготавливаемого цемента высокое. В Дамаске десятки мастерских по производству кирпича, кафеля, черепицы, цементных труб. В своих странствиях по городу я частенько натыкался на них.

А вот продукция Дамасского стекольного завода, самого крупного из таких производств на всем Арабском Востоке. За изделиями из стекла следуют образцы металлообрабатывающих предприятий, химической промышленности. Часть павильона предоставлена ремесленникам. Здесь вы будто попадаете в уголок дамасского сука: ковры, парча, изделия из кожи, дерева, меди, серебра...

И наконец, раздел, посвященный нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Но это выходит за пределы Дамаска, и разговор об этом особый.

В то лето, лето 1972 года, напряженная обстановка в районе Голанских высот давала себя знать и здесь в центре Дамаска. И когда 11 сентября израильские провокаторы обстреляли поселок в шести километрах от города, взрывы снарядов слышались и в павильонах ярмарки. Этой провокации арабы противопоставили спокойствие и выдержку. Выставка продолжала работать и посетители могли знакомиться с тысячами экспонатов торговых и промышленных фирм.

Сирийцы: обычай, нравы, характер

Тот, кто бывал на Ближнем Востоке, знает на собственном опыте, какова роль ислама в жизни арабов. Сирия — не исключение. Мусульманская религия и сегодня во многом определяет обычаи и поведение сирийцев в повседневной жизни.

Принятие ислама налагает определенные обязательства. В частности, пятикратное свершение молитвы в течение дня. Молитва должна твориться в определенные часы. Первую молитву мусульманин обязан совершить до восхода солнца, вторую — в полдень, третью — до захода солнца, четвертую — после захода, пятую — поздним вечером. Не возбраняются дополнительные молитвы.

В населенных пунктах к своевременному свершению молитвы правоверных призывают муэдзины. Обычно призыв к молитве начинается с четырехкратного повторения слов: «Аллах всевелик!» После этого дважды пропеваается известная формула: «Нет бога, кроме аллаха...» Когда-то муэдзины поднимались на верхнюю площадку минарета и оттуда провозглашали призывы. Сейчас их «труд» облегчается радиотехникой. На минаретах устанавливаются мощные динамики, и муэдзину достаточно включить микрофон.

В Дамаске не один десяток мечетей, и число их растет.

Не стоит преувеличивать силу современного ислама, но нельзя и не учитывать его влияния. На кафедру мечетей, даже если они представляют собой архитектурные памятники, поднимаются не экскурсоводы, а красноречивые проповедники, которых слушают миллионы людей.

Мне бы хотелось рассказать о трех наиболее популярных в Дамаске мечетях — Джамиа аль Умави, Такия Сулеймания и мечети, якобы построенной на могиле дочери Мухаммеда Зейнаб.

Джамиа аль Умави, или мечеть Омейядов расположена чуть ли не в центре старого города, на месте, занимаемом когда-то римским храмом Юпитеру Дамасскому. О красоте и величии последнего можно судить по немногим, пощаженным временем и людьми фрагментам, вроде Триумфальной арки — фронтона, положенному на шесть колонн, высотой в шестнадцать метров. Вероятно, стены храма были использованы под мечеть. Предполагают, что весь архитектурный ансамбль храма был закончен в III веке, а уже в следующем, при правлении императора Феодосия (379–395 гг.), частично разрушен. Из обломков его южной стены византийцами был сооружен собор, получивший позже имя Иоанна Крестителя.

В 705 году халиф из династии Омейядов Валид бен Абд ль Малек пожелал украсить столицу великолепной мечетью, памятником, достойным эпохи, и, разумеется, самого халифа. Для этой «благородной» цели был конфискован и разобран на стройматериалы упомянутый храм Иоанна Крестителя. Со всех тогдашних центров культуры — Афин, Рима, Византии были приглашены лучшие художники, ваятели, архитекторы. На строительстве в течение десяти лет трудилось свыше двенадцати тысяч рабочих. Для внутренней отделки широко использовались перламутр, жемчуг, золото. Если и сейчас, спустя тринадцать веков, десятки раз разграбленная, многие годы находившаяся в запустении, прошедшая через горнило бесчисленных войн и пожаров, мечеть поражает воображение своим величием и великолепием форм, то можно себе представить, какой она была при своем создании. Мозаика на золотом основании, инкрустация на мраморе, отделка перламутром, десятки мощных колонн, несущих изящные легкие арки, уходящие ввысь своды... Нет ничего удивительного в том, что мечеть эта стала считаться одним из чудес тогдашнего света.

Проникнуть в мечеть можно через любые из ее четырех ворот. Но мы воспользуемся специальной дверью, расположенной рядом с западными воротами, той, на которую указывает стрелка с надписью: «Для туристов». В большом помещении с очень высоким потолком нам выдадут билеты стоимостью полторы лиры каждый и разрешат оставить под креслами обувь. Снимать обувь — правило, имеющее здесь силу закона. Женщинам, кроме того, выдадут черные накидки, в которые им надлежит закутаться, дабы не отвлекать своей красотой собеседников аллаха. Стены зала украшены образцами мозаики, покрывавшей когда-то весь внутренний двор мечети. В середине — застекленная витрина с экземплярами древних списков

Корана. Вдоль стен расставлены диваны и кресла, обитые прекрасной парчой. Журчит беломраморный фонтан, если не создавая, то подчеркивая вечно царящую здесь прохладу.

Разувшись, мы выходим из зала и попадаем в вестибюль западных ворот. Его высокие своды облицованы чудесной мозаикой. Как свежи краски! А ведь мозаике почти тринадцать веков! На панно изображены цветы, деревья, дворцы, река. Это Дамаск эпохи Омейядов. Трудно узнать в этой прозрачной, полноводной, отражающей густые кроны деревьев реке нынешнюю Бараду, захламленную, частично загнанную в трубы.

Отсюда, из вестибюля, открывается общий вид на внутренний двор. Он имеет форму прямоугольника длиной 125, а шириной 50 метров. С трех сторон двор ограничивает сводчатая галерея, с четвертой — молельный зал. Неподалеку от нашего вестибюля расположено странное строение — каменный куполообразный павильон на восьми высоких колоннах. Это так называемая «Куббат эль-Хазне». Здесь когда-то хранилась казна империи. В противоположном конце двора находится куполообразная каменная беседка, также на восьми колоннах, очевидно позаимствованных из разных строений, поскольку ни одна из колонн не похожа на другую. Это место для часов. Посередине двора — фонтан и бассейн для омовений. Обряд молитвы требует чистоты. Поэтому неременная принадлежность любой мечети — источник воды и туалетная.

Пойдемте в зал для молитв. Он огромен. Его длина— 136 метров, а ширина — 37. Сорок коринфских колонн поддерживают крутые арки, на которых тоже установлены колонны. Они-то и несут на себе тяжесть свинцовой кровли.

В центре зала четыре массивные колонны поддерживают гигантский купол. На южной стене —

четыре михраба — ниши в стене мечети, указывающие направление на город Мекку. Особенно впечатляющ тот, что расположен слева от амвона, отделанный тончайшей инкрустацией из перламутра и цветного мрамора.

Михраб — неременная деталь любой мечети за исключением одной — мекканской мечети Харам. Именно к ней-то и обращены взоры молящихся во всем мире мусульман.

Крутая лестница за резными высокими дверьми ведет на амвон — высокую трибуну из белого мрамора, с которой транслируются порой проповеди по всей стране.

К восточной части зала расположен куполообразный мраморный павильон, украшенный двумя зелеными исламскими знаменами. Сквозь его стекла можно разглядеть большую надгробную плиту. Здесь якобы захоронена голова Иоанна Крестителя, найденная во время реставрационных работ в одном из склепов стоявшего на этом месте храма.

Весь пол молельного зала застелен коврами. Ковры подношение верующих. Кстати, при совершении молитвы вне мечети мусульманин обязательно подстилает коврик или циновку и разувается.

У стен в обыкновенных канцелярских шкафах многочисленные издания Корана. По залу разбросаны группки по три — пять человек. Расположившись в самых живописных позах, собеседники обсуждают проблемы ислама, а может быть, и иные. Цветные стекла приглушают яркость дня, а толщина стен — его шум. Здесь тихо и уютно. Неслышно качаются маятники на многочисленных часах, расставленных вдоль стен. Их стрелки честно отсчитывают минуты и часы, но, странное дело, время здесь как будто застыло.

После полумрака молельного зала солнце кажется еще ослепительнее, а небо глубже. И в эту голубую опрокинутую глубину устремляются три минарета.

Самый древний из них расположен посередине северной стены. Это Арус, или минарет Невесты. Его сооружение относится к эпохе Омейядов. К сожалению, время не донесло его нам в первоначальном виде. Минарет был реставрирован и его верхняя часть выполнена в современном стиле. Минарет, расположенный в юго-восточном углу, носит имя Иисуса. Нижняя часть его представляет собой четырехугольную башню, верхняя имеет форму граненого остро отточенного карандаша. По легенде, именно на этот минарет должен спуститься в урочное время Иисус Христос для борьбы с антихристом накануне страшного суда. Как известно, ислам не отвергает Христа, а лишь отказывает ему в божественном происхождении, оставляя за ним почетную должность одного из посланников аллаха. Третий минарет — юго-западный, — построен на башне, входящей в комплекс храма Юпитера, султаном Кийят Беем в XV веке.

Нет сомнений, что после Джамиа аль Умави наиболее впечатляющим сооружением этого же рода следует признать мечеть Такия Сулеймания, расположенную тоже в центре города. Простые, изящные формы, а также выгодное расположение сделали ее символом Дамаска. Мечеть построена в 1560 году по приказу султана Сулеймана Великолепного и по проекту турецкого архитектора Синан-паши. Здание расположено в южной части обширного прямоугольного двора, окруженного с трех сторон специальными одноэтажными помещениями с куполообразными крышами, так называемыми теке, служившими когда-то пристанищем для многочисленных паломников. Теперь в них разместился военный музей. Я бы назвал его военно-историческим. Здесь собрана богатая коллекция самого разнообразного оружия со времен египетских фараонов до наших дней. Да, в истории этой страны оружие играло слишком большую роль.

Дней войны здесь было больше, чем дней мира. Из всей этой великолепной коллекции на меня наибольшее впечатление произвел один клинок из голубой дамасской стали. В старину холодное оружие из этого металла так и называлось: «Дамаск». Клинок висит на тесьме, согнутый в правильную окружность. В таком положении он может находиться десятки лет. Но стоит лопнуть стягивающей его тесьме, и голубая пружина мгновенно примет первоначальную форму. Говорят, что секрет дамасской стали утрачен, но это неверно.

Возвратимся, однако, в мечеть. По обе стороны от входа в нее — легкие крытые галереи. По бокам здания — два высоких, остроглавых минарета из белого камня, столь типичных для турецких мечетей. В середине двора — большой прямоугольный бассейн. Мечеть Такия Сулеймания, как, впрочем, и все остальные, функционирует по сей день.

Но не она и не Джамиа аль Умави пользуются наибольшей популярностью среди верующих, а мечеть, построенная якобы на могиле дочери Мухаммеда — Зейнаб. Мечеть эта расположена километрах в десяти от города. Внешне она ничем не примечательна. Стандартная бетонная постройка, каких в Дамаске десятки. Внутреннее же убранство ее поразительно. Большие окна делают помещение необычайно светлым. В середине его большая литого серебра рака. Все своды и стены мечети выложены зеркалами. Несколько тысяч, а может быть, и десятков тысяч зеркал отражают под всевозможными углами льющееся в окна солнце. Это создает изумительный по силе воздействия эффект. Плотная очередь верующих, в большинстве женщин, огибает усыпальницу тесной петлей. Люди тянутся губами к отполированному металлу, гладят его ладонями, прижимают к нему детей. Толпа медленно движется против часовой стрелки, чтобы сердце было ближе к святой.

Вопреки бытующим представлениям, мусульмане весьма терпимы к иноверцам. До пятнадцати процентов населения Сирии исповедуют христианство. Приверженцы обоих вероучений мирно сосуществовали на протяжении веков (исключение — резня в 1860 году). Христиане представлены в Сирии и Ливане в основном не католической, а православной церковью. Во главе ее стоит антиохийский патриарх, резиденция которого находится в Дамаске.

Одним из краеугольных камней ислама считается также соблюдение поста в месяц рамадан — девятый месяц лунного календаря, принятого мусульманами. «Месяц рамадан, в который ниспослан был Коран в руководство для людей и как разъяснение прямого пути и различия, — вот, кто из нас застанет этот месяц, пусть проводит его в посту...» Так говорится в Коране.

О начале поста извещает пушечный выстрел. С восхода солнца до его заката постящимся предписано не есть, не пить, не курить, даже не вдыхать запах табака.

Только с заходом солнца пушка призывает правоверных к наверстыванию тех благ, которых они были лишены в течение дня. Проголодавшиеся за день люди собираются по вечерам у накрытых загодя столов и ждут пушечного сигнала, чтобы приступить к трапезе. Одним ужином дело не ограничивается. В порядке подготовки к очередной дневной голодовке постящиеся просыпаются ночью и еще раз закусывают. Чтобы люди не пропустили время трапезы, от дверей к дверям ходят специальные будильщики (есть такая профессия), распевают песни, колотят в барабаны, шумят.

В этот месяц уменьшается продолжительность рабочего дня, сокращаются часы занятий в школах и вузах. В порядке исключения нарушать пост могут дети, больные, странствующие, а также люди, выполняющие очень тяжелую работу. В их число попадают и солдаты

во время военных действий, а также женщины, имеющие грудных детей или ожидающие родов... Все эти лица, однако, обязаны провести пропущенный пост в другое время. И лишь люди преклонных лет, которые уже не в состоянии выдержать столь суровое испытание, освобождаются от него совсем. Окончание поста знаменуется, как и полагается, разговением. Это праздник «Ид аль-Фитр». Его отмечают в первый день следующего за рамаданом месяца шавваля. Восход солнца извещает начало праздника. Закат — его окончание. В мечетях проводятся торжественные богослужения. Главный муфтий дважды произносит проповедь, которая транслируется по всей стране.

Второй, так называемый большой праздник мусульман «Ид аль-Адха» (аль-ид аль-Кабир), или жертвоприношение, приходится на десятый день последнего месяца года. Он начинается приношением жертвы — барана, которого специально откармливают весь год, и посещением могил близких. Праздник этот также сопровождается торжественным богослужением в мечетях и выступлением имама. Все учреждения, школы, лавки, магазины в течение нескольких дней остаются закрытыми. Это, кажется, единственное время, когда город замирает. Ид аль-Адха связан с возвращением паломников из хаджа (посещения Мекки). Хаджей встречают весьма торжественно. Дом возвратившегося из святых мест щедро иллюминируется, устраивается праздничный ужин, приглашаются многочисленные гости.

Хадж входит в число основ ислама. Отправляясь в хадж, мусульманин не только выполняет свой религиозный долг, но и как бы возвышается над единовѣрцами, еще не выполнившими этот обряд. В былые времена ко всякому пожилому арабу было принято обращение: «О, ходжа!» Говорят, что ничто так не удовлетворяет религиозное чувство мусульман, как

такое почтительное обращение собратьев по вере. Совершить хадж стремятся все правоверные. Однако выполнить это — дело не простое, требующее немало усилий, времени и средств.

Паломничество совершают в строго определенное время— в последний месяц лунного года — Зу-уль-Хиджжа (что и обозначает — паломничество). Поскольку лунный год не совпадает с солнечным, то все мусульманские праздники и обряды, в том числе и хадж, являются «скользящими», ироде праздника пасхи. Тысячи мусульман со всех концов света ежегодно устремляются в Мекку. Арендуются самолеты, пароходы, автобусы, автомобили, в общем всевозможные виды транспорта. Вступление на священную землю требует от верующих исполнения многих ритуалов. Обычная одежда, например, заменяется легкой белой накидкой, как для мужчин, так и для женщин. Последним предписывается не закрывать ни лица, ни рук. Запрещается стричься, бриться, остригать ногти. Надо помнить, что хадж приходится на зимние месяцы, когда даже в Сирии выпадает снег и мороз достигает десяти градусов.

Паломничество включает несколько обязательных обрядов. Важнейший из них — семикратный обход Каабы, кубообразного каменного строения, в один из углов которого вмонтирован знаменитый черный камень — предмет поклонения мусульман. Обход совершается против часовой стрелки, дабы сердца верующих приходились ближе к святыне. Желательно поцеловать черный камень, а если это не представляется возможным, то хотя бы дотронуться или даже протянуть к нему руку.

Если позволяют средства, паломник из Мекки направляется в Медину, где находится могила Мухаммеда.

Я не знаю, существуют ли киноленты, которые запечатлели все перипетии хаджа, но картин, фотографий, открыток с изображением Харама, Каабы, черного камня — великое множество. Судя по снимкам, камень этот довольно значительных размеров, примерно сантиметров тридцать пять — сорок в поперечнике. Он вмонтирован в серебряной оправе в наружную стену Каабы. По форме это вкрапление удивительно напоминает человеческий глаз. Черная поверхность камня отшлифована до блеска бесчисленным прикосновением рук и губ. По предположению специалистов, этот таинственный камень имеет метеоритное происхождение.

Очень своеобразны у мусульман свадебные обычаи. Возвращаясь как-то по старой бейрутской дороге в Дамаск, мы повстречались в одной из деревень со свадебной процессией. Пестрая толпа мужчин медленно двигалась вдоль улицы, закрыв ее для проезда. Впереди, лицом к публике, пятились музыканты с барабанами и дудками. В центре первого ряда в обнимку с ближайшими друзьями-приятелями плыл жених, молодой парень, красный от смущения, в парадном костюме.

В ожидании, пока кортеж пройдет мимо нас, мы заговорили об арабских свадебных традициях. Среди нас был товарищ, живущий в Сирии не первый год и хорошо знающий местные обычаи. Я попросил его рассказать о ритуале арабской свадьбы.

В общих чертах событие это развивается примерно так. Когда у парня есть на примете девушка, он сообщает своим родителям ее адрес и другие известные ему данные. Если его избранница сразу не отвергается семейным советом, начинается «наведение мостов». Наиболее активную роль в этом предприятии играет мать будущего жениха. Обычно, прежде чем явиться к родителям девушки с официальным визитом, она

выведывает из различных источников (в основном у соседей) интересующие ее подробности о положении этой семьи, отношениях между ее членами. Все добытые сведения подробно обсуждаются в домашнем кругу. Следующий этап — официальное посещение дома будущей невестки. Операция эта не обходится без военных хитростей. Специально, например, осматривается туалет, ибо по нему можно судить о порядке. При случае заглядывают на кухню, отворачивают ковры, просят показать рукоделие, похваливают кушанья, спрашивая, кто готовил. Даже прощальный поцелуй имеет косвенное назначение выведать, какими духами пользуется невеста, хорошо ли вымыта шея... При благоприятных выводах к концу визита будущим родственникам вручают фотографию сына и оставляют свой адрес. Во время последующих встреч сообщаются сведения о положении, работе и способностях жениха, о его финансовых возможностях, перспективе. Завершаются переговоры заключением договора о калыме.

Что такое калым? Сирийцы растолковывают что это попытка материального обеспечения женщины в случае развода, а одновременно и доказательство того, что жених уже способен зарабатывать деньги. Поэтому уже с детства мусульманин должен думать о накоплении необходимых средств. Величина калыма самая разнообразная, в зависимости от состояния семей жениха и невесты, их социального положения. Но во всех случаях она достаточно велика: от пяти — десяти тысяч сирийских фунтов и выше. Для сравнения скажем, что месячный заработок в размере двухсот— двухсот пятидесяти фунтов считается здесь вполне приличным. Если жених настолько беден, что не в состоянии выплатить калым, он при согласии будущего тестя отработывает у него определенный срок и получает жену как бы в оплату за свой труд. Известны также

случаи договоров двух семей об обмене молодыми без выплаты калыма: одна семья отдает свою дочь другой в обмен на жену для своего сына... Но это все весьма редкие исключения.

Словом, в один из счастливых дней жених и его близкие друзья и родственники являются в дом невесты. Здесь и совершается обручение. Интересно, что и после обручения жених и невеста остаются почти незнакомыми друг другу людьми. Жениху не полагается посещать дом невесты и встречаться с ней даже в присутствии ее родителей.

В день свадьбы у жениха собираются его друзья. Празднество начинается песнями и плясками. Жениха утром купают, красят ему хной руки, одевают в праздничный наряд. Затем подводят молодцу разукрашенного коня, если дело происходит в деревне. С музыкой и песнями мужская процессия во главе с женихом движется к дому невесты. Из ворот выходит ее мать. Она завязывает на шее женихова коня яркий платок и осыпает друзей своего будущего зятя изюмом и цветами. Но на сей раз мужское общество еще остается за порогом. Вся кавалькада уносится в степь, где устраиваются традиционные соревнования, игры, скачки, пляски. После этого жених с приятелями возвращается в деревню и направляется к дому местного шейха. Вот тут в окружении подруг и родственниц появляется невеста. Сочетающимся шейх задает традиционные вопросы, согласны ли они быть мужем и женой. На этом формальная сторона дела оканчивается.

Вечером в доме новобрачной собирается женское общество. Молодая сидит на возвышении в окружении ближайших подруг. Это, можно сказать, «сцена ожидания». Крики за воротами извещают о прибытии новобрачного. Он входит в дом. Сейчас он должен говорить с женой, но прежде чем совершиться этой

сцене, происходит другая, которую лучше всего назвать «выявление характеров». Он стоит в дверях, она — в глубине комнаты. Когда она делает шаг вперед навстречу мужу, ее родня начинает вопить и требовать, чтобы не она, а он шел к ней. Его родственники отвечают возмущенными криками. Начинается общий гвалт, грозящий перейти в ругань и ссору. Однако так или иначе молодые люди встречаются и на несколько минут удаляются в отдельную комнату. По существу это их первая встреча. Сейчас им надлежит выяснить отношения. По традиции новобрачный должен ударить свою нареченную или еще каким-либо способом утешить ее, показать характер, утвердить свой авторитет. Но молодая супруга хорошо проинструктирована родней. Она понимает, что должна каким-то образом отстоять свое достоинство. Впрочем, кто знает, что происходит там в действительности. Выяснив отношения, супруг покидает женское общество и возвращается на улицу к друзьям. А у женщин начинается демонстрация нарядов и драгоценностей. Молодая время от времени покидает общество, чтобы переодеться в новый костюм. Вносят угощения, начинается общая беседа. А мужская часть общества пирует в это время в доме новобрачного.

Если на деревенских свадьбах гуляют практически все односельчане, то в городах на эти торжества приходят избранные, по особым пригласительным билетам. Резвого степного скакуна в городе заменил сначала извозчик, а потом таксомотор. У входа в дом невесты толпа любопытных. У дверей — наемный страж, обычно местный дворник, по прозвищу «хаджа». Его задача — не дать проникнуть на пир неприглашенным. Иногда «хаджу» обманывают, придумывают небылицы: мол, я богатая тетка, только что приехала из Аргентины, пропусти, а то будет скандал.

Хаджа» должен отличать родных теток от самозванок.

Все приглашенные четко делятся на две группы. С одной стороны в доме сидит родня жениха, с другой — невесты. Сама же новобрачная сидит в середине на возвышении в кругу подруг. Она молчалива, разговаривать ей не полагается: это признак невоспитанности. Рядом с нею сундук, покрытый розовым материалом. На сундуке коробки со сладостями. Их откроет супруг и угостит жену и некоторых се подружек. Считается, что девушка, отведавшая угощения из рук молодожена, обязательно выйдет замуж. Сквозная тема разговора — красота и достоинства новобрачной.

Дамы приходят на пир, как правило, в повседневных платьях и уже в гостях переодеваются. Иные прихватывают с собой весь гардероб, чтобы иметь возможность переодеться несколько раз. Нередко приглашаются артисты: певицы, танцовщицы. В танцах принимают участие все, в том числе виновница торжества... При появлении супруга веселье прекращается. Женщины закрывают обнаженные руки и шеи. Уже упомянутое уединение молодых для выявления характеров воспринимается с одобрением. Гости чувствуют себя свободнее. Друзья молодого, оставшиеся за воротами, торопят своего товарища на гулянку. И он уходит, надо думать, так и не выяснив отношений с женой. Уходит на пир, с которого уже возвращается в качестве мужа. Гости расходятся. Родня молодоженов провожает гостей до дверей, благодарит их за оказанную честь. Некоторых просит пожаловать и завтра. Всего принято гулять три дня. Удивительно, что все это, безусловно, самое веселое празднество протекает без единой капли вина.

Остается добавить: если у молодоженов через год после свадьбы не появляется ребенок, мать мужа, в

соответствии с традицией, может начинать поиск новой жены.

Согласно мусульманскому обычаю, правоверному не возбраняется иметь четыре жены. Известно, что сам пророк Мухаммед далеко превзошел указанную норму. Определение числа браков в Коране произведено позже. Это была, безусловно, прогрессивная мера, поскольку до этого число жен у арабов вообще не устанавливалось. За редчайшим исключением право развода — прерогатива мужа. После того, как он трижды повторит: «Я развелся с тобой!» — дело передается для оформления в суд. Разведенная жена имеет право на все подарки, преподнесенные ей бывшим мужем. Все расходы на содержание детей от этого брака обязан взять на себя отец.

Ислам отложил очень сильный отпечаток, в частности, на отношения полов. Для мужчины-мусульманина исключена возможность заговорить с незнакомой женщиной на улице, либо в каком-нибудь общественном месте. Особенно если дело происходит в деревне или маленьком городке.

Традиционный арабский дом, даже шатер бедуина, разделен на мужскую и женскую половины. С приходом постороннего мужчины женщины скрываются в своей части. Обслуживает гостей слуга, либо сын или младший брат хозяина. Мужчины, как правило, общаются между собой вне дома. Женщины, наоборот, принимают подруг и родственниц дома, точнее, на своей половине дома.

В этом же духе воспитывается и молодежь. Юноши собираются в свои компании, девушки — в свои. Общения между ними почти нет. Обучение в школе раздельное. Сирия одна из немногих стран современного мира, в которой практически отсутствует внебрачная рождаемость.

Весьма торжественно обставляется у городских арабов обряд похорон. Если семья умершего достаточно

имущая, о кончине извещают в газетах или специальных объявлениях. При наступлении смерти утром похороны производятся в тот же день, самое позднее на следующий день. В прежние времена покойника завертывали в саван и несли до кладбища на руках. Ныне существуют автокатафалки. Они оснащены радиоаппаратурой, разносящей по пути следования машины скорбные звуки соответствующих сур Корана. Перед погребением на кладбище семья и родственники умершего принимают слова соболезнования. Собравшиеся у могилы приглашаются на поминки. Для этой цели готовятся особые блюда: рис с мясом и орехами, кислое молоко, сладости, фрукты.

По усопшему следует прочесть сто тысяч раз суру «Очищение». «Скажи: Он — аллах — един, аллах вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!» Задача, однако, облегчается тем, что это число включает прочтение суры всеми присутствующими, и что читать следует про себя.

В прежние времена в доме покойника на целый год переворачивали ковры и не снимали с мебели чехлов. Вдове полагалось ходить в черном одеянии столько времени, сколько сочтут нужным близкие родственники покойного. Заговорить вдова имела право лишь спустя семь дней после смерти супруга. Четыре месяца и десять дней она должна была не выходить из дому, не видеть ни одного мужчину, даже не слышать мужского голоса. Особо богобоязненные вдовы даже не умывались из кувшина, поскольку он мужского рода. Одежды покойного раздавались беднякам.

* * *

Некоторым своеобразием отличаются обычаи бедуинов, кочующих со своими стадами по пустыням

Сирии.

Никто здесь не может назвать более или менее точное число их. Весьма условно считают, что их триста тысяч. Условно потому, что у кочевников нет паспортов и они нигде не регистрируют ни рождения, ни смерти. К тому же кочевники кочуют, и никто, в том числе и они сами не знают, на территории какого государства будут завтра стоять их шатры.

Традиционные занятия бедуинов — скотоводство и производство молочных продуктов, шерсти.

Никогда не забуду поездку по пустынному юго-востоку Сирии. Когда-то пустыня представлялась мне большим пляжем, морем золотого песка. Я не знаю, может быть, есть на свете и такие пустыни. Сирийская на них не похожа. Здесь нет песков. Здесь камень и пыль. Как и во всех пустынях мира, люди и животные страдают здесь больше от холода, чем от жары. Но самое страшное не жара и не холод, а пылевые бури, очевидно, похожие скорее всего на пожары. Осенью над Сирией проносится так называемый хамсин — ветер, вырывающийся из Аравийской пустыни. Он несет пыль. И пыль покрывает огромные территории, засыпая без того скудную растительность. Миллионы лет работает мельница пустыни, миллионы тонн истертых в пудру горных пород уносится отсюда ветрами за тысячи километров. Сурова природа пустыни и одновременно непередаваемо прекрасна. После океана я не знаю на земле более впечатлившего зрелища, чем простор пустыни. Велика сила ее воздействия на человеческую психику и глубок оставляемый ею в памяти след. Но если для туристов или временно попавших в ее условия людей она лишь яркий эпизод, то для живущих здесь кочевников-бедуинов она источник жизни.

...Несколько парней в долгополых галибие перегородили нам дорогу. Мы остановились и вышли из машины. Длинные бамбуковые палки с тяжелыми

металлическими набалдашниками в руках у ребят и кинжалы на узких поясах, признаюсь, вызывали у нас, мягко говоря, озабоченность. Однако поведение юных кочевников рассеяло нашу тревогу. Тот, кто был постарше, поклонился нам и указал рукой на черный шатер, раскинутый метрах в десяти от обочины шоссе. Полуупленниками-полугостями следовали мы за хозяевами. При нашем приближении от шатра отделилась пара лохматых псов, но, получив соответствующую команду, оставила нас в покое. Прикрикнувший на собак пожилой бедуин, очень худой, как, впрочем, и все бедуины, в белоснежной галибие и таком же платке, пожал нам руки и жестом пригласил под навес.

Я никогда не видел вблизи бедуинского шатра и поэтому рассматривал его с нескрываемым интересом. Это был хороший, добротный шатер из толстой, в палец толщиной черной шерсти, плотной и жесткой, напоминающей по выработке ковровую дорожку. Длина его составляла метров семь, ширина — три. Высота позволяла стоять в полный рост. За исключением маленькой, огороженной со всех сторон занавесками секции, внутренняя часть шатра была открыта для обозрения. Нас усадили под навесом на ковер, где было раскинуто несколько подушек. На земле тлел костер, над которым на особой решетке стоял небольшой медный кофейник с длинным носиком и деревянной ручкой. Один из парней достал из сундука маленькие чашечки. Старик-хозяин снял с костра кофейник, разлил его содержимое по чашечкам и, согласно традиции, попробовал его первым. Горячий густой напиток ни цветом, ни вкусом, ни запахом не походил на кофе. Но тем не менее это был кофе, который называют здесь бедуинским. В него добавляют массу каких-то пряностей. Именно они и придают напитку своеобразие.

Хозяин, как легко догадаться, не очень хорошо владел языками иностранными, а мы — арабским. Поэтому возможности нашей беседы были весьма ограничены. Бедуин тер один указательный палец о другой, приговаривая: «Россия. Арабия», что означало — близость, дружба.

Две молодые женщины притащили жбан с холодным кислым молоком. Их открытые лица были бы очень красивы, не будь на их подбородках и щеках татуировки. Мимо нас прошли три ослика, нагруженные резиновыми мешками с водой. Животных погоняли две совсем маленькие девочки. Увидев нас, они остановились, несколько секунд разглядывали во все глаза и, не сговариваясь, дали стрекача.

Бедуины живут племенами, состоящими из родов. Род объединяет несколько семей, имеющих общее происхождение. Обычно у них один прадед. Старейшина рода — лицо выборное, а следовательно, авторитетное. Им может стать также и сын предшествующего старейшины, но далеко не обязательно. Один из старейшин возводится в сан шейха. С участием советников он решает насущные вопросы своего племени: время откочевки, выбор стоянки, сбыт продукции, разрешение конфликтов, возникающих между родами или < соседними племенами.

Обычно владение имуществом в бедуинской семье общее. Для подрастающих сыновей создаются специальные сбережения, как основа калыма для будущей женитьбы. Бракосочетание бедуинов лишено многих условностей, присущих оседлым арабам. В присутствии членов обеих семей молодые отвечают на традиционные вопросы главы племени. Вот, собственно, и весь ритуал. Не считая, разумеется, пиршества, устраиваемого по этому поводу счастливым новобрачным. Молодожены поначалу живут в семье мужа, пока не обзаведутся собственным шатром.

Главное отличие бедуинского брака — свобода бедуинки в выборе мужа. Только одна она решает вопрос, принять или отвергнуть сделанное ей предложение. Безусловно, в этом главная причина редкости разводов у кочевников. А если они и случаются, то, как правило, на почве бесплодия жены. Ритуал развода здесь так же прост, как и бракосочетание. Он состоит в трехкратном повторении одной фразы: «Я развелся с тобой!» После этой церемонии жена обязана покинуть жилище мужа. Она находит временный приют в семье одного из друзей бывшего супруга. И жена этого человека обязана оказывать ей покровительство и заботу до тех пор, пока в конфликт не вмешается родня разведенной и имущественный вопрос не будет улажен. Разошедшихся супругов стараются помирить. Если это не удастся, то экономическая сторона дела решается так: в случае необоснованного, по бедуинским понятиям, развода жена имеет право взять себе из общего семейного имущества все, что она пожелает. А в случае обоснованной причины (например, бесплодие) весь калым возвращается мужу.

Характерная деталь морального кодекса мусульман: считается крайне дурным тоном бранить жену, ворчать на нее. Делаящий это мужчина как бы расписывается в бессилии воспитать жену, иначе, признается в собственной беспомощности. Отличное правило!

Интересны и другие моменты в отношениях кочевников. Если бедуин убил сородича, то родственники убитого имеют право наносить всевозможный ущерб семье убийцы. Но только в течение трех дней. Сам убийца и его ближайшие родственники находят убежище в соседнем племени. Посредники ведут долгие переговоры о примирении враждующих семей, которые завершаются встречей их представителей. Старейший из рода убийцы подходит к старейшему из рода убитого, вручает ему свой кинжал и

произносит следующие слова: «Я беру на себя вину убийцы и признаюсь, что убил твоего близкого... и вот я перед тобою. Вручаю свою душу в твои руки; если ты желаешь, то убей меня этим кинжалом, а если можешь — сжался надо мной и возьми все, что пожелаешь». Далее определяется выкуп и условия его передачи. Семья совершившего убийство устраивает угощение, на котором и заключается мир.

Деторождение у бедуинов совершается без всякого медицинского вмешательства. По тону криков женщин, присутствующих при этом, можно сразу определить пол новорожденного. Радостные вопли — мальчик, горестные — девочка. Ребенка купают в соленой воде, смазывают тело маслом, подкрашивают веки сурьмой, а на голову надевают чепчик с талисманом. Появление человека на свет нигде не регистрируется, равно как и его уход. Умершего в течение дня смерти закапывают в землю, не оставляя на могиле никаких знаков или надписей. Аллах дал. Аллах взял.

Перед тем как распрощаться, я спросил своих товарищей, должны ли мы заплатить за угощение. Очевидно, наш хозяин понял смысл фразы. Он взглянул на меня так, словно я допустил грубую бестактность. Эти нищие рыцари пустыни отличаются большим гостеприимством и щедростью. Кроме того, бедуины очень музыкальны и поэтичны, да это и не удивительно. Уж очень красива и величественна окружающая их природа. Кристальный воздух, убегающие за горизонт волны пустыни, ослепительные звезды...

Мы сердечно распрощались с владельцем шатра и направились к своему автомобилю в сопровождении тех же вооруженных молодцов и овчарок, так и не пожелавших нас принять за своих. Через несколько километров нам повстречалась «материальная база» наших кочевников — отара овец и коз. Животные двигались двумя стройными колоннами. Одну

возглавлял серенький ослик с необычно меланхоличной даже для ослов внешностью, а другую — огромный, черный козел с седой бородой и сломанным рогом, страшный, как черт. Сам пастух, сопровождаемый совершенно разморенной от жары овчаркой, плелся сзади. Я помахал ему из машины рукой. Он, по мусульманскому обычаю, приложил ладонь ко лбу, поклонился и, очевидно, сейчас же забыл о нашей машине.

* * *

Кто же все-таки они такие сирийцы, народ, имеющий такую древнюю, насыщенную событиями историю?

Я не берусь ответить на этот вопрос. Его освещение требует, очевидно, иной формы, чем форма путевых заметок. Я могу лишь привести мнения и высказывания по этому вопросу некоторых других авторов.

Если согласиться с бытующим утверждением, что дети от смешанных браков отличаются жизнеспособностью и одаренностью, то остается разделить мнение французского географа Э. Реклю, автора знаменитого в прошлом труда «Земля и люди», в котором сирийцы характеризуются как одна из самых талантливых наций из всех когда-либо существовавших. Действительно, ведь этот народ не что иное, как последнее звено в очень длинной цепи народов, населявших этот край. Однако оценку эту разделяли не все и не всегда.

Сирийцам часто ставили в вину их якобы чрезмерное пристрастие к торговле, коммерции.

По этому поводу можно сказать следующее. В массе городского как крупного, так и самого мелкого купечества можно без труда отыскать все классовые купеческие пороки, свойственные коммерсантам всех

наций, хорошо выражаемые пословицами, вроде: «Сколько у тебя в кармане, столько ты и стоишь», или «Стыд тому, кто правду скажет». Но причем здесь нация?

Только исходя из многих фактов прошлого, сегодняшнего и будущего можно говорить о том или ином характере, присущем данному народу, памятуя при этом, что в антагонистическом обществе любая нация фактически состоит из двух наций, зачастую совершенно не схожих между собой, если говорить не о цвете глаз или форме носа, а об общественном положении, сознании и тому подобном. И уж во всяком случае не купеческий дух наживы поднимал и поднимает сирийский народ на борьбу, делает его способным противостоять захватчикам, отстаивать на протяжении тысячелетий свой язык, свою культуру, свою самобытность, свою самостоятельность.

* * *

Очевидно, пора сказать несколько слов об арабском языке и его сирийском диалекте. Их надо различать.

В процессе развития арабский язык вытеснил язык арамейский и устоял перед турецким. Его, если можно так сказать, материальной базой оказалось объединение многих племен в одно арабское государство и выход их на мировую арену. Отсюда и неисчерпаемое, как казалось, богатство языка, часто сравниваемого с океаном. Но что такое богатство языка, как ни богатство культуры? Неоспоримо влияние арабов на мировую культуру и науку в VIII–XIII веках.

Позже начинается спад. А язык? Пережив свой расцвет и не исчезнув, как, например, язык арамейский, арабский классический язык в нынешнем XX веке порой испытывает трудности при столкновении с новыми

понятиями. Арабский язык не терпит чужеродных слов. Это его особенность. Появились автомобили, транзисторы, футбол и многое другое. И это новое требует своего определения, а его-го и не оказалось в сокровищнице языка.

Вот один пример приспособления арабского языка для выражения новых понятий: «журнал» и «газета». Долгое время в ходу были одновременно «сахифа» (лист, страница), «нушра» (публикация), «варка хабарийа» (листок с известием), «вакаи» (события, ведомости), «джарида» (свиток). Победителями вышли: для понятия «газета» — «джарида», для понятия «журнал» — «маджалла» (сборник). Кстати говоря, одна из старейших газет Арабского Востока «Аль-Ахрам», выходящая в Египте и поныне, была основана в 1875 году сирийцами — братьями Таклы.

Так обстоит дело с лексикой. А грамматика? По свидетельству самих арабов, их классический язык невероятно труден для усвоения. Мнение это единодушно разделяется всеми, кому приходилось его изучать. Выучивание этого языка требует всей жизни. Это не преувеличение! Но ведь язык — не самоцель.

Похоже, что мы свидетели агонии титана — классического арабского языка, который, умирая, дает жизнь чуть ли не десятку новых языков. Происходит то, что тысячелетие назад происходило с латынью. Араб из Алжира или Туниса не понимает иракца. Они могут объясниться письменно при условии, что оба владеют классическим языком. А пока что происходит довольно странное явление: народ говорит на диалекте, а в школах изучают классический язык. С диалектом борются.

Вопрос о судьбе родного языка уже не первый десяток лет волнует многих представителей арабской интеллигенции. Их борьба за сохранение языка в его старинном виде, за очищение его от «безобразящих» его

новшеств продиктована не столько консерватизмом, сколько пониманием, что этот многовековой литературный арабский язык на сегодняшний день является средством сплочения арабов. Вопрос этот не прост и выходит далеко за рамки языкознания.

По великой иронии истории, из множества великолепных литературных памятников, созданных на арабском языке, наибольшую популярность в мире завоевали два: Сказки Шехерезады и Коран. Ирония в том, что ни одно из этих произведений не может, строго говоря, считаться арабским. Принятый с восторгом читателями всех стран, переведенный на все языки, давным-давно зачисленный в избранные шедевры мировой литературы сборник сказок «Алф лайла ва лайла» («1001 ночь») по сей день глубоко презирается за свой стиль и язык арабскими книжниками, самыми рьяными защитниками классического арабского языка.

История этой книги такова. В доисламской Персии существовал сборник индийско-персидских сказок, который так и назывался: «1000 сказок». После завоевания Персии мусульманами-арабами сборник был переведен на арабский язык и получил широкое распространение в Багдадском халифате еще в IX веке под названием «1000 ночей». Примерно в 940 году багдадский писатель Джах Шняр на базе этого сборника составил новый. Так появилось название «1001 ночь». В этот сказочный венок впоследствии вплелись и древнеегипетские сказки. Первые переводы сказок Шехерезады в Европе относятся к самому началу XVIII века.

Трудно назвать другую книгу, нашедшую столь единодушный восторженный прием в разных странах, у разных народов. Однако книга эта написана без соблюдения всех канонов, предписываемых арабской грамматикой и стилистикой.

Когда говорят о классическом арабском языке, подразумевают язык Корана. Книга эта — священное писание мусульман. Помимо норм поведения мусульманина, она содержит пересказ легенд из более древних, чем ислам, религий — иудаизма и христианства.

Слово «коран» (арабское — «кур-ан») лучше всего перевести двумя словами: «настолярная книга». Происходит оно от семитического корня — «кара» (перечитывать).

Коран — это сборник записей откровений Мухаммеда, высказанных им в период 610–632 годов, и записанных лишь после его смерти. Мухаммед никогда не выдавал изрекаемые им сентенции за собственные, он всегда подчеркивал, что это предписания аллаха, избравшего его, Мухаммеда, посредником для общения с людьми. Единый бог аллах всего лишь арабское наименование бога, известного уже давно под именем Ягве или Йегова. Своим землякам Мухаммед передавал указания, полученные свыше, естественно, на арабском языке, хотя предназначены они всем народам. Идея небесного происхождения Корана многократно повторяется в его тексте.

Книгу составляют главы, так называемые суры, которые правоверным предписано выучивать наизусть и почаще декламировать. Суры составлены из стихов. Все суры Корана, за исключением девятой, начинаются стихом: «Во имя аллаха милостивого, милосердного!..»

Учение, проповедуемое Кораном, и есть «Ислам», что в переводе означает «мир» (в значении — «покой»).

Язык Корана труднодоступен даже для образованных арабов, ибо, как говорится в нем: «Слово божье иное, чем слово людское».

Заимствования из Ветхого и Нового заветов свидетельствуют о хорошей осведомленности автора Корана в вопросах иудаизма и христианства. Это,

кстати, подтверждают и факты из биографии Мухаммеда — общение с раввинами и монахами во время его странствий в качестве погонщика верблюдов.

Некоторые разделы Корана, например, описание ада и рая, носят поэтическую окраску, явно навеянную арабской лирикой того времени.

1001 год Великого Слепца

На перекрестке древней дороги Халеб — Дамаск и старой, полузаброшенной дороги, идущей из Латакии к Пальетре и далее на восток, в Индию, расположен небольшой городок Маарет-эн-Нууман. Я знаю, сколько бы ни прошло лет, я никогда не забуду это местечко. Вот и сейчас, я закрываю глаза, и память мгновенно переносит меня в далекую Сирию, в Маарет-эн-Нууман. Передо мной разбегаются пыльные улочки. Я вижу лавки, харчевни, мастерские ремесленников. Я иду к центру городка мимо базара, иду к массивному дому, выходящему на улицу, как и полагается, глухой каменной стеной. Я открываю тяжелые деревянные ворота и вхожу во внутренний двор сравнительно нового дома, вымощенный каменными плитами. На противоположной стороне двора — два стройных, совсем молодых дерева, а под ними могила. Старое,

изъеденное временем каменное надгробье. Такое старое, что уже невозможно прочесть высеченную на нем надпись. Но на стене дома, выходящей во двор, прибита черная дощечка, на которой значится по-арабски:

Ахмад бен Абд-ула бен Сулейман ат-Таннуджи
363-449
973—1058

Первая строчка цифр означает годы жизни поэта по арабскому летосчислению, вторая — по нашему. Миру он известен как Абу-ль-Аля аль Маарри, что значит: отец Аля из Мааррета. Хотя никогда в жизни Абу-ль-Аля ничьим отцом не был. Для сирийца это имя означает примерно то же самое, что для немца — Гёте, для англичанина — Шекспир, для русского — Пушкин.

Имя Абу-ль-Аля я услышал впервые при следующих обстоятельствах. Однажды я ехал из Хамы в Халеб в компании пятерых арабов. Долгая езда утомляет. Мои спутники дремали. Я хотел было последовать их примеру, да никак не мог отключиться. Насколько хватало глаз, вокруг расстилалась тщательно возделанная равнина, кое-где вспученная мягкими возвышенностями. Может быть, в другой стране и не обратишь особенного внимания на землю, покрытую зеленью. Но только не здесь! Привыкшие к желтизне гор и пустынь глаза никак не хотят отрываться от изумрудного ковра ранних всходов.

Синяя стрелка на обочине шоссе с названием близлежащего населенного пункта, на которую я не обратил никакого внимания, привела нашего водителя в возбужденное состояние. Молчавший всю дорогу, он обернулся к дремавшим на заднем сиденье пассажирам и начал о чем-то с ними переговариваться. Помнится, что весь остальной отрезок пути мои арабские попутчики провели в оживленной беседе. Насколько я мог понять, время от времени произносились стихи.

Поймав мой вопросительный взгляд, шофер ткнул пальцем в сторону оставшегося давно позади селенья и сказал: «Маарри». Большого я добиться от него не смог. Я, однако, понял, что речь шла об очень популярном человеке, скорее всего поэте, творчество которого связано с промелькнувшим мимо нас городком...

В библиотеке я нашел книжку стихов Абу-ль-Аля аль-Маарри^[1]. Я открыл ее наудачу и прочел:

*Рассудок запрещает греховные поступки,
Но к ним влечет природа и требует уступки.
В беде житейской опыт не может нам помочь:
Мы верим лжи бесстыдной, а правду гоним
прочь.*

А в другом месте:

*Закон стрелы: лететь быстрее, чем птица,
Щадить стрелка и смерти не страшиться.
Спиной, как беззащитные рабы,
Мы чувствуем следящий взор судьбы.*

И в том же роде все 142 страницы текста.

Потом я слышал эти стихи в арабском звучании. И читал подстрочные переводы. И еще раз убедился, что переводить великих поэтов под силу лишь великим поэтам...

О жизни Абу-ль-Аля известно не слишком много. Родился он в городе Мааррет в семье ученого богослова. По-видимому, он был единственным ребенком, которому родители уделяли достаточно ласки и заботы. Однако, как сообщается в одном из предисловий к его сочинениям, мальчика постигла злая участь. Заболев в возрасте четырех лет оспой, он потерял левый глаз, а

бельмо на правом сделало его полностью слепым. И тогда, говоря словами автора предисловия, «он направил свет зрения в область мысли, чудес литературы, диковин философии и прелести стихов».

Известно еще, что в молодые годы поэт совершил путешествие в Багдад. Бывал он и в Халебе, Латакии, Антиохии, Дамаске. Он встречался со многими выдающимися мыслителями, учеными и поэтами своего времени. Особенно сильное влияние на него оказали литераторы, группировавшиеся вокруг багдадского кружка «Братья чистоты», создавшие большой труд энциклопедического толка.

*...Судьба гнала меня из края в край вселенной,
но «братьев чистоты» любил я неизменно.
Друзьями стали мне года разлук с друзьями.
О, расставания, когда расстанусь с вами?*

За время своих странствий он много почерпнул из сокровищницы знаний. Исследователи единодушно отмечают его глубокое знание арабской филологии, греческой философии, догм иудаизма, христианства, ислама. Шли годы. Ученик становился эрудитом, ученым, учителем.

На одной из дорог его встретила весть о смерти матери. Печальное известие настолько потрясло поэта, что он бросил все свои дела, дал обет молчания и немедленно возвратился в родной дом, который уже никогда не покидал. К пессимизму добавился пессимизм, к темноте — темнота. Замкнувшись в себе, он стал как бы тройным отшельником: в доме, слепоте и молчании. Так прожил он пятьдесят лет. Его пищей становится чечевичная похлебка, овощи и инжир. Постелью — кусок войлока. Основным собеседником — старый слуга, которому Аль-Маарри диктовал свои

произведения. Сам он не писал. О его феноменальной памяти до настоящего времени ходят легенды. Вот некоторые из них.

Однажды некий поэт читал в присутствии Абу-ль-Аля стихи на чужом, незнакомом ему языке. Спустя какое-то время Абу-ль-Аля прочитал их без единой ошибки своим друзьям.

Как-то проходя по улице, Аль-Маарри в одном месте неожиданно резко нагнулся. Сопровождавшие его люди заинтересовались, что заставило его это сделать. Поэт ответил, что лет десять назад он, проходя здесь, наткнулся на ветку дерева. Его стали уверять, что никакого дерева тут нет и в помине. Каково же было их удивление, когда один старожил подтвердил, что действительно на этом месте росло старое ветвистое дерево, но его давно срубили, и старик показал его пень.

Однажды в Багдаде Абу-ль-Аля дали выпить стакан воды, взятой из запасов каравана, только что пришедшего из его родного города. Поэт медленно осушил стакан и произнес: «Это вода моего детства».

Есть все основания полагать, что он прекрасно представлял себе расположение звезд, обладал знаниями в области астрономии.

*Ночь в траурном плаще, настигшая меня,
По дивной красоте равна рассвету дня...*

Все труднее становилось великому отшельнику выдерживать данный им в год кончины матери обет молчания. Слава о его учености манила в Мааррет учеников и любопытных, ученых и поэтов. Дом беспомощного слепца становился местом паломничества, а сам он — живой легендой.

Из огромного литературного наследия Абу-ль-Аля до нас дошло немного: стихотворные сборники «Искры из-под огнива», «Обязательность необязательного», цикл стихов «Кольчуги» да несколько произведений, которые можно охарактеризовать как «стихи в прозе», а именно: «Трактат о прощении», «Трактат о литературе», «Трактат ангелов».

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с творчеством Абу-ль-Аля, — его безысходный пессимизм. Основной тезис его философии: жизнь — величайшее несчастье, а смерть — избавление от него.

*Мне весть печальная, услышанная ныне,
Как радостная весть о новой благостине...
Изнеможение земная жизнь приносит,
И я дивлюсь тому, кто долголетия просит...
Мы все умрем равно, и не дворца громадой,
А тенью дерева довольствоваться надо.*

Это из стихотворения, написанного на смерть близкого друга.

Таково невеселое кредо поэта. Вряд ли оно когда-нибудь привело бы его к вершинам мировой славы, если бы...

Если бы не существовало поэзии. Так нередко бывает с художниками. Средства, созданные ими для достижения цели, выходят из повиновения и помимо воли и желания их создателей приводят к неожиданным результатам. Похоже, что это и называется гениальностью. Именно это и произошло с Абу-ль-Аля.

От критики личности он переходит к критике общества:

*Здесь подданным цари внушают страх,
Как ястреба — добыче в их когтях.*

*Царь у одних достойней, у других
Подлее в притязаниях своих.
А наш до нитки обобрал народ
И слезный дождь из глаз людских идет.*

В своей критике он заходит далеко. Очень далеко по тому времени. Его высказывания о том, что религия происходит не от природы народа, как проповедывали тогда, а от привычки и обычая, или заявления вроде: «нет на свете имама, кроме разума», или деление людей на две категории: «имеющих разум, но неверующих, и верующих, но не имеющих разума», утверждали за ним славу если не безбожника, то во всяком случае еретика.

Особенно интересен в этом отношении его «Трактат о прощении». Сюжет его несложен. Некий шейх, в котором читатель без труда узнает автора трактата, получил разрешение аллаха посетить ад и рай и, как мы теперь говорим проинтервьюировать населяющие эти места души. Шейх встречается во время своего загробного визита с известными в арабском мире мыслителями и поэтами, многие из которых жили в доисламский период. Шейх обращается к ним с вопросом: «Почему простилось тебе?» или «Почему не простилось тебе?». Другими словами, как оценил бог земные деяния того или иного человека? Оценки эти порой поразительны.

Так, например, осматривая райские сады, шейх, он же Абу-ль-Аля, останавливается перед роскошным дворцом. Оказалось, что он принадлежит Зухейру ибн абу Сальма — крупному арабскому поэту доисламского периода. Весьма удивленный этим обстоятельством, шейх попросил разрешения встретиться с владельцем райского дворца. Зухейр встретил его восемнадцатилетним юношей, свежим как только что распустившийся цветок. Он подтвердил, что аллах

даровал ему дворец и возвратил юность. Он заверил Абу-ль-Аля, что не терпит здесь ни обид, ни лишений, не знает бедности, усталости и не повторяет своей знаменитой касыды, в которой сожалеет, что смерть не идет к нему. «Кто прожил 80 лет, неизбежно скучает, а я прожил 90 и еще 10, и после 8 лет...»

На вопрос гостя: «Но как же простилось тебе? Ведь ты жил во времена, когда народ еще не обрел бога», Зухейр ибн абу Сальма резонно отвечает: «Я не вершил злых деяний...»

Из этого следует, что главное в вере не формальная сторона, а добрые деяния! Очень смелая в те времена мысль!

*Твори добро без пользы для себя,
В нем благодарность за него любя.*

Мрачный тон стихов Абу-ль-Аля просветляется, когда он говорит о предназначении человека — служить добру. Презрение к миру сочетается с любовью к людям. Обличение переходит в сострадание, мизантропия — в призыв к справедливости.

Лишенный личной жизни, идейно одинокий, живущий в смутное время развала некогда могущественного халифата, преследуемый ханжествующими ортодоксальными богословами, глубоко понимающий страдания родины, поэт видит смысл своего бытия в служении добру.

*Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя
Тверда и подобна застывшему срезу ручья.
Кошель за седлом, где в походе хранится она
Как чаша, которая влаги прохладной полна.
Расщедрится кесарь и князю пошлет ее в дар.
Владельцу ее смертоносный не страшен удар.*

*Он сердцем влечется к струящимся кольцам ее
И пить не желает: ее красота — как питье.
Меня заставляет расстаться с кольчугой моей
Желанье одаривать хлебом голодных людей.*

Сегодня в пыльный и ничем не примечательный городок Маарет-эн-Нууман приезжают люди из многих стран света, и прежде всего из соседних арабских. Приезжают с единственной целью: побывать на могиле величайшего из всех арабских поэтов, такой старой, что уже нет возможности прочесть высеченную на ней надпись.

Сирия на стройке

Достижение политической независимости явилось первым шагом к возрождению страны. Сделать второй шаг — достигнуть экономического и социального прогресса оказалось значительно труднее.

Но годы революционной борьбы за освобождение родины всколыхнули широкие массы народа и высоко подняли их сознание. Середина XX века войдет в историю Сирии как время революционных потрясений. В стране, где сотни лет была фактически заморожена политическая жизнь, в кратчайший период возникло до десятка политических партий.

Менялись правящие партии, лозунги, программы, оставалась нищета, отсталость, угнетение, эксплуатация. Еще оставалась борьба. В процессе ее изменялись и борющиеся стороны. Расслаивалось крестьянство, дифференцировалась буржуазия,

выделялась и укреплялась демократическая прослойка, формировался рабочий класс.

Пришедшая к власти Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) понимает трудности и задачи, стоящие перед страной.

Взятие власти — цель любой политической партии. Одновременно этот акт — проверка способности партии осуществить на деле лозунги, начертанные на ее знамени. Удержать власть труднее, чем ее захватить. Партийное руководство было поставлено перед неумолимым выбором: либо передать бремя власти другой политической партии, обладающей более решительной программой, либо становиться более решительными самим. Оно избрало второй путь.

От колониального периода Сирия унаследовала застойное сельское хозяйство, одностороннюю обрабатывающую промышленность и еще более односторонние внешнеэкономические связи. Для нее была типична хозяйственная структура бывшей колонии.

Партия арабского социалистического возрождения перешла в наступление. Началась национализация крупных предприятий, затронувшая интересы примерно 45 тысяч акционеров. По существу бывшие собственники национализированных предприятий лишались всякой компенсации. Проще говоря, это была конфискация. На национализированных предприятиях вводился режим самоуправления.

Государственный сектор неуклонно завоевывал в экономике страны доминирующее положение. Оно упрочилось изданием декретов о введении государственной монополии на экспорт-импорт некоторых важных товаров, например автомашин, хлопка, зерновых, и о запрете любых иностранных концессий, связанных с добычей нефти и минеральных ресурсов.

Это было значительной победой сил, которые перспективы полной победы национально-освободительной революции все отчетливее видят на некапиталистическом пути развития.

В начале 1972 года в САР создается Прогрессивный национальный фронт ведущих политических партий страны, в состав которого вошла и коммунистическая партия. Никогда еще Сирия не знала такого мощного объединения левых сил. Это объединение отвечало интересам укрепления национального единства в стране, мобилизации ее ресурсов на борьбу против империализма, за освобождение оккупированных арабских территорий и создание общества национального прогресса.

Это объединение обеспечило принятие постоянной конституции, которой сирийцы ожидали уже много лет. Состоявшийся 12 марта 1973 года референдум подавляющим числом голосов одобрил представленный проект. По свидетельству многих сирийцев, эта новая конституция — самая демократичная за всю многовековую историю страны.

Мне хорошо запомнилось холодное зимнее утро и толпа народа вокруг развешанных у стен листов газеты. Газетных киосков, как таковых, в Дамаске нет. Распространением прессы занимаются по совместительству лавочники. Они развешивают свой товар на веревочках, как белье. В то утро толпа была плотнее обычной. Из реплик окружающих я понял, что опубликован проект новой постоянной конституции. Я приобрел газету «Аль-Баас» от 1 февраля 1973 года и приложил немало усилий, чтобы осуществить перевод интересующего меня документа.

Я, разумеется, не запомнил всего текста конституции, но вот ее суть. Арабы внесли свой великий вклад в мировую цивилизацию. Нашествия

колонизаторов, как волны, размывали арабские государства, поглощали их земли, грабили их богатства.

Но арабы выстояли. Они не смирились с раздробленностью, эксплуатацией, отсталостью. Вера в свои способности помогала арабам преодолеть трудности и возвратиться в русло истории, чтобы вместе с остальными освобождающимися нациями принять участие в создании цивилизации, в развитии прогресса.

В конце первой половины нынешнего века все возраставшая и расширявшаяся борьба арабских народов завершилась в некоторых странах освобождением от прямого господства колонизаторов.

Однако арабы никогда не рассматривали достижение независимости как конечную цель своей борьбы; в независимости они видели только средство для борьбы против империализма, сионизма, эксплуатации, которую они ведут под руководством прогрессивных национальных сил за осуществление единства, свободы, социализма.

Продвижение в направлении социализма — это не только необходимость, но и главная предпосылка для мобилизации всех ресурсов и возможностей арабов. Арабское революционное движение — существенная часть мирового освободительного движения за свободу, независимость и прогресс.

Сирийская Арабская Республика по конституции объявляется суверенным, социалистическим, народно-демократическим государством, членом Федерации Арабских Республик.

Законодательная власть в стране осуществляется Народным Советом. Его депутаты избираются всеобщим, тайным, прямым голосованием. Не менее половины его членов должны быть из числа рабочих и крестьян. Исполнительная власть в САР осуществляется президентом республики, который располагает практически неограниченными полномочиями.

Президент должен быть арабом, мусульманином, гражданином САР и не моложе сорока лет. Президент избирается на срок в семь календарных лет. Он не может быть привлечен к ответственности за свои дела и поступки за исключением случаев «великой измены».

В конституции САР четко говорится о том, что плановая, социалистическая государственная экономика преследует цель ликвидации всех форм эксплуатации. Вместе с тем, согласно закону, собственность может иметь следующие три формы: народную, коллективную и частную. Первая распространяется на все природные богатства, основные отрасли хозяйства, предприятия национализированные или построенные государством. Вторая охватывает имущество профессиональных организаций, производственных ячеек, кооперативов. Что касается частной собственности, то закон определяет ее социальное назначение в интересах национальной экономики и в рамках планов развития. Она эксплуатируется только в общих интересах за справедливую компенсацию в соответствии с законом.

В целом конституция направлена на достижение нового, пол ее высокого уровня политического и экономического развития, без которого немислим прогресс. А добиться его сирийский народ полон решимости. В этом я имел возможность убедиться неоднократно.

Мне не раз приходилось бывать в здании Культурного центра при посольстве СССР в САР, находившегося на одной из главных улиц Дамаска — Абу Рамани. Здесь была хорошая библиотека, читальня, концертный зал. Здесь было всегда оживленно. Здесь проходили концерты, лекции, встречи. Одна из таких встреч запомнилась мне особенно. Она была посвящена вопросам развития советско-сирийского экономического и технического сотрудничества. Шел живой разговор об успехах и трудностях на фронте строительства новой

Сирии. Выступающие называли цифры, имена, наименования. Чаще других произносилось: Табка, Сувайдин, Румайлан, Карачук, Латакия, Камышлы. Я знал, что кроется за этими названиями.

Табка! Табка — это, наверное, самый молодой город Сирии. Он возник на берегу Евфрата в 1968 году, когда были положены первые кубометры грунта в основание гигантской плотины, которая ныне перекрыла течение древней реки. Табка — это строительство, какого еще не знала Сирия, строительство Евфратского гидрокомплекса. Чтобы понять его значение для Сирии, надо вспомнить, что Сирия аграрная страна. 60 процентов ее самодеятельного населения занято в сельском хозяйстве, продукция которого составляет до восьмидесяти процентов экспорта. Основная отрасль — земледелие. Площадь всех пахотных земель свыше трех миллионов гектаров, из которых на богарные приходится чуть ли., не девяносто процентов. Допотопные методы обработки земли, отсутствие удобрений, жесткие климатические условия — таковы спутники сирийского крестьянина. Особенностью сирийского земледелия остается малоэффективное использование земли. Достаточно сказать, что почти половина всех обрабатываемых площадей остается ежегодно под парами. Главные культуры — пшеница, ячмень, хлопок, табак.

Но как ценится в Сирии земля! Вспоминаю экскурсию к стенам древней крепости Салах эд-Дина, расположенной в гористой, заросшей лесом местности. Чтобы получше сфотографировать крепость, мы решили забраться на соседнюю гору. Карабкались по крутому осыпающемуся склону. А когда достигли вершины, то увидели там небольшое аккуратно распаханное поле.

Понятно, что интенсификация сельского хозяйства немыслима без применения тракторов и сельскохозяйственных машин. Число их в САР пока

невелико — порядка шестнадцати тысяч штук (в 1968 году их было 8110). Надо иметь в виду, что это тракторы самых разнообразных (свыше 36) марок и моделей, поставленные в Сирию из разных стран. Из-за отсутствия запасных частей, а также нарушений правил эксплуатации чуть ли не половина имеющейся сельскохозяйственной техники простаивала.

Проблема обостряется тем, что к настоящему времени все пригодные к использованию земли обрабатываются. Остается единственный путь — интенсификация хозяйства путем расширения орошаемых площадей, механизации, повышения общей культуры производства.

Не лучше обстоят дела с животноводством. Оно носит резко выраженный экстенсивный характер. Заготовка кормов не практикуется. Масса скота — более 15 процентов — гибнет ежегодно от холода и голода. С каждым годом все явственнее ощущается недостаток пастбищ. И, как это ни парадоксально, сельскохозяйственная Сирия — страна кочевников-скотоводов, стоит на одном из последних мест в мире по потреблению продуктов животноводства.

В недавнем прошлом характерными спутниками сирийской экономики были: неэквивалентный обмен, ростовщические проценты, налоги, поборы, засилье спекулянтов в перекупщиков. Все это, естественно, приводило к обезземеливанию крестьян. Но этот естественный в общем-то для развития капитализма процесс не сопровождался здесь развитием капитализма. Экспроприированный земледелец вновь соединялся с землей, правда, уже в качестве издольщика.

Крупные землевладельцы, составлявшие около 15 процентов всего сельскохозяйственного населения страны, получали 60 процентов общего дохода этой отрасли, в то время как на малоземельных и вовсе

безземельных крестьян, численность которых превышала 70 процентов сельского населения, приходилось лишь 30 процентов доходов.

Сейчас в стране поставлена задача немедленной революции в сельском хозяйстве на базе прогрессивных преобразований в деревне. Главным содержанием принятых новым правительством законов было установление максимальных размеров земельных площадей на одну семью. Последним законом предписывалась конфискация не только земли, но и средств производства. Согласно этому же закону крестьяне полностью освобождались от выкупа за полученные земли. Вносимая ими четверть стоимости земли поступала в фонд кооперативов, в которые крестьяне, наделенные конфискованной землей, обязаны были вступать.

Законы об аграрной реформе нашли свое подтверждение и в новой конституции, где, в частности, говорится о том, что максимум земельной собственности определяется таким образом, чтобы освободить крестьянина и сельскохозяйственного рабочего от эксплуатации.

Суть проводимой в стране аграрной реформы — попытка создать простейшие формы снабженческо-сбытовой кооперации на селе. Для благоприятного развития сельского хозяйства Сирии надо решить много сложных проблем. По вопросу вопросов — вода!

Стоит лишь раз увидеть истомившуюся по влаге землю, услышать жалобное блеяние обессиленных овец, чтобы понять, какое бесценное богатство вода. Вода — это жизнь! Пели для европейца это стертые сравнение, то для жителя пустыни — вечно актуальная истина. Известно, что поливные земли почти в три раза продуктивнее богарных. Нужна вода! Помимо использования огромных площадей, находящихся сейчас под парами (сорок — пятьдесят процентов всех

посевных), ирригация одновременно сократила бы сезонную безработицу. Ведь большинство сельскохозяйственных рабочих здесь занято всего три-четыре месяца в году. Нужна вода. Эту воду и призвана дать Евфратская плотина. Энергия, выработанная ею, направила воду в пустыню. Практически это будет означать удвоение посевных площадей страны, изменение ее экономики.

Энергия Евфратской ГЭС позволит повести наступление из пустыню и с другого фланга. Я смотрю на большую карту Сирии. Перед моим мысленным взором расстилается бескрайняя голая земля и далеко, далеко у горизонта — ажурные нефтяные вышки. Это северо-восток. Нефтяные районы: Сувайдия, Румайлан, Карачук.

Нефть! Сегодня это уже не только стратегический товар, но и политическое оружие неотразимой мощности. Нефть — основа энергетики. Образно говоря, кровь в сложном организме современного мира. Наличие нефти в Сирии предполагалось давно. Первая разведка ее была предпринята еще в конце прошлого века. Однако открытие нефтяных месторождений состоялось лишь во второй половине нынешнего — в октябре 1956 года. Обнаруженные к настоящему времени запасы определяются в объеме свыше миллиарда тонн, то есть вполне достаточном для организации эксплуатации. В результате технической помощи Советского Союза добыча нефти увеличивается из года в год. Всего к настоящему времени добыто около двадцати миллионов тонн.

Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность целиком в руках государства, и развитию ее придается исключительное значение. Из импортера нефтепродуктов Сирия стала их экспортером. Продолжаются поисковые работы. Ведется бурение,

обустройство месторождений, расширение и эксплуатация уже действующих нефтепромыслов.

Обустройство. Непривычное да и не очень складное слово. Впервые я услышал его на каком-то совещании из уст нашего инженера, приехавшего из Хасеке — района нефтепромыслов. Случилось так, что во время перерыва мы очутились в буфете за одним столиком. Разговорились. Тогда-то я и попросил объяснить мне значение слова обустройство. Мой собеседник поинтересовался, имею ли я представление об условиях работы на промыслах. Я признался, что нет. Тогда он сказал приблизительно следующее. Обустройство — это привозная вода, консервы, времянки, обжигающие холода и палящая жара и всегда пыль, пыль, пыль... А взамен всех неудобств — радость чувства первооткрывателей.

— Скажите, вам приходилось видеть живую нефть?

Он так и сказал: живую. Я ответил, что просто не могу вспомнить. Я никогда не интересовался этим продуктом. Нефть представлялась мне всегда черной, жирной жидкостью с неприятным запахом. Мой собеседник расхохотался.

— Что вы, дорогой! Во-первых, нефть может быть совершенно прозрачной, а во-вторых, запах ее мне представляется самым тонким, самым приятным из всех существующих на свете. Когда наполняешь ладони первой нефтью, только что поднятой из глубины... скажем, тысячи метров... честное слово, забываешь о холоде, голоде, неустроенности. Хочется вымыть этой нефтью лицо, шею, руки. Впрочем, работать нефтяником может не каждый.

...Я стряхиваю с себя одни воспоминания и возвращаюсь к другим. Я снова в зале Культурного центра. В глубине сцены геологическая карта Сирии. Сейчас уже известно, что помимо нефти недра этой страны хранят и много других полезных ископаемых.

Только в районе Пальмиры (Тадмор), например, разведаны залежи асфальта, фосфатов, каменной соли. На территории Сирии найдены железная руда, хром, мрамор.

Но как неравномерно распределены здесь производительные силы! На западе проживает до восьмидесяти процентов населения, здесь же сконцентрирована почти вся промышленность. С другой стороны, в восточных районах обирается чуть ли не весь урожай хлопка, треть всей пшеницы. На северо-востоке — нефть. А в центре — пустыня.

По нашим, российским, масштабам Сирия невелика. При хорошей скорости ее можно пересечь из конца в конец за один день. Но именно при хорошей скорости. А хорошая скорость требует отличного асфальтового или рельсового полотна.

На сегодняшний день пальма первенства принадлежит автотранспорту. Им осуществляется свыше девяноста процентов всех перевозок пассажиров и грузов. Общая длина сирийских шоссе дорог тринадцать тысяч километров. В Сирии более шестидесяти тысяч автомобилей, большая половина которых — легковые. Марки машин самые разнообразные. В основном американского, западногерманского, итальянского производства.

Сирийские дороги в большинстве своем хорошие, а многие так просто отличные. Ограничений в скорости не существует.оборот капитала прямо зависит от оборота колес. Чем быстрее, тем выгоднее. И водители нажимают на акселераторы...

В Сирии сейчас большое внимание уделяется проектам Железных дорог. До сегодняшнего дня Сирийская Арабская республика не имеет единой железнодорожной сети. Узкоколейные дороги, построенные во времена Османской империи в лучшем случае, в начале нынешнего века, безнадежно устарели

и давно уже не справляются с современным объемом перевозок. В этих условиях важность сооружаемых в настоящее время с помощью советских специалистов железнодорожных линий Камышлы — Латакия и Аккари — Тартус переоценить просто невозможно. Порт Латакия связывается железной дорогой с центром перспективного северо-востока.

Но вернемся последний раз в зал Культурного центра на встречу с сирийской молодежью, посвященную вопросам развития советско-сирийского экономического и технического сотрудничества. Много хороших и горячих слов было сказано в адрес строителей завода азотных удобрений. Этот первенец химической промышленности экономит стране ежегодно около семи миллионов долларов, расходовавшихся прежде на приобретение удобрений за границей. Но главное сейчас даже не в этом, а в росте общей культуры народа. Химия требует знаний, а знания приобретаются учебой. Учеба же удел энергичных, молодых духом. Не это ли возрождение древней страны?

Образование в САР бесплатно на всех ступенях. Начальное образование обязательно для всех. Все острее встает вопрос о распространении принципа обязательности учебы и на более высоких ступенях.

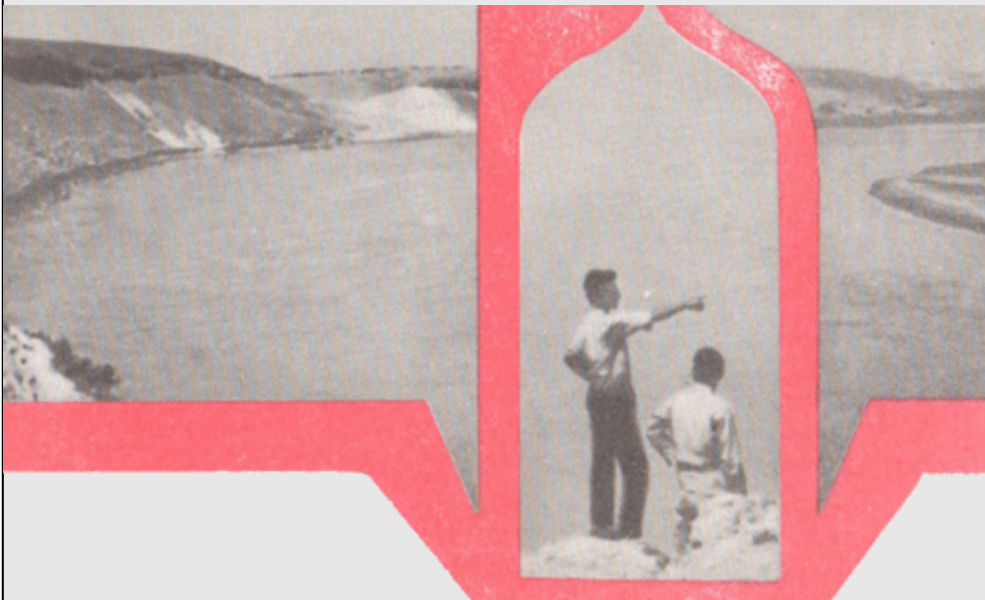
В число наиболее поразивших меня явлений сирийской действительности я бы отнес любовь к книге. Человек с раскрытой книжкой на бульварах городов, на дорогах близ любого населенного пункта, — обычное явление.

Человек, склоненный над книгой, и человек, склоненный над плугом, — люди сегодняшней Сирии (здесь, впрочем, необходимо уточнение; сирийскому крестьянину до последнего времени плуг был незнаком, на протяжении тысячелетий он пользовался, да и сейчас еще часто пользуется мотыгой).

Я помню, как возвращался домой с этой встречи. Вечерний Дамаск жил своей обычной жизнью. Жара спала. Люди, высыпав на балконы и террасы домов, наслаждались струящейся с гор прохладой. Я шел по самой красивой улице города Абу Рамани и думал о только что отшумевшей встрече. Говоря откровенно, я вряд ли узнал для себя что-либо новое. Почти все услышанные цифры и факты мне были известны в общих чертах. Знал я и то, что обычно не упоминается в официальных выступлениях. О трудностях, возникающих порой при осуществлении намеченных планов и программ. О противодействии тех сил, которым не по душе курс, выбранный сегодняшней Сирией. Но я не знал, пожалуй, главного — отношения к осуществляемой программе сотрудничества СССР — САР широких масс, молодежи... Я вновь открыл для себя старую истину: как бы ни была щедра земля Сирии, как бы ни были богаты ее недра, истинное богатство страны не в них, а в юношах и девушках, мужчинах и женщинах, что проходят сейчас мимо меня. Это им воплощать в жизнь намеченные планы. Это они испытают, проверят нынешние расчеты, наметки, проекты. Проверят и вынесут свое мнение. По существу это и называется судом истории.

Здания Культурного центра при посольстве СССР в САР на улице Абу Рамани больше нет. Израильская бомба превратила его в развалины. Под ними погибли те, кто здесь работал. Сирийцы и наши, советские товарищи. Они погибли, как и работали, рядом.

К Евфрату

Автобус катит на восток к Евфрату. За окнами плывут распаханые просторы богарных земель. Согласно командировочному предписанию, мы сегодня должны быть в Дейр-эз-Зоре, который расположен в 320 километрах от Халеба. Мы — это я и сопровождающий меня переводчик, вчерашний студент, завтрашний арабист.

Однообразный ландшафт. Прямое, ровное шоссе. Монотонное пенье мотора. Неодолимо клонит в сон. Я закидываю голову на спинку сиденья и пытаюсь представить в своем воображении незнакомый Дейр-эз-Зор. Мне известно, что сей город насчитывает около тридцати тысяч жителей, что на сегодня он единственный крупный населенный пункт на всем протяжении среднего течения Евфрата, что он — центр области, или, как здесь говорят, мухафазата, с

территорией в 23 тысячи квадратных километров, что более всего он знаменит своим длинным висячим мостом через Евфрат, а также большим, оживленным базаром, привлекающим кочевников. Последнее обстоятельство закрепило за городом славу «бедуинской столицы». Мне почему-то упорно рисуются стройные минареты над зелеными волнами садов.

Раскаленный, прокуренный, переполненный автобус наш летел сквозь коричневую мглу поднявшейся бури. Она изредка прерывалась, очевидно, специально, чтобы подразнить нас широкой стальной лентой текущей параллельно дороге реки. Это был Евфрат.

Евфрат я увидел первый раз за несколько лет до своей командировки в Сирию. Наш самолет летел тогда из Кабула в Прагу, я сидел у иллюминатора и любовался золотистым маревом, клубящимся под нами в десятикилометровой глубине. Его однообразие было нарушено лишь единый раз до того, как показалось Средиземное море. Черная, почти прямая полоса рассекала раскаленную сковородку пустыни. Мой сосед — средних лет араб, пребывавший до этого в дремотном состоянии, встряхнулся, привстал с кресла, чтобы получше видеть, и произнес торжественно, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Аль-Фурат!

Очевидно, я вел бы себя примерно так же, если бы в компании иностранцев пересекал Волгу.

Таким и запомнился мне Евфрат. Черная мощная река среди разогретых до желтого каления песков.

Сейчас, вблизи, он произвел на меня совершенно иное впечатление. Не особенно широкий поток (примерно как Москва-река в районе Крымского моста) петлял среди пологих берегов, возделанных в основном под хлопчатник. Кое-где еще продолжался сбор урожая. Река то приближалась, то удалялась, непрерывно меняя свой цвет в зависимости от клубящейся за окнами пыли.

Иногда она распадалась на рукава, образуя большие, плоские острова, иногда круто поворачивала. И по крутизне берега в этих местах можно было догадаться о стремительности ее течения.

В Дейр-эз-Зор мы приехали уже на закате дня. Как это ни странно, он действительно показался мне из-за обилия зелени райским уголком. Впрочем, после дороги, которую кроме как адовой не назовешь, любое пристанище покажется раем. Нас ждали срочные дела, и разглядывать город времени не оставалось. Когда мы освободились, был уже поздний вечер. Город мог бы показаться совсем безлюдным, если бы не щедрое сияние окон кофеен. Эти кофейни представляют собой своеобразные клубы и очень типичны для всех сирийских городов. В такой кофейне, заплатив пол-лиры, вы можете находиться сколько угодно, забавляясь игрой в нарды, шашки, карты или просто наслаждаясь беседой с друзьями. Здесь проводит свой досуг мужская половина. Характерная особенность таких кофеен — отсутствие буфета и широкие окна, позволяющие посетителям обозревать улицу, а прохожим созерцать посетителей. Желаящие выпить кофе, чаю, воды, могут заказать их в соседней лавочке или харчевне. Раньше неизменной деталью кофейни был также профессиональный рассказчик. Рассказывали сказки из «1001 ночи». Имели успех и рассказы о деяниях победоносного султана Бейбарса, в которых самодержавный жестокий деспот изображался строгим, но справедливым отцом народа.

Однако особой популярностью среди слушателей пользовалась «Повесть про Антара» — наивные, бесконечные повествования об удивительных приключениях легендарного народного героя Антара.

Когда события повести были особенно захватывающими, а рассказчик от усталости не мог шевелить языком, его не отпускали, а укладывали на

часок тут же в кофейне спать, потом будили и требовали продолжения. Сейчас этих повествователей вытеснил транзистор и телевизор.

Мы шли ночным, пустынным Дейр-эз-Зором. Город жил своей жизнью. Она сильно отличалась от столичной. Если в Дамаске в это время режут моторы автомобилей, кругом — огни, центральные улицы запружены прохожими, то здесь, в Дейр-эз-Зоре, мы были чуть ли не единственными людьми на улицах. Лишь когда мы проходили мимо кофеен, до нас долетали обрывки разговоров, смех.

Пока ночной дежурный по гостинице вписывал наши имена в регистрационную книгу, мы разглядывали странную статуэтку, установленную на денежном сейфе. Поначалу она показалась мне гипсовой копией изображения какого-то египетского фараона, но, потрогав ее, я убедился в своей ошибке. Это был твердый, прочный камень. Скульптура изображала обнаженного мужчину. Он сидел в просторном квадратном кресле. Его выпрямленный корпус, развернутые плечи и приподнятая голова выражали высокомерие, а устремленный вперед взгляд и сжатые губы — волю. Было в его бритом, скуластом лице что-то монгольское, но еще больше он напоминал фигурки, виденные мною на выставке мексиканского древнего искусства. По моей просьбе дежурный переставил статуэтку на стол. Я заметил, как он напрягся, снимая ее с сейфа. Я приподнял скульптуру. Она весила килограммов десять при ориентировочном объеме 30 X 30 X 35 сантиметров. Это был белый, чуть в желтизну, гладкий камень, но не мрамор.

- Кто это? — спросил я через спутника у дежурного.
- Древний повелитель.
- Откуда же такая интересная вещица?
- Из Мари.
- Сами выкопали?

— Нет. Купили у бедуинов.

— И дорого заплатили?

— Две тысячи лир.

Меня удивило, почему эта дорогая уникальная вещь находится в холле провинциальной гостиницы, а не в музее. Статуэтка была водружена на прежнее место. Я очень хотел ее сфотографировать, но слабое освещение абсолютно исключало это. Мы долго рассматривали жесткое лицо изваянного повелителя и нам казалось, что он в свою очередь разглядывает нас. Была странная диспропорция в его фигуре. Мощный торс, сильные плечи, мускулистые руки, спокойно лежащие на подлокотниках кресла, и жалкие, хилые ноги паралитика. Достаточно было лишь раз взглянуть на вещь, чтобы убедиться, что это работа большого мастера.

За ужином, принесенным из соседнего ресторана, мы долго рассуждали о культуре и истории древнего царства Мари, о существовании которого до приезда в Сирию мы и не подозревали. Вспоминали экспонаты хalebского музея, дамасского музея. Холодный ветер разгуливал по комнате. Мы сидели в плащах, натянув на себя все, что было теплого, и мерзли. Ведь стоял декабрь, и находились мы не на побережье моря, а чуть ли не в центре пустыни. Разговор окончился довольно неожиданно:

— Владимир Антонович, отсюда до Мари лишь 117 километров — всего два часа езды. Вы никогда не простите себе, если мы упустим возможность побывать там.

— Но мы же завтра вечером должны быть в Табке.

— Не волнуйтесь, мы вечером будем в Табке.

— Тогда надо выехать в шесть утра...

Мой студент, не дослушав меня, пошел договариваться с дежурным. На сон оставалось всего ничего.

Проснулся я от головной боли. Помещение отапливалось печкой, устройство которой очень напоминало механизм большой керосинки. Очевидно, ветер забивал трубу, и не давал выхода гари. Я собрал в кулак волю и вынырнул из-под трех одеял, предоставляемых постояльцам гостиницы. Ледяная вода в умывальнике сделала доброе дело. Я согрелся. В коридоре у печки стоял стол с большим чайником. На нем лежало несколько лепешек, полдюжины крутых яиц, масло, сыр. Закусив, мы спустились в холл.

Через полчаса мы уже выруливали из Дейр-эз-Зора. Я сидел рядом с водителем, точнее говоря, на месте водителя, поскольку последний был вдавлен в стенку мною и двумя моими соседями. На переднем сиденье нас сидело четверо. Сколько седоков находилось сзади, я не знал, так как не имел возможности пошевелить головой: на нее кто-то навалил мешок с чем-то, слава богу, мягким. Все это нам было уже хорошо знакомо, привычно и не вызывало душевных протестов. Я давил на водителя, водитель — на акселератор, и «мерседесик», которому давно надлежало находиться на свалке, показывал чудеса резвости.

На наших глазах всходило солнце. Оно еще не раскалилось и за стеклами машины было холодно. На траве в иных местах лежала белая изморозь. Евфрат ушел влево, и дорога наша, кстати говоря, вполне приличное асфальтированное шоссе, летела среди тщательно распаханной равнины. Ее однообразие нарушали одинокие, довольно высокие, с плавными очертаниями холмы. Говорят, что это не что иное, как похороненные древние города. Основным, если не единственным, строительным материалом здесь служила глина, необожженные кирпичи. Материал непрочный. С течением времени здания разрушались, на их месте возводились новые. И так продолжалось век за веком...

Насколько я мог судить, эта часть страны заселена довольно плотно.

Мелькали деревни, менялись попутчики, но пейзаж оставался прежним. Примерно часа через два водитель остановил машину и, указав пальцем на узкую проселочную дорогу, уходившую в сторону от шоссе, сказал; «Мари».

Мы вышли из машины и огляделись. День только начинался. От распаханной земли шел удивительный запах, не передаваемый никакими словами запах пашни. Впереди виднелся пологий изрытый канавами холм. Это и был конечный пункт нашей поездки. Мне вдруг сделалось удивительно легко и радостно. Мы шли по земле, из которой только что начала пробиваться молодая трава. И эти бледно-зеленые побеги так образно напоминали о временах, когда наша древняя земля была еще совсем юной, и о том, что где-то здесь была колыбель цивилизации.

У длинного, барачного типа одноэтажного здания, расположенного в полукилометре от холма, к нам подошел очень худой старый араб в долгополом збуне и белом платке. Старика сопровождала девочка лет семи, стеснительная и любопытная, как большинство деревенских детей. В их компании мы поднялись на холм. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилались ровные распаханые поля. Лишь у линии горизонта виднелся зеленый массив и угадывались постройки. Там теперь протекал Евфрат.

Мы надеялись увидеть хоть какие-то следы, дающие представление о древнем городе. Ничего этого не было. Ничего. Старик водил нас вдоль вырытых в глине траншей. Надо было иметь очень сильное воображение, чтобы в сухой потрескавшейся почве усмотреть каменные кладки, мостовые, стены домов и т. п. Мы спустились на дно котлована. Из объяснений нашего проводника следовало, что на этом месте располагались

храмы, целых семь, друг на друге. Я внимательно оглядел уходящие вверх стены котлована, но кроме нескольких черепков ничего не заметил. Зато небо из этой траншеи казалось еще более синим, а в белых облаках, проплывающих над нами, без особого труда можно было разглядеть не только башни, но и целые города.

Старик, видимо, чувствовал наше разочарование и время от времени повторял одну и ту же фразу; «Все было заколочено в ящики и куда-то увезено». Мы-то знали, куда. В Лувр! И только потом кое-что в Дамаск и Халеб.

В национальном музее Сирии, расположенном в Дамаске, в разделе, посвященном Мари, четырнадцать витрин и две большие статуи. Статуя царя Итур Шамагана и фрагмент статуи, изображающей мужчину, по имени Тажж, который сравнивает себя с мощным потоком воды. По крайней мере так вещает надпись, высеченная на спине Тажжа.

На витринах представлены инкрустации из слоновой кости, глиняный макет марийского дома, различные орудия труда, украшения, но в основном статуэтки.

Большинство экспонатов относится к первой половине третьего и первой половине второго тысячелетия до нашей эры. Статуи вырублены из камня, который в каталоге именуется алебастром. Это разновидность мрамора. Он столь же хорошо поддается обработке, но безусловно менее благороден. Существуют две разновидности алебаstra: известняковая и гипсовая. Предпочтительнее первая, поддающаяся полировке. Известняковый алебастр в торговле Древнего Египта и Индии занимал значительный объем и ценился весьма высоко. Специалисты предполагают, что дошедшие до нас статуэтки не что иное, как подношения богатых марийцев богам.

Искусство художников Мари глубоко реалистично. Поражает их способность проникать в глубину человеческих чувств и переживаний, умение добиться исключительной выразительности при их передаче. Очень характерна для этих людей ХХХI века до нашей эры едва заметная улыбка, улыбка человека, понимающего бренность сущего. Иногда она переходит просто в саркастическую усмешку, странно воспринимаемую через пять тысяч лет. И глаза. Огромные, глубокие, нефритовые глаза, наделенные каким-то особым свойством — заглядывать в душу, придающие их владельцам совершенно особый облик, никогда и нигде более не повторенный.

Многие скульптуры снабжены пояснительными надписями, исполненными обычно на спине. Например: «Царь Итур Шамаган» или «Салим — брат царя». Интересны мужские костюмы марийцев в виде ниспадающих друг на друга шерстяных юбок. В женских портретах поражают помимо прочего очень сложные прически.

Наиболее крупная скульптура раздела Мари в дамасском музее — фигура царя Итура Шамагана. Ее высота — девяносто два сантиметра. Царь изображен в состоянии восхищения. Его лицо выражает достоинство. Тонкие губы сложены в улыбку. Глаза как бы отрешены от всего земного и устремлены к богу. Тонкий нос, крупные уши, бритая голова странно сочетаются с длинной холеной бородой. Одевание царя состоит из длинной юбки — «конакез». Руки его молитвенно сложены на груди. Ноги босы. Вся поза чрезвычайно выразительна. На спине, у правого плеча, надпись: «Царь Мари Шамаган посвящает статую богине Нини-За За».

Особенное восхищение вызывает скульптура актрисы Ур-Нины. Она изображена сидящей на широкой круглой подушке. К сожалению, вещь повреждена, но

можно предположить, что руки Ур-Нины прижаты к груди. Костюм актрисы составляют блузка из очень тонкой ткани и своеобразные широкие, собранные у колен шаровары. На ее спину ниспадают тщательно уложенные волосы. На спине надпись: «Ур-Нина, певица, музыкантша»...

«Открытие» Мари состоялось сравнительно недавно, в 1933 году. Его обычно связывают с именем французского археолога Анри Парро. Город располагался на холме. На самом высоком месте была построена многоэтажная башня, высотой около пятнадцати метров. Сооружение ее относят ко второму тысячелетию до новой эры. Впоследствии под основанием этой башни была обнаружена другая башня, относящаяся уже к третьему тысячелетию до нашей эры. В центральной части города располагались несколько храмов. Известны, например, храм Дагана — «царя страны», храм Нинхурсаг — богини матери, храм Шамаш, храм Нини-За За, храм Иштарак, посвященный богине плодородия и войны. Здесь же, в центре, находился царский дворец. Среди его руин во время раскопок уже после второй мировой войны было найдено множество дощечек с экономическими, дипломатическими и административными текстами. В царском жилище, помимо складов, кухонь, административных и жилых помещений, были также молельная и тронный зал. Именно здесь была найдена «богиня с вазой» — чудесная женская статуя, чудом уцелевшая во время погрома, учиненного в городе солдатами вавилонского императора Хаммураппи.

Кто же они такие, люди Мари, обитавшие в этих краях в течение тысячелетий и создавшие свою древнейшую культуру?

Благоприятное географическое положение Мари на перекрестке путей из Месопотамии к Средиземному морю и из Египта на Север, а также плодородный ил

Евфрата обусловили возникновение здесь цивилизации в самые отдаленные времена. Считают, что на самой ранней стадии своего существования Мари входило в систему шумерских городов. К середине третьего тысячелетия до новой эры царь Саргон Агад сумел объединить многие шумерские города, и можно предположить, что Мари также вошло в это объединение.

Далее следует нашествие семитского племени амореев, которые утверждают здесь к концу третьего тысячелетия. Завоеватели ассимилируются с коренными жителями. Наиболее выдающийся представитель аморейской династии Хаммураппи (1790–1750 годы до новой эры) основал обширную древнюю империю, включившую в себя и Мари. Впоследствии все земли, прилегающие к району среднего течения Евфрата, были захвачены ассирийцами.

Перипетии длинной истории Мари известны ученым довольно подробно благодаря богатейшему архиву, найденному в 1954 году при раскопках французскими исследователями А. Парро, Ж. Брюссоном и П. Жоменом. Своеобразные книги древних — мраморные доски, покрытые с обеих сторон различными текстами, были написаны не иероглифами, а буквами. Здесь, в Сирии, на берегу Средиземного моря, был найден самый древний из известных на земле алфавитов — родоначальник всей нашей письменности. Этот алфавит — маленькая глиняная табличка длиной с мизинец, содержащая тридцать клинописных значков — был найден при раскопках Угарита, города, расположенного в десяти километрах к северу от Латакии. Но о нем речь пойдет дальше.

В городе Табка

Возвратившись из Мари в Дейр-эз-Зор, мы тут же пересели в попутный автобусик и снова бросились в путь. Дейр-эз-Зор так и не осмотрели как следует. Это молодой город в том смысле, что исторических памятников здесь нет. Если вечером он будто вымирает, то днем жизнь здесь бьет ключом. Днем здесь много приезжих. Особый зеленый колорит придает городу поросшая деревьями и кустами широкая пойма Евфрата, который в этом месте разбивается на рукава.

Мы выезжаем за пределы Дейр-эз-Зора. Почти ровная каштановая, распаханная от горизонта до горизонта земля. Редкие деревеньки. Ни деревца, ни кустика, ни цветка. Лишь ровная шеренга телеграфных столбов да асфальтовая лента шоссе. Темнеет. Земля на глазах сливается с небом и исчезает, и лишь встряски на колдобинах напоминают о ее существовании. В нашем

автобусике накурено. Голова раскаляется. Однако окно я открыть не решаюсь — впереди сидит молодая женщина с грудным ребенком на руках, — кажется, единственные некурящие пассажиры. Резкий поворот. Мы съехали с основной магистрали.

В темноте показалась полоска света. Она расползлась, расширилась, разрывалась и, наконец, превратилась в конкретные предметы: освещенные окна, витрины, фонари. Выросли дома, образовались улицы. Сделав несколько поворотов, автобус остановился. Мы очутились на улице.

Леденящий ветер, мгновенно проникнув под наши легонькие пиджачки, напомнил нам, что континентальный климат отличен от морского. Всего триста километров отделяло нас от Средиземноморского побережья с его мягкой зимой, когда термометр чаще всего показывает +12 °С, и теплым летом с его средней температурой +26 °С.

Ветер раскачивал фонари, и улица казалась от этого более широкой и оживленной, чем в действительности. Было в ней что-то необычное, отличное от всех виденных мною улиц сирийских городов. Но что? Ширина? Освещение? Архитектура домов? Нет. Прохожие! Прохожие этой улицы говорили по-русски. Это были наши советские специалисты.

Через десять минут мы находились в гостинице, а еще через полчаса сидели в огромном зале местного ресторана и, любуясь опусами художника-декоратора, украсившего эстраду айсберговым пейзажем Антарктиды, столь удачно гармонирующим с погодой, дожидались заказанных шашлыков.

Зал был почти пуст. Музыка не играла. Зато откуда-то доносился тот глубокий монотонный шум, который всегда сопровождает большое строительство или производство. Мы прислушивались к этому гулу, напомиравшему шум прибоя, и наши сердца

наполнялись веселым возбуждением. Забывались усталость, голод, холод. Мы были в Табке, на строительстве величайшего из всех когда-либо существовавших строительных объектов Сирии — Евфратского гидрокомплекса, Второго Асуана, как его здесь называют.

Запив горячим чаем холодный шашлык, мы вышли на улицу. Редкие высокие фонари не особенно мешали темноте. Освоившись с ней, глаза различили легкое светлое облако, висевшее, зацепившись за купола деревьев, в нескольких сотнях метров от нас. Оттуда же доносился и тот характерный шум, который теперь напоминал мне гул отдаленного сражения. Не разбирая дороги, мы двинулись по направлению к зареву. Дома остались позади. А впереди в холодной, пронизанной ветром темноте, за узкой полоской искусственных посадок, за порогом угадываемого обрыва, далеко внизу, на небольшом плацдарме, отвоеванном у ночи, в лучах бесчисленных прожекторов мелькали тени грузовозов, бульдозеров, экскаваторов. До слуха долетали обрывки фраз, разносимых мощными динамиками. Щупальца прожекторов вырывали из темноты контуры, фрагменты строительства, объем и масштабы которого скорее чувствовались, чем виделись.

Пронзительный ветер гнал нас домой, в тепло. Но мы не уходили. Мы как замороженные смотрели на залитую огнем строительную площадку, туда, где наши товарищи — из Советского Союза и сирийцы вели бой с непогодой, с предрассудками, с нищетой. Новое угадывается всегда. И мы оба хорошо понимали, что здесь сейчас происходит нечто более значительное, чем простое строительство, каким бы масштабным или грандиозным оно само по себе ни было. Мы отдавали себе отчет, что присутствуем при рождении новой Сирии, новых людей, новых отношений. Лучи прожекторов как будто специально для нас

выхватывали из темноты песчаные отмели, контуры земснарядов, нитки труб и черную густую воду Евфрата, того самого Евфрата, который когда-то давно — пять, десять, двадцать тысяч лет назад — качал колыбель земной цивилизации.

Идея использования Евфрата для наступления на пустыню лелеялась веками, точнее, десятками веков. Но из области фантастики в область реальности она перекочевала совсем недавно. Помощь в осуществлении самого грандиозного из всех когда-либо задуманных в Сирии строителств поступила из СССР.

Это было необычное для страны строительство и по масштабам, и по значению, и по методам. Для управления им был создан специальный Высший комитет во главе с председателем Совета министров. Стройка была объявлена всенародной. В ней принимало участие 12 тысяч сирийских рабочих, техников, инженеров. Не менее четверти числа всех занятых инженеров получили образование или прошли переподготовку в Советском Союзе. Свыше двух тысяч рабочих получили высокую квалификацию по 25 специальностям в Халебе, а еще больше — непосредственно на строительстве.

Строительство плотины было торжественно открыто 6 марта 1968 года. Полное затопление водохранилища ожидается к середине 1976 года, то есть через три года после перекрытия реки. Длина будущего озера — свыше 80 километров, площадь — 630 квадратных километров, запасы воды — около 12 миллиардов кубических метров. Вот что такое Табка!

Гостиница, где нас поселили, представляла собой обыкновенную квартиру, отведенную администрацией строительства для командированных. Нашими соседями оказались два инженера-москвича. Оба были энергетиками. Один — эксплуатационник, другой — специалист по проблемам водохранилищ.

Ужин, разумеется, пришлось повторить, ибо нигде не беседеуется так хорошо и непринужденно, как именно за этой процедурой. Наши инженеры тут же вступили в спор. Беседа затянулась за полночь.

Я смотрю на наших собеседников. Один из них молод. Ему тридцать пять, не больше. Другому за пятьдесят. Молодой сдержан, склонен к точности, цифрам и скептицизму. Пожилой восторжен. В нем чувствуются навыки оратора. Похоже, что обоим хочется высказаться. Семейные мужчины, как правило, плохо переносят одиночество.

Из клубов дыма до меня долетают голоса.

— В Табке живет тысяча советских специалистов, не считая членов их семей — жен, детей... Уже сейчас население Табки около 40 тысяч человек! Это самый молодой и самый благоустроенный город в Сирии. Парки, школы, клиники, бассейн, театр, кино, стадион...

— Час перекрытия Евфрата будет часом рождения новой Сирии. И дело здесь совсем не в плотине, а в напоре времени, под которым должны рухнуть многие плотины, сдерживающие новое: неверие в собственные силы, безынициативность, равнодушие, неграмотность, нищета...

— Сами по себе они не рухнут. Нужны время и труд. К сожалению, работы по ирригационному освоению площадей ведутся медленно. Переговоры сирийского правительства с иностранными компаниями об экономическом содействии ощутимых результатов пока не дают. Да и вообще мечтать всегда лучше, чем осуществлять мечту.

— Что ж, не всегда дело идет так, как бы хотелось... Однако, что бы там ни было, время шагает вперед, и Евфрат будет перекрыт. Слишком много энергии вложено в это дело.

Гидротехнический узел рассматривается одновременно как часть комплекса по освоению

пахотных земель САР. Общая площадь орошаемых водой Евфратской плотины земель составит примерно 64 тысячи гектаров. Это значит, что обрабатываемая сегодня в Сирии площадь будет более чем удвоена! И это в стране, где используется каждый клочок земли, способный дать урожай!

Освоение земель рассчитано на тридцать два года, по двадцать тысяч гектаров в год. Осваивать земли предполагается путем создания крестьянских кооперативных хозяйств.

Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть. В печурке билось мазутное пламя. В трубе гудел ветер. Впечатления последних двух дней гнали сон. Прокуренный, разбитый автобусик, мчавшийся по распаханной равнине в сирийский залитый электрическим светом город, в котором говорят по-русски, никак не мог увезти меня из-под взгляда синих, все видящих глаз богини плодородия, чтимой в древнем государстве Мари сорок веков назад.

Глаза, смотревшие мне в душу, оказались окнами нашей комнаты. В них вливался новый день, свежий и солнечный. Соседей уже не было. Они ушли на работу. Я разбудил своего товарища и пошел на кухню готовить завтрак холостяков: яичница, кофе, хлеб с маслом. Потом мы выбежали на улицу.

Город Табка расположен на правом берегу Евфрата, в том самом месте, где река поворачивает на восток. Это, наверное, единственный сирийский город, в котором нет старых домов.

Представьте себе очень высокий, метров двести, и очень крутой, градусов шестьдесят, берег и на нем четко распланированный новый город, выстроенный за год. Дома, в основном четырехэтажные, далеко отстоят друг от друга. Между ними молодые насаждения, еще не дающие тени. В городе по существу одна улица, но она широкая, благоустроенная, с торговым центром,

учреждениями, хорошо освещенная и оживленная. Дома европейского типа, правда, с неуловимым колоритом восточной архитектуры. Улица замыкается большим серым трехэтажным зданием, где размещается штаб строительства — управленческие отделы.

...Мы стояли на краю крутого откоса, почти обрыва. Внизу расстилалась ровная, широкая долина, по которой петляла река. Далеко на противоположной стороне различался такой же крутой берег. Долину пересекала насыпь, которая отсюда казалась почти игрушечной. У нашего берега насыпь оканчивалась миниатюрной бетонной плотиной. Плотина достраивалась. Она вся щетинилась стрелами подъемных кранов. Ежеминутно в разных местах плотины вспыхивали синие светлячки автогенов. А у ее подножья ползали крохотные самосвалы, бульдозеры и другая микротехника. Под стать ей казались и люди. И все, что мы видели: плотина, машины, строители, казалось, были слиты во что-то общее, единое. И это «что-то» жило своей особой жизнью, отдельной, независимой от желтой, широкой долины, от крутых ограничивающих ее берегов, от извилистой ленты Евфрата.

Сирийское солнце припекает и зимой. Было тихо. На юных эвкалиптах, обступивших берег, чирикали какие-то пташки. Почти так же перекликались у подъездов домов дети. Ни те, ни другие не обращали ни малейшего внимания ни на стройку, ни на долину. Мир для них был един и неделим. Они не мыслили себя вне его, и поэтому он принадлежал им.

Детские голоса вернули нас к действительности. Мы не были уже детьми, и поэтому сами принадлежали миру, то есть делам. В поисках нужного нам управления мы набрали на скромный кубообразный бетонный мемориальный памятник. Текст, выбитый на нем, извещал, что здесь, в Табке, 6 марта 1968 года было начато строительство Великой Евфратской плотины.

Поверх этого текста было написано мелом: «Да здравствует дружба САР и СССР».

Нам повезло. По окончании нашего делового разговора главный эксперт строительства спросил, хотим ли мы посмотреть стройку.

Еще бы!

Автомобиль ГАЗ-69 в обиходе называют «козлом». Я бы лично назвал его «коньком-горбунком». Незаменимая машина! Наш «козел» спускается по крутой дороге в котлован. Ведет его советский специалист, работающий на строительстве уже третий год.

Мы находились у подножия гигантских, уходящих и ввысь бетонных колонн, точнее, ребер плотины. Куда девалась ее миниатюрность!

Стало быть, мы сейчас на дне будущего моря?

Да, на дне. Только не моря, а будущего Евфрата. В самой круговерти. Вот эти два бетонных трамплина должны гасить скорость отработанной воды. Сейчас увидите все это сверху.

Механизированный «горбунок» послушно везет нас по крутой дороге вверх мимо встречных многотонных самосвалов, мимо камнедробилок, каких-то мастерских, времянок.

Мы находились у подножия гигантских, уходящих ввысь бетонных колонн, точнее ребер плотины...

Подъем кончился. Мы покидаем машину и пробираемся частоколом арматуры. Перешагиваем через лоснящиеся, толстые, неизвестно откуда и куда тянущиеся кабели электропитания, огибаем штабели досок и, наконец, выходим на узкую бетонную дорожку, огороженную с обеих сторон жиденькими железными перилами с приваренными кастрюлями прожекторов. Наш проводник останавливается и кивает вниз.

— Узнаете?

Мы узнаем. Бетонное русло будущего Евфрата. Оно кажется отрезком строящейся шоссейной дороги.

Отсюда, сверху, видно нутро всей плотины. Электростанция составит часть плотины. Ее оборудование — восемь генераторов, мощностью по сто мегаватт каждый.

Я никак не мог определить своих чувств. Вокруг нас кипела работа. Строители — советские и арабы, рабочие и инженеры, молодые и пожилые собирали арматурные решетки, поднимали их кранами, ставили в нужном порядке, привозили доски, делали из них обшивки, заполняли формы жидким цементом...

Казалось бы все просто, буднично, знакомо. И только отвесные желтые стены долины, вырытые за миллионы лет Евфратом, старинная крепость вдали на вершине одного из холмов, да не по-нашему жаркое солнце говорили, что это не совсем так. И хотелось стоять и смотреть на эту незнакомую долину с петляющей рекой, на плотину, перегородившую ее, на людей, создающих эту плотину. Но нехорошо стоять без дела там, где работают. И вот бежит наш газик по укатанной до твердости камня дороге из гравия у подножия насыпной плотины — самому внушительному из всех звеньев строительства. Наш немногословный проводник кивает в сторону долины, где в черных заводях обосновались землесосы, связанные с плотиной нитками трубопроводов.

— Их работа!

— А какова длина плотины?

— С дамбой на левом берегу — около пяти километров. Высота ее — шестьдесят метров, ширина у основания — 512. Объем — 46 миллионов кубических метров. В дальнейшем тело плотины предполагается нарастить до отметки 320 метров.

Мы стояли в так называемом верхнем бьефе, у подножия бетонной плотины. Ее колонны, похожие на отвесные скалы неведомых гор, здесь казались еще мощнее и выше, чем с обратной стороны. Они

образовывали ворота, через которые должна поступать к турбинам вода. Ворота, как и подобает воротам, имели створки. Их называют затворами. На каждый пролет по два затвора.

— Вот теперь мы действительно на дне моря, что родится через несколько месяцев. Считайте — над вами 60 метров воды.

Трудно представить, что совсем недавно на этом месте спокойно паслись овцы, рос хлопок, бегали ребятишки. Еще труднее представить, что совсем скоро крутые склоны долины перестанут быть крутыми, поскольку не станет самой долины. Она до краев наполнится водой и превратится в море.

Огромная, по местным масштабам, площадь плодороднейшей земли уйдет под воду. Надо будет переселять крестьян затопляемых деревень. А куда? В Сирии каждый клочок обрабатываемой земли на учете. Ведь земля здесь — частная собственность! А сколько еще предрассудков... Чего стоил лишь вопрос переноса кладбищ! Разумеется, в какой-то мере сходные проблемы возникают при строительстве гидростанций и у нас, но здесь они много сложнее.

— Ох, как здесь все не просто! Порой кажется, что у Сирии нет сегодняшнего дня — настолько будущее тесно соприкасается с прошлым...

Это говорил наш сопровождающий.

— Взять хотя бы исторические памятники. Слышал от специалистов — трудно даже представить, что хранит в себе евфратская земля. Впрочем, вы живете в Дамаске, в музее были. Знаете не хуже меня. Вон видите — крепость Калат Джабир... Приходят сирийские товарищи, спрашивают, погибнет от моря крепость или нет. Говорим — погибнет, если не укреплять склонов холма, на котором она стоит. А нужно ли, спрашивают, ее спасать? А я откуда знаю! Я ведь не историк. Интересуюсь, сколько ей лет. Оказалось, что никто не

знает. Думали, что семьсот. А когда стали копать, так оказалось, что тысячи. Вот и давай советы...

Мы посмотрели в сторону крепости. На голубом горизонте виднелся холм с плоской вершиной...

— Вот что, ребята, мне все равно надо заехать в карьер. А от него до крепости рукой подать. Поехали.

Километр за километром тянулся справа от нас хребет намытой плотины. И когда мы привыкли к ее существованию, она внезапно оборвалась. Мы подкатили к неширокому, но чрезвычайно быстрому потоку чистой воды. Это и был Евфрат. Река стремительно убегала, словно чуя опасность. Небольшой катер, зарываясь носом в воду, с огромным трудом преодолевал ее течение. Евфрат снова меня поразил. Я был наслышан о потоке густого ила, а тут была зеленоватая, как морская волна, вода. Вкатившись на паром, мы вышли из автомобиля на палубу. Вода с силой ударялась о плоский нос нашего ковчега, бурлила за кормой и быстро гнала его к противоположному берегу. Я поделился своими мыслями относительно чистоты евфратской воды с товарищами. Однако ответил мне стоявший рядом сириец в защитной каске, какие носят здесь все строители. Ответил на хорошем русском языке:

— Вам правильно говорили. Евфрат несет обычно так много ила, что кажется оранжевым. Это скорее глиняный раствор, а не вода. Ветер пустыни сбрасывает в реку тонны пыли. Но сейчас период дождей. Исключение... Поэтому река довольно чистая.

Паром приткнулся к берегу. Мы осторожно съехали на землю и покатались по разбитой дороге мимо полей собранного уже хлопчатника, на которых паслись небольшие стада овец и коз.

Дорога привела нас к экскаватору. Он застыл, положив свою ковш-голову на мягкую шоколадную землю. А рядом с ним, в поклоне на коленях, застыл его хозяин. Мы, зная арабские обычаи, молча ожидали

окончания молитвы. Помолившись, экскаваторщик сошел с коврика и надел высокие резиновые сапоги, стоявшие до этого рядом. Потом он свернул коврик, убрал его под сиденье в кабине экскаватора и вступил в разговор. Сопровождавший нас товарищ вполне прилично владел тем комплектом арабско-русских слов, который обеспечивает деловое общение. Пока они объяснялись, я разглядывал карьер — развороченные экскаватором пласты ила. Того самого, что десятки тысяч лет обеспечивал людям постоянный урожай, избыток которого позволял содержать ремесленников, поэтов, жрецов и администраторов. Выходило, что вся человеческая цивилизация строилась если не на речном песке, то на речном иле, правда, основательно пропитанном человеческим потом.

Путь, накатанный многотонными самосвалами, оканчивался у карьера. Далее начинался проселок. Автомобильчик, оправдывая свое наименование, прыгал с ухаба на ухаб, как истый козел. Мы проехали две-три деревушки — полдюжины глиняных подслеповатых домов.

Около домов возвышались горы высохшего хлопчатника, используемого в качестве топлива. Известное оживление вносили играющие возле домов полуодетые дети да копошащиеся в пыли собаки. Последние при нашем приближении срывались со своих мест и с яростным лаем мчались наперерез машине. Каждый пес демонстрировал свою непримиримость к чужакам, доходившую до исступления только в пределах каких-то невидимых границ своего владения. В определенной точке, трясущийся от ярости друг человека, останавливался и передавал эстафету ненависти соседу. По исполнению долга каждый с достоинством возвращался на свой пост и впадал в спячку.

Ни кустика, ни деревца. Голая земля. Меланхоличные ослики. Одичавшие от безделья собаки. Убогие хижины с застывшими фигурами стариков. Интересно, знают ли они, что скоро деревни, в которых прошла их жизнь и жизнь их отцов и праотцов, должны скрыться под водой, исчезнуть навсегда вместе со старой, отсталой сонной Сирией? Впереди, на крутом холме маячила древняя турецкая крепость Калат Джабир. Справа, за гладью голых полей, за лентой Евфрата на крутом противоположном берегу на фоне неба четко вырисовывались здания нового города. А рядом с ним большое, поражающее своей грандиозностью даже нас строительство.

Стены крепости, сложенные из плоских обожженных кирпичей, оказались долговечнее своего основания. Скала во многих местах обрушилась, обнажив часть подземных ходов, казематов, погребов.

Укрепление до последнего времени считалось относительно недавней, средневековой постройкой. Однако при обследовании прочности скалы изыскатели наткнулись на древние культурные пласты. Вопрос о судьбе крепости пока не решен.

По узенькой тропинке мы поднялись на холм, а затем и на крепостную стену. Усталость давала себя знать. Растянувшись на теплой, сухой прошлогодней траве, мы любовались открывшимся видом. Змейка Евфрата. Квадратики и прямоугольники возделываемой почвы. Разбросанные тут и там деревеньки. Одна из них расположилась внизу, под нами, у подножия холма. Я обратил внимание на одно большое белокаменное, окруженное колючей проволокой здание. Оно резко отличалось от других строений. Оказалось, что это мавзолей Сулеймана Шаха, одного из первых султанов Османской империи, утонувшего в Евфрате.

Интересно, что территория, на которой расположена его могила, считается турецкой. Ее неприкосновенность

охраняется турецким воинским подразделением. Будет ли Турция претендовать на несколько квадратных метров акватории Евфратского моря?

В Табку мы вернулись к обеду.

Большой зал рабочей столовой. Почти забытый нами запах наваристых щей приятно щекочет ноздри. Наливаем себе по тарелке. Справляемся. И снова беремся за половник. Соседи по столику смеются. Знакомимся. Федор Иванович, Ахмат. Спрашиваем, чей повар. Оказывается, шеф-повар — русский, а его подручные сирийцы. Судя по качеству блюд, повара сработались неплохо. Оглядываюсь по сторонам. Типичная столовая большого отлаженного предприятия. Здесь свой особый уют, чувствуется, что посетители столовой давно друг с другом знакомы. Рассказываем о своих впечатлениях сегодняшнего дня. Восторгаемся. Федор Иванович смеется:

— Будете еще раз на плотине, обязательно заходите.

— Куда заходить-то?

— Да на кран. Второй кран. Крановщик я. Сразу всю стройку увидите со ста метров высоты.

— Туда и не залезешь, ветром сдует.

— Не сдует! Никаким ветрам нас не сдуть. Верно я говорю, Ахмат?

Ахмат слушает и улыбается. Я обращаюсь к нему:

— Вы по-русски говорите?

— Немного говорю. Понимаю лучше.

— Давно на строительстве?

— Давно. С шестьдесят восьмой год.

По лицам арабов трудно определить их возраст. Ахмату, вероятно, около сорока.

— Хорошо ли работать с советскими?

— Хорошо. Я знаю. Я работал немецкий, я работал английский...

Он почему-то заволновался. Ему не хватало русских слов. Я попросил его говорить по-арабски, его поймут.

Вот что мы услышали.

— Я люблю ваших людей. Я сейчас работаю на бульдозере. Начальник говорит, что я хорошо работаю. Получаю премии. Я раньше не знал, что это такое. Я раньше был простой рабочий, носильщик. Что знал? — Ничего не знал. Что умел? — Ничего не умел. Почему я люблю ваших людей? Расскажу. Надо было срочно, до паводка вынуть грунт, заложить бетон... Если бы упустили время, все работы бы сорвались. Есть у нас, мусульман, самый большой праздник «Ид аль-Адха» — жертвоприношение. Бывает он в самом конце года. Все ждут его. Режут баранов, пируют. Не работают. Гуляют несколько дней. В том году зима была очень суровой. По ночам вода замерзала. А днем ветер, дождь, снег. Мы не любим холодов. Все арабы ушли со стройки. Советские остались. Инженеры, мастера, рабочие — остались все. Я всю жизнь буду помнить. Я видел, как русские женщины и дети приносили еду прямо к машинам, в котлован. По вашим законам рабочие работают семь часов. Их никто не заставляет работать двадцать четыре. Они работали. Для арабов. Для нас. Я — сириец, мусульманин. Я чту нашу веру. Но я вернулся вечером на второй день. И другие пришли. Не все, но пришли...

Меня часто хвалят. В пример ставят. Называют передовиком. Все так. Но не это главное. Главное, что я здесь как будто по-другому видеть стал. Как будто другие глаза открылись.

Ахмат выговорился и замолчал.

Мне захотелось сказать ему, что иначе и быть не может. Что по нашему кодексу человек человеку друг, товарищ и брат. Но фраза как-то не складывалась. Вместо этого вспомнилась моя фронтовая юность. Вспомнились рассказы матери о первых годах Советской власти... Рассказ Ахмата показался мне простым и естественным. Ведь он был рабочий человек. Свой. Товарищ.

Я спросил:

— Как по-арабски будет товарищ?

— Рафик! — ответил Ахмат.

Города Табки больше не существует. 5 июля 1973 года он был переименован в город Эс-Саура, что в переводе значит «революция».

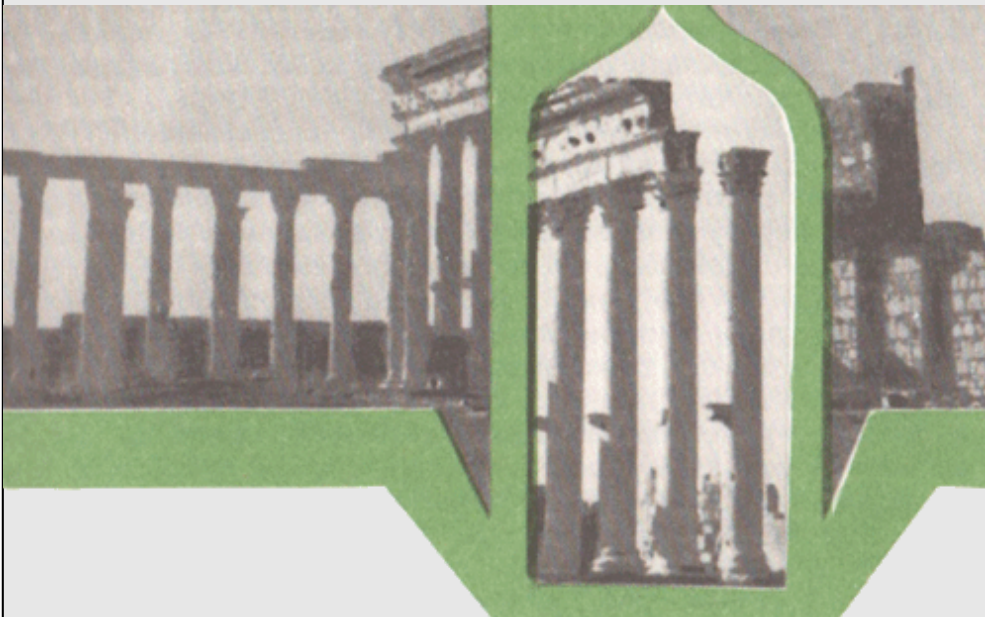
Завершение строительства плотины мне пришлось наблюдать уже в Москве по кадрам хроники. На экране московского кинотеатра мелькают знакомые места. Оживленные улицы Дамаска. Горизонты пустыни. Долина Евфрата. Табка. Мощный, до предела нагруженный самосвал осторожно пятится к самому краю каменной дамбы. Медленно поднимается- кузов. В стремительный поток воды летят бетонные пирамидки. За действиями водителя следят тысячи и тысячи глаз. Оба берега усыпаны народом. Пестрые, праздничные одежды, флаги. Море флагов. Бесконечная очередь сменяющих друг друга самосвалов. Дамба нарастает и неумолимо движется к противоположному берегу. Стремительная и упругая вода бросается на берег, отрывает и увлекает в глубину бетонные блоки. Но подъезжают новые и новые самосвалы и на место одной унесенной глыбы ложатся десятки новых. В действие вступают бульдозеры. Они выравнивают дамбу и обеспечивают путь самосвалам.

И вот наступает мгновение, о котором мечтали десятки веков... По образовавшейся перемычке навстречу друг другу бросаются люди. Я вижу их напряженные лица. И они мне кажутся страшно знакомыми. Конечно, я с ними встречался. Встречался на улицах Дамаска, встречался на бесконечных дорогах, видел их склоненными к сухой вспаханной земле, видел поднятыми к небу, а чаще всего видел их смотрящими прямо в мое лицо.

Последние кадры хроники. Мужественное обветренное лицо сирийского строителя смотрит на меня с экрана. И я говорю:

— Здравствуй, рафик!

Мираж, который не исчезает

«Пальмира расположена в центре Сирийской пустыни...» Этой банальной истиной начинается большинство рассказов об одном из самых интересных мест земного шара. И это действительно так. Достаточно взглянуть на карту. От Пальмиры до Дамаска 312 километров пути, до Халеба — 242, до Латакии — 339, до Хамы — 202, до Хомса - 155, до Дейр-эз-Зора — 206. Не задумываясь ни на минуту, я пустился бы по любой из этих дорог пешком, лишь бы пережить еще раз встречу с легендарным городом.

О Пальмире написано достаточно много. Фотопанорама знаменитых руин встречает вас при входе в здание дамасского аэропорта и постоянно сопровождает вас во время нашего пребывания в стране, красуясь на рекламных плакатах, открытках, картинах и денежных купюрах. В путеводителе

подробно перечисляют все основные объекты этого, как сейчас говорят, комплекса. Но Пальмиру нельзя представить себе без неба, без пустыни, так же как, не видев моря, трудно вообразить его даже при очень хорошем знании свойств воды, потому что море — это не только вода. Пальмира пленяет не только изящностью колонн, не только пальмовыми рощами, а сочетанием всего этого и многого другого. Горы меняют цвет, по небу бегут облака. Следовательно, изменяется, и притом непрерывно, весь облик долины, приютившей шедевры архитектуры, уже две тысячи лет восхищающие всех, кто их видит. Время может стереть Пальмиру, но обезобразить ее оно бессильно. Может быть, в этом и заключается пленительная тайна города — я не знаю, как назвать Пальмиру по-другому, хотя в ней уже многие века никто не живет.

Расположенный рядом типичный современный «райцентр» Тадмор с гостиницами, ресторанами, стандартными домиками, равно как и глинобитные постройки соседней арабской деревушки, ничего общего с Пальмирой не имеет.

Стыдно признаться, но до приезда в Сирию я о Пальмире знал лишь то, что она где-то существует. Воображению представлялись оживленные улицы южного города, утопающего в зелени стройных пальм...

Вот уже около часа я со своим спутником-переводчиком в составе туристской группы еду почти строго на восток по узкому разбитому шоссе, свернув чуть не доезжая Хомса с широкой и оживленной автомагистрали. Давно исчезли богарные пашни, раскинувшиеся было по обеим сторонам дороги. Машина вползает на очередной холм, и вновь, насколько хватает глаз, вокруг желто-коричневая, слегка всхолмленная, безлюдная голая земля. Десятки километров пути и не единой души, хотя по статистике тут на один квадратный километр приходится пять человек. Но вот

вдали показалось несколько черных коробков. Это шатры бедуинов. Один из них совсем рядом с дорогой. Останавливаемся. Через несколько минут мы уже окружены бедуинской детворой. Нас разглядывают, но не бесцеремонно, а с тихим уважением. Через переводчика я прошу узнать, сколько еще километров до Пальмиры. Он спрашивает, но ребяташки лишь улыбаются и недоуменно разводят руками. Они не понимают вопроса. Критикуем переводчика. Но он ни при чем. Дети просто никогда не слышали о Пальмире. Кому-то приходит в голову мысль: может быть, у арабов есть другое наименование города. Ну, конечно! Это же Тадмор! Мы повторяем вопрос. Наши собеседники оживились. Начались сложные пересчеты арабских мер длины в метрические. Результатов исчислений я не услышал, так как все мое внимание привлек приближающийся к нам всадник. Поднимая пыль, от самого удаленного шатра в нашем направлении мчался белый верблюд, на котором восседала маленькая фигурка. Я никогда не предполагал, что это флегматичное животное способно на такую резвость. Верблюд был без седла. Седок примостился не на горбе, а сзади его, почти на хвосте. Он оказался девочкой лет девяти, черноглазой, оборванной и очень симпатичной. Верблюд перешел на рысь, потом на шаг и в нескольких метрах от нас остановился, возвратив себе присущую надменность. Амазонка, которая держалась на своем скакуне благодаря тому, что вцепилась в его густую шерсть, зашипела на верблюда как-то по-змеиному: «пшшш, пшшш...» И он неуклюже, но с достоинством опустился на землю поджав под себя свои длинные ноги, точь-в-точь как это делают коты. Девочка спрыгнула на землю и спряталась на спинами своих товарищей.

Эти маленькие бедуины на фоне лежащего верблюда были необычайно живописны. Я, никогда ранее не видавший верблюда в природных условиях,

любовался теперь его своеобразной грацией и красотой. Особенно поразили меня глаза — выразительные, прекрасные, глубокие глаза, окаймленные густыми, необычайно длинными ресницами. Арабы в какой-то мере правы, считая верблюда самым Красиным и грациозным из всех животных. Кто-то из туристов угостил дромадера бутербродом. Он оживился, быстро вытянул шею, схватил с земли хлеб и с удовольствием принялся жевать. Нас всех потрясли верблюдовы зубы. Поверните руку ладонью вверх, растопырьте пальцы и чуть-чуть их согните. Если вы теперь выкрасите ладонь в желтый цвет, то будете иметь точное представление о жевательном аппарате этих красавцев. Я сорвал несколько довольно сочных кустиков травы и протянул нашему новому приятелю. Однако он посмотрел на меня с бескрайним презрением и с негодованием отвернулся. Дети засмеялись и что-то принялись объяснять. Оказалось, что трава эта несъедобна. Но никакой другой растительности в пустыне и не видел. Чем же питаются верблюды?

Дети проводили нас до машины и долго смотрели вслед странным людям, не понимающим арабской речи.

Мы здорово просчитались, предполагая проскочить полтора-два километра за три — три с небольшим часа, как обычно. Шоссе становилось все хуже и хуже и, наконец, оказалось вовсе непроезжим. Объезд совершали по разбитой проселочной дороге, которая привела нас к концу дня в довольно большую деревню без единого кустика зелени, пропыленную, как сама пустыня. Солнце растеклось по горизонту и таяло на глазах. В короткие сумерки мы все же успели добраться до шоссе, такого же разбитого, что и проселочная дорога. Разморенный жарой и дорогой я задремал, а когда проснулся, то не поверил своим глазам: в пучке света фар Попела знакомая по тысячам виденных

репродукций Триумфальная арка и убегающая в темноту колоннада. Мы были Пальмире.

Гостиница «Зенобия», к которой мы вырулили, руководствуясь рекламным щитом, оказалась расположенной чуть ли не среди знаменитых развалин. В ней набилось уже порядочно туристов, но нашлись места и для нас. Мы попросили принести ужин прямо в номер — большую мрачную комнату с пятью кроватями и большим столом. Ужин несмотря на обильный стол и бутылку вина, прошел скомканно и неинтересно. Было уже за полночь, когда мы улеглись, договорившись предварительно с дежурным о том, что он разбудит нас в четыре утра, то есть до восхода солнца.

Я ворочался на своем ложе, пытался заставить себя как-нибудь спать и не мог. Я слушал, как тикают на столе часы, как шумит за окнами ветер и вспоминал известные мне сведения о Пальмире.

Пальмира — это прежде всего оазис, тенистый остров в просторах пустыни, обжитый человеком более трех тысяч лет назад. Первое письменное упоминание о городе содержат ассирийские таблицы, найденные в Анатолии и датируемые XX веком до новой эры. Вторично он упоминается и в таблицах, обнаруженных при раскопках города Мари на Евфрате.

Далее следует так называемый акабианский текст, повествующий о том, что ассирийский царь Тиглатпаласар двигается к Тадмору воевать с арамеями. Предполагают, что до арамейцев обитателями Тадмора были ханаане, поклонявшиеся богу Бэлу. В Библии Тадмор встречается при перечислении владений царя Соломона (971–932 годы до новой эры). В хронике Иосифа Флавия говорится, что царь Соломон возвел в пустыне город Тадмор на том самом месте, где отец его Давид победил Голиафа.

Город был разрушен войском вавилонского царя Навуходоносора II во время его похода на Иерусалим.

Далее мы находим Тадмор в составе владений Селевкидов. Удачное географическое и политическое положение между цивилизациями Средиземного моря и Персидского залива превращают Тадмор, с одной стороны, в буферное государство между Римской империей и Персией, а с другой — в богатейший торговый центр. Жители города, помимо торговли, занимались организацией караванов, снабжением их продуктами.

Город был разграблен римлянами в 42 году до новой эры, а с 18 года включен в состав их империи, правда, с предоставлением некоторой автономии. Именно в этот период он и получает свое красивое имя Пальмира — город пальм.

Звездный час Пальмиры приходится на вторую половину III века новой эры. За какие-то заслуги перед империей пальмирец Однат в 258 году получает титул римского консула и становится полномочным правителем города. Пальмира успешно ведет войну с Персией в пользу Рима. Но вскоре Однат погибает при странных, не выясненных обстоятельствах. Власть и титул отца переходят к его младшему, далеко еще не совершеннолетнему сыну, а фактически к вдове, известной под именем Зенобия (правильнее — Батзебина, что значит «дочь купца»).

Умная, бесстрашная, волевая, наделенная непомерной гордостью женщина, казалось, была создана для роли королевы. Она резко меняет политику. Ищет сближения с Персией и предпринимает шаги для распространения своей власти, используя тяжелый кризис Римской империи. В 271 году Зенобия провозглашает себя «Императрицей Востока». В ее царство Пальмира достигает своего «апогея», простираясь от Босфора до Нила, включая в себя Малую Азию, Сирию, часть Аравии и Египет. Но провозглашение собственной империи означало объявление войны Риму.

И она последовала. Немедленно. Военное счастье оказалось на стороне римского императора Аврелиана. В решительной битве при Хомсе римляне разбивают армию кочевников. Пальмира была осаждена, императрица схвачена и отправлена в Рим.

Город восставал против завоевателей, многократно разрушался. Разрушали Пальмиру не только люди, но и землетрясения. Значительнейшие из них зафиксированы в 359, 543, 650, 705, 738 и 741 годах. Город не раз восстанавливался. Особенно много сооружений было возведено при византийском императоре Юстиниане. Но былой славы своей, былого значения Пальмира уже не восстановила. Арабы овладели городом в 634 году. А последнее упоминание о Пальмире относится к 744 году.

Наступило забвение.

В сочинении «География», принадлежащем перу арабского ученого Али-Абу-ль-Фида, жившему в XIV веке, Тадмор упоминается уже лишь как место чудесных развалин.

Для Европы Пальмира умерла вместе с Римской империей. Сообщение об «открытии» Пальмиры английского купца Галифакса, побывавшего на развалинах города в конце XVII века, вызвало насмешки со стороны «образованной» публики. В существование Пальмиры поверили лишь в 1753 году, когда был издан прекрасно оформленный фолиант Гунны Пальмиры и Тадмора в пустыне», содержащий великолепно выполненные рисунки руин и их описание. Издание вышло в Париже, но авторами его были англичане Днукинс и Вуд, посетившие за два года перед этим описываемые ими места. Увы, значительное число рисунков Роберта Вуда уже не соответствует натуре, точнее, наоборот, натура не соответствует рисункам. Многие предметы исчезли, превратившись либо в стройматериал для местных построек, либо, в лучшем случае, в экспонаты музеев...

Я посмотрел в сторону окна. Его квадрат мне показался светлее, чем раньше. Решительным движением я сбросил с себя одеяло и сел на кровати. Светящиеся стрелки часов показывали без нескольких минут три. Товарищи мои мирно спали. Я не стал их будить. Оделся и потихоньку вышел.

В вестибюле за своей конторкой, откинув голову на спинку стула, храпел дежурный. Громко тикал будильник. Желтый свет электрической лампочки, беспрерывно мигающий, тусклый, явно не справлялся с темнотой, и именно поэтому большой портрет Зенобии, смотревшей на меня со стены, казался сейчас не таким примитивным и беспомощным, как раньше.

Повернутое в профиль лицо молодой — не старше тридцати лет — женщины, типичное для восточных красавиц, знакомых всем по иллюстрациям к «1001 ночи». На голове тяжелый «обруч», украшенный драгоценными камнями, волосы прикрыты кисеей. Тяжелые серьги. Крупное ожерелье. Согласно дошедшим описаниям, у нее было смуглое лицо, ослепительной белизны зубы и блестящие глаза. В Народном собрании она появлялась не иначе как в пурпурном платье, осыпанном драгоценностями. Владела египетским, греческим и латинским языками. Разделяла с мужем все его походы и якобы была замешана в его убийстве. Еще говорят, она стремилась во многом подражать Семирамиде, легендарной царице, якобы жившей когда-то в глубокой древности в этих же краях. Высоким было величие Зенобии, глубоким — унижение. Под насмешками любопытной, праздной римской толпы перед триумфальной колесницей упивающегося славой «Доминиуса эт деуса» Аврелиана^[2] шла, с трудом передвигая ноги, закованные в цепи из золота, вчерашняя светлейшая императрица Востока.

Какая ирония времени! Сохранив сотни великолепных бюстов безвестных подданных Зенобии, оно не оставило ни одного изображения самой царицы. Несколько монет, отчеканенных семнадцать веков назад, на которых с трудом можно рассмотреть расплывчатый профиль, вот и все свидетели внешности этой необыкновенной женщины.

Ну, что ж! Взамен этого время оставило Зенобии, как памятник, легендарный город Пальмиру, навсегда соединив эти имена.

Я напрягал воображение, чтобы оживить лицо царицы. Мне хотелось представить его повернутым ко мне. Но чуда не произошло. Портрет оставался мертвым... Зато ожил дежурный. Проморгавшись и поняв, наконец, что я — не продолжение его сна, а реальный постоялец, желающий прогуляться, он отомкнул входную дверь и выпустил меня наружу.

Первое, что поразило меня, — холод. Ледяной ветер пронизывал тело, несмотря на плащ и свитер. И этот холод, казалось, делал еще более острыми и без того отточенные края бесчисленных звезд. Небо пустыни! Узкий, только что выкованный серп месяца нисколько не ослаблял звездного зарева. Он и сам представлялся странной яркой звездой на фоне переливающейся всеми цветами радуги мелкой звездной россыпи. Четко, как в планетарии, сверкали причудливые созвездия. Знакомые, но неизвестные по наименованиям, кроме двух, одиноко парящих в черной бездне неба почти у горизонта милого мне Севера. И когда глаза свыклись с темнотой, я увидел город. Он представился мне живым, реальным, просто уснувшим на ночь. Очевидно потому, что красота — антипод смерти. Силуэты многочисленных колонн, арки, стены, казалось, куда-то двигались и лишь на мгновение застыли.

Я многое повидал на своем веку. Жизнь не обделяла меня впечатлениями, но такой щедрости я не ожидал. Я

забыл о холоде, о времени... Меня несколько не удивил огромный лохматый пес, мчавшийся по направлению ко мне по белым каменным обломкам. Я не боялся его. Я был в сказке. Я чувствовал себя ее героем. А герои сказок не погибают. Действительно, не добежав до меня несколько шагов, пес остановился и сделал несколько попыток укунить собственную спину. Беднягу, должно быть, заели блохи. Потом он подошел ко мне и начал доверчиво тереться о мои ноги. Я сел на ступеньки лестницы, с которой так и не успел сойти, обнял собаку и начал чесать ее за ушами. Пес, повизгивая от радости за подаренную ласку, лихорадочно пытался лизнуть мое лицо. А я увертывался и гладил своего косматого друга, делая это почти бессознательно, как обычно бывает с людьми, когда на них наваливается огромное счастье.

Потом мы долго бродили по улицам и площадям Пальмиры. Я прекрасно ориентировался в расположении города, словно бывал здесь уже раньше и не один раз. Я давно уже заметил женскую фигуру, так же, как и мы, обходившую город. Ее длинное черное, отражающее звезды платье, а на самом деле пурпурное, усыпанное драгоценностями (я знал это точно) плескалось под ветром и облегалo сильные упругие ноги, скованные золотой цепью. Иногда она поворачивала свое надменное, прекрасное лицо в мою сторону и огромные, сверкающие, как звезды, глаза ее смотрели на меня. Но они не различали меня, потому что я был удален на расстояние в семнадцать веков. Зато я хорошо видел ее, потому что без нее я не мог себе представить Пальмиры.

Зенобия удалялась все дальше и, казалось, вводила с собой темноту. Замелькали, засуетились тени. Небо сменило черную окраску на пепельную, потом на серебристую, сиреневую, лиловую, палевую, шафранную, оранжевую, красную, пурпурную. И на широкой волне всплывающего рассвета поплыли черные силуэты стройных пальм.

Не помню, как взошло солнце. Я сидел на небольшом холме, привалившись к обломку колонны из желтоватого камня, и постепенно возвращался к реальности. По асфальтовому шоссе, петлявшему среди царственных руин, двигались повозки и люди. Они спешили по своим делам. Среди развалин бродило уже много туристов. Я нашел своих товарищей. Их, как и полагалось, разбудили в четыре часа. Картину восхода солнца они успели захватить. Становилось жарко. Мы потихоньку направились к зданию гостиницы, чтобы позавтракать и приступить к организованному осмотру здешних достопримечательностей.

Существует искусство словесного рисунка. Я им не владею. Я не могу передавать словами, например, изящность одинокой башни или портика, бессилён вызвать в чужом воображении представление о хрупкости, почти невесомости триумфальных ворот, открывающих аллею, уходящих в пустыню колонн. Я всегда стараюсь нащупать образ.

Я вижу себя на оживленной улице. По обеим сторонам ее тянутся аллеи из стройных коринфских колонн. На консолях каменные изваяния именитых граждан города, военачальников, законников и просто богачей, поставивших колонны за свой счет. Вместе с толпой я спешу к одному из перекрестков. Здесь установлена новая стела — каменная доска с выбитым текстом «Таможенный закон для города Тадмора». Высота стелы более шести метров, ширина более полутора. На ней едва уместились 56 параграфов на арамейском и греческом языках, очень точно и подробно определяющие размер пошлин и налогов, которыми облагаются все самодеятельные граждане указанного города, начиная от зинобиахры (адмирала, начальника каравана) и кончая платной наложницей...

— Вы посмотрите вокруг. Какая красота!

Эти слова вернули меня к действительности. А произнес их гид, который уже второй час водил нашу группу от одного объекта к другому и профессиональной скороговоркой обращал внимание на заслуживающие того вещи. Я стараюсь следить за его речью.

Главная артерия города, разбросанного на большом пространстве между храмом Бэл на востоке и подножием холмов на западе, делит его как бы на западный, административный район, и жилой, восточный. Ширина улицы: одиннадцать метров между колоннами плюс крытые боковин аллеи — шесть метров. Диаметр колонны 95 сантиметров, высота 9,5 метров... На каждой выделяется консоль для статуи...

Нас подводят к необычайно легкой, хрупкой арке, выдержавшей, однако, десяток землетрясений и почти полтора десятка веков. Экскурсовод добросовестно перечисляет названия и размеры различных сооружений. Но, странно, дело, вся эта информация воспринимается крайне плохо. Мне хочется задать вопрос, как доставили сюда четыре гранитные колонны (диаметр 130 сантиметров, высота 12,7 метра!). Гранита в Сирии нет. Такой гранит имеется в Египте. Значит, их привезли оттуда. Вес каждого блока свыше 20 тонн...

Мы попадаем в театр. Он построен в первой половине II века, но сохранился очень хорошо. Мощенный каменными плитами партер. Огромная, длиной 48 метров, эстрада. По обеим сторонам сцены — два сводчатых прохода, ведущих к местам для зрителей...

Невдалеке от театра расположена агора — просторная публичная площадь, окруженная колоннами с консолями для статуй. Именно здесь проходили народные собрания. У северной стороны размещались крупные чиновники, у западной — военачальники, у южной — караванщики, у восточной — сенаторы...

Длинные с утра тени становятся все короче и короче. Немилосердно жжет застывшее в зените солнце. Мы переходим от одного сооружения к другому.

Отражаемые отполированной поверхностью камней лучи режут глаза, а надеть черные очки не хочется, потому что теряется неповторимое сочетание красок и тонов. В выгоревшей траве звенят кузнечики. И голос гида становится опять далеким и невнятным, а смысл его речи туманным. Так бывает во сне. И наяву, когда сознание перегружено впечатлениями.

Нас заводят за каменную ограду, окружающую главное сооружение Пальмиры — храм Бэл. Он был воздвигнут в честь божества вавилонского происхождения Мардука. Само же слово «бэл» (оно произносилось по-разному: бэл, бал, бол) означает «господин», «хозяин». Так обращались к богам или к сильным мира сего. В библейском языке «ваал» — собирательное обозначение всех языческих божеств.

Храм Бэл состоит как бы из двух частей: двора и собственно храма, построенного в самом начале нашей эры. Здание имеет квадратную форму со стороной 225 метров. Изнутри стены украшены коринфскими пилястрами. Прямоугольные окна с фронтонами обращены на юг, север и восток. На западной стороне находится вход, к которому вела монументальная лестница.

Значительная часть храма разрушена. Вернее, она пошла на строительство бастиона. Его сооружение относится к XII веку. Разглядываем стену этого бастиона, сложенную из поверженных колонн, плит... Я вспоминаю изумительную мозаику — экспонат дамасского Национального музея. Она вывезена отсюда. Мозаика воспроизводит Кассиопею. Обнаженная красавица в окружении потрясенных силой красоты героев мифа. Трудно сказать, какое из чудес больше — чудо искусства или чудо, сохранившее это произведение для нас.

Несколько десятков пригоршней разноцветных камешков — и неизмеримая никакими мерами сила страстей.

Стройные, как корабельные сосны, выстроились в ряд семь колонн. Под ними арка ворот. Пологая наклонная плоскость ведет к жертвеннику. По этому пути шли обреченные на заклание животные. Боги требуют жертв. Самых страшных— бог войны.

Мы входим внутрь храма. Справа от трона интересные барельефы: двое молящихся, бог плодородия с гранатом, сосновой шишкой и козой... Второй барельеф изображает процессию: верблюд, женщина с закрытым лицом. Слева — Таламос — священное место. К нему можно подняться по лестнице. Монолитный потолок, тонко отделанный изображением семи планет, окруженных двенадцатью знаками зодиака. Виден также соффит, украшающий архитрав святейшего места, на котором изображен орел Юпитера. В византийскую эпоху храм был превращен в церковь. Потом здесь была мечеть, которая функционировала до 1929 года.

Я смотрю на нашего гида, и по его шевелящимся губам догадываюсь, что он говорит. Но слов его не слышу. Я слышу другое — великолепную музыку. И я наслаждаюсь ею. Я слышу гимн жизни, совершенству, красоте. Его во весь голос поют стены разрушенного храма Бэл, плиты лестницы, барельефы, взлетевшие в синеву ребристые стволы колонн. И я потихоньку им вторю.

Конвейер осмотра движется. Нас усаживают в автомобили и везут к холмам, обступившим Пальмиру полукруглой грядой с запада. И по мере приближения к ним все четче, рельефнее вырисовываются квадратные высокие башни, расставленные во множестве по голым склонам гор. Человек, приглашенный экскурсоводом из музея, долго выбирает нужный ключ из висящей у него

на руке огромной связки. Потом возится с замком. Скрипит тяжелая дверь, и мы входим внутрь башни. Здесь захоронены богатые граждане города, успевшие уйти в мир иной до гибели Пальмиры. Мертвые пережили живых. Чудовищно толстые стены этих погребальных башен представляют собой нечто вроде сот с ячейками-нишами для покойников. Каждая такая ячейка прикрыта каменной плитой с высеченным на ее наружной стороне барельефным бюстом покойного. Высота башни с восьмиэтажный дом. Прочность необыкновенная даже для античных построек. Во времена Юстиниана погребальные башни были соединены крепостной стеной и превращены в бастионы.

Мы поднимаемся по крутой каменной лестнице на плоскую крышу башни под названием Жамблик. Она построена в 83 году. Под нами — долина могил. Дальше — пустыня. Несколько в стороне — одинокая гробница, приписываемая гражданину, по имени Марана, умершему в 236 году. Очевидно, это был богатый судовладелец. Барельеф изображает его на фоне судна. Известно, что многие пальмирские купцы снаряжали не только караваны, но и корабли в Индию и Китай. Порт приписки их располагался неподалеку от нынешнего иракского города Басра в Персидском заливе.

Я заглянул в одну из ниш, у которой был отвален прикрывающий ее камень. Узкий, длинный каменный пенал. Можно было предположить, что жители Пальмиры не обладали крупным телосложением. Оказалось, что это не совсем так. Место в башне стоило больших денег. В одну нишу втискивали не одного покойника, а нескольких, — очевидно, членов одной семьи или рода. Для более полного использования объема могилы трупы подвергались специальной обработке и высушиванию.

Странное впечатление производят эти башни, особенно внутри. Уходящие вверх стены с бесчисленными безмолвными каменными барельефными портретами, глядящими в лицо друг другу. Видимо, у пальмирских граждан существовал культ мертвых или просто повышенная тяга к увековечиванию своей личности. Помимо погребальных башен здесь есть еще и погребальные сооружения под землей. Насколько я знаю, конфигурация таких подземных кладбищ стандартна и имеет форму опрокинутой буквы Т. Теперь уже трудно сказать, насколько глубоко они были расположены. Много нанесло и много унесло песка за эти века.

Нам показали одно из таких сооружений, известное под названием «Могила трех братьев». Вдоль стен подземелья тянутся шесть рядов углублений, в которые помещали умерших. В правом, боковом помещении можно видеть три каменных саркофага, украшенных высеченными рисунками: женская фигура, меч, птицы, змея, скорпион... Из объяснений экскурсовода следовало, что во втором веке три (врата — Намаин, Мала и Саэди оборудовали это погребенье, рассчитанное на 390 мест. Братья, а затем их наследники продавали ниши всем желающим. Строительство таких сооружений в Пальмире было делом обычным. Известны случаи перепродажи мест и даже спекуляции ими.

Гид предложил нам осмотреть еще одно захоронение, обнаруженное сравнительно недавно при прокладке нефтепровода. Мы снова влезаем в раскаленные, как духовки, автомашины и едем несколько километров прямо по пустыне. Жара. Пыль. Тряска. Однако то, что мы увидели, стоило и не такой дороги. Узкая каменная лестница вела на дно такой же узкой траншеи глубиной около шести метров. Спуск загораживала толстая труба нефтепровода, под которую приходилось подлезать. Лестница оканчивалась

массивными каменными дверями, навешенными на столь же массивную дверную раму. И двери и рамы были отделаны прекрасной резьбой и украшениями. Наш проводник достал из кармана большой ключ, вставил его в скважину. Послышался лязг железа. Мы слегка навалились на дверные половинки, они легко и плавно разошлись. Высота их превышала два метра, ширина была около полутора, толщина— с хорошую мужскую ладонь. Я ошибся, двери были не навешены, а вставлены каменными шипами в соответствующие выемки в верхней и нижней перекладине рамы.

Впрочем, все эти измерения и сравнения я делал потом, в тот момент я только охнул и застыл в изумлении у каменных дверей. Солнечные лучи не могли попасть в подземелье, но они создавали в нем голубую полумглу, и которой мерцали белые, изумительно выразительные барельефные бюсты, казалось, вчера лишь изваянные. Целехонькие все, как один. И все разные, как были разными люди, захороненные здесь две тысячи лет назад. Эффект был потрясающим. Это погребение имело обычную Т-образную конфигурацию. С глухой стены в конце первого коридора на нас смотрела типичная для Пальмиры каменная барельефная группа: возлежащая с чашей в руке фигура, очевидно, главы семьи или рода, а за ней сидящие плечо к плечу фигуры остальных членов семьи.

Странные цилиндрические головные уборы, как клобуки священников православной церкви, мягкие, широкие, в складках одеяния, не похожие ни на греческие, ни на римские. Застывшие позы, внимательные, кажется именно на тебя уставленные глаза. Это не было музеем. В музее старина воспринимается совершенно иначе. Резко ощущается дистанция времени. Здесь все было по-иному. Здесь, в царстве мертвецов, как это ни парадоксально, я будто ощутил на своей щеке дыхание совершенно другой

цивилизации. Очевидно, это и есть чувство первооткрывателей.

Мы вышли на солнечный свет и постепенно обрели дар речи. Наш экскурсовод, безусловно, довольный произведенным эффектом, развел руками и показал на часы. Да, на сегодня было более чем достаточно.

От посещения арабской крепости Калаат ибн Маан, расположенной на одном из самых высоких и труднодоступных из окружающих Пальмиру холмов, мы отказались, устрасясь грозного плаката: «Во имя заботы о Вашей жизни подниматься к крепости запрещается». Но впоследствии я буду жалеть, что не посмел послушаться. Можно представить, какая чудесная панорама открывается с этого холма!

Единственно, на что мы еще оказались способными, это искупаться в реке Эфке, снабжавшей Пальмиру водой и бывшей когда-то предметом поклонения. Эфка — это подземная река, выходящая в одном месте на протяжении примерно сотни метров, на поверхность. Пещера, из которой она вытекает, весьма обширна. В самой пещере река достаточно глубока. Так что можно плавать. Пещера уходит далеко под гору. Но углубляться в нее у нас уже не оставалось времени. Прохладная вода Эфки имеет легкий, но устойчивый запах сернистого водорода.

Мы возвращались уже знакомой дорогой. Только солнце теперь светило нам прямо в лицо. И это давало повод лишний раз оглянуться назад. А вдруг где-то вдали, у горизонта, совьются в миражные нити уже навеки врезавшиеся в память колоннада, храм Бэл, башни долины мертвых... Пальмира.

Дорога в тысячи лет

По делам службы мне не раз приходилось ездить по старой, существующей не одно тысячелетие дороге, ведущей через Халеб, Хаму, Хомс, Дамаск... Халеб — крупнейший промышленный, административный и культурный центр Сирии, уступающий Дамаску лишь в одном — славе. В отношении Халеба не стоит вопрос о сохранении лица города. У него сегодня четко выраженные европейские черты: прямоугольная планировка улиц, многоэтажные, современной архитектуры, тесно прижатые друг к другу дома, организованный транспорт.

В Халебе, по крайней мере в его центральной части, не встретишь уличных торговцев, громко погоняющих своих четвероногих помощников и еще громче рекламирующих свой товар. Густой поток автомобилей не оставляет для них места. Деловая трусца пешеходов,

их сосредоточенные лица не располагают к дружеским, фамильярным отношениям продавца — покупателя восточного базара:

— Эй, хозяин! Почему этот сушеный салат?

— По совести, сестрица, по совести! Бери скорее, пока еще роса на нем не высохла. Пять минут как с грядки...

В магазинах не принято торговаться. Да и некогда. Надо делать дела. Халеб город деловой. Разумеется, это далеко не «каменный спрут». Не те масштабы. Да и идея не та. Просто за последние десятилетия развитие этого города было необычайно бурным. Город в строительных лесах. Созданы и создаются целые районы. Но если в Дамаске строят в основном жилые дома, то в Халебе прежде всего бросаются в глаза административные, производственные, учебные корпуса. Стройка идет по плану. Это, возможно, и определяет внешний вид города. Новый Халеб не имеет окраин. Он встречает вас густым, искусственно насаженным парком и таким же парком провожает. Многие внутренние районы города еще не застроены. Тем лучше просматриваются новые здания — многоэтажные, застекленные. Высоко в небо уходят радио- и телевышки.

По объему производства Халеб опережает все другие города Сирии, включая Дамаск. Железная дорога связывает его с Турцией, а через нее с Европой. Халеб — центр торговли зерном, шерстью, скотом, молочными продуктами. Он издавна знаменит производством шелков, ковров. Сегодня к этому следует добавить производство хлопчатобумажных тканей, растительных масел, меховых и кожаных изделий, красителей.

Здесь основное производство всех товаров широкого потребления и продовольственных. Гордость города — первоклассный пивоваренный завод, выпускающий ежегодно свыше пяти миллионов бутылок отличного пива.

На вопрос: «Где бы ты хотел жить в Сирии?», который и задавал многим своим сослуживцам, подавляющее большинство решительно высказалось в пользу Халеба. Я, не менее решительно, называю Дамаск.

Мало что сохранилось в нынешнем бурно развивающемся промышленном и торговом Халебе от его прошлого. А история города необычна. На земле осталось немного городов с подобной судьбой.

Из хеттских документов, относящихся к XX веку до поной эры, следует, что уже в те туманные времена здесь находилась столица процветающего государства Яахмхад, возможно состоявшего в вассальной зависимости от хеттов. Позже город был присоединен фараоном Тутмосом I к египетским владениям. Однако через столетие он вновь возвращается к хеттам. К XIII веку до новой эры их империя распадается, и судьба города в это время неизвестна. Известно лишь, что край этот находился под господством Ассирии, затем Нового Вавилона, Персии. Последующие со времени похода Александра Македонского 270 лет Халеб входит в состав эллинистического государства Селевкидов. В 63 году до новой эры здесь появляются римские легионы.

Арабы овладели городом в 637 году. К этому времени не раз разрушаемый, восстанавливаемый и вновь разрушаемый, он утратил свое былое значение и, по свидетельству летописцев, влачил довольно жалкое провинциальное существование. Однако в конце X века новой эры, с распадом Багдадского халифата, он превращается в столицу эмирата Хамданидов. Наибольшего расцвета в тот период Халеб достигает при основателе этой династии эмире Сапф эд-Даула (944–967 годы). Хамданидов сменили византийцы, крестоносцы и, наконец, наследники Салах ад-дина.

В январе 1260 года город был взят и разграблен отрядами монголов, руководимых племянником Чингис-

хана ханом Хулагу, действовавшим в союзе с франкийским принцем Антиохийским.

В дальнейшем Халеб попадает под власть мамлюков и постепенно обретает важное значение пограничного города. С 1516 по 1918 годы он находится в составе Османской империи.

Сейчас в современном Халебе о его прошлом напоминают лишь белокаменные сводчатые галереи базара, несколько кварталов старинных типично восточных домов, медресе, основанная в 1235 году, и, самое главное, цитадель. Крепость занимает вершину крутого холма, расположенного в центре города и господствующего над ним. Стены, башни, казематы, коридоры и прочие атрибуты крепости восстановлены в эпоху мамлюков, о чем свидетельствует без ложной скромности сам восстановитель — султан Халиль в надписи на фасаде, выбитой по его приказу: «... Повелитель королей и султанов, восстанавливающий справедливость в мире, Александр своей эпохи, завоеватель городов, тот, кто обратил в бегство франков, армян и монголов, восстановитель благородной династии Аббасидов».

Раскопки обнаружили здесь остатки хеттского акрополя, на месте которого в эллинистическую эпоху был воздвигнут храм богу Хададу.

Трудно говорить о перипетиях времен царствования хеттов, ассирийцев, персов. Достаточно сказать, что крепость была до основания разрушена монголами, а после восстановления вновь уничтожена уже Тамерланом... Ярости завоевателей не уступала ярость стихии. Особенно сильным было землетрясение 1822 года. Но даже то, что осталось от крепости, впечатляет и продолжает поражать воображение.

Крутые скаты холма, на котором находится цитадель, выложены каменными плитами. Выдвинутая за ров башня защищает единственный мост, ведущий к

крепостным воротам. Они расположены сбоку большой ниши, что лишает штурмующих возможности тарана. За дверь начинается каменный коридор с пятью изгибами и тремя ворогами. По сторонам сводчатого прохода располагались помещения для гарнизона. Далее — подземный зал. Водоем. Тюрьма со специальным отделением — «каменным мешком». Во дворе крепости — мечеть, основанная в 1167 году миром Нур эд-Дином, и другая «большая» мечеть, построенная в 1214 году. Здесь же руины древнего хеттского храма и других строений. Минарет «большой» мечети, высотой в двадцать один метр дает возможность обозреть не только город, но и далекие окрестности. Интересен колодец, вырытый в XIII веке. Его глубина — шестьдесят метров. Специально выбитая каменная лестница позволяет спуститься до самого дна.

Многое об истории города можно узнать в Археологическом музее — филиале Национального музея Сирии, расположенного в Дамаске. Он размещен в новом, современном, специально для этой цели построенном здании. Многое в узнал о прошлом Халеба, рассматривая многочисленные старинные статуи, барельефы, плиты, изображения богов, царей, чудовищ и просто людей. Но особенное впечатление на меня произвели датированные концом второго тысячелетия до нашей эры статуя царя государства Мари — Шакканака и статуя женщины с вазой в руках, якобы богини плодородия, а также отлитая из бронзы скульптура льва.!) гот лев долго не выходил у меня из головы. Судя по сохранившейся части, вся скульптура была длиной около полутора метров. Сохранились голова, грива, передние лапы. Лев припал к земле. Его огромные, необыкновенно умные и добрые глаза внимательно смотрят на вас...

Из Халеба на юг к Дамаску ведет широкая автомагистраль, кстати говоря, весьма оживленная. Она

проходит вдоль так называемого Зеленого полумесяца, района, тяготеющего к реке Эль-Аси, району с относительно влажным климатом и поэтому развитым зерновым сельским хозяйством. По этой зеленой зоне можно с севера на юг пересечь всю страну, даже не предполагая, что в десятке километров за зеленым горизонтом лежит выжженная, мертвая земля. Сеют здесь в конце года. Начало посевной зависит от начала периода дождей. Сеют пшеницу и ячмень. Причем делается это самым примитивным способом: по взрыхленной мотыгой земле шагает сеятель и разбрасывает из лукошка зерна... Солнце, земля и влага сделают свое дело. В урочное время из-под коричневой корки брызнет яркая зелень побегов.

Бесконечная, слегка всхолмленная равнина. Довольно редкие деревни. Интересно: деревенские строения в разных районах Сирии совершенно различны. В долине Евфрата, например, это однообразные подслеповатые мазанки из необожженной глины. Деревни приморского района, наоборот, не похожи одна на другую. Здесь разная архитектура домов. Сами строения из камня. Добротные, прочные. Дома же деревень, расположенных вдоль дороги Халеб — Дамаск тщательно побелены и отличаются от всех ранее виденных своеобразием форм. Основная их идея: куб, на котором водружен большой купол. Строения жмутся друг к другу, отгораживаются от мира стенами, прорастают башнями минаретов и образуют в конце концов тот самый стиль архитектуры, который обыкновенно называется восточным.

Дорога приводит нас в Хаму, один из крупнейших и древнейших городов Сирии; крупнейших, потому что в Хаме проживает сегодня более сотни тысяч человек; древнейших, потому что район, где расположен город, был обитаем уже во времена неолита.

Когда говорят о Хаме, обычно вспоминают ее знаменитые водозаборные колеса, так называемые нории или науры^[3], расположенные по берегам протекающего через город Эль-Аси. Каждое из этих огромных деревянных, сделанных неизвестно когда и кем без единого гвоздя сооружений, диаметр которых достигает двадцати двух метров, способно оросить до семидесяти гектаров почвы. Почему именно здесь, в районе Хамы, получили они свое распространение? Когда появились они?

Идея нории предельно проста. Сила течения реки толкает лопасти колеса, заставляя его вращаться. Специальные отсеки зачерпывают воду, поднимают ее на высоту диаметра колеса и выливают в лотки или желоба, по которым вода уже своим ходом спешит в поля. Производительностью норий, их величественным видом, как бы символизирующим вечное движение, поразились еще римские легионеры.

Нории всегда окружены облаком водяной пыли и брызг. В летние же месяцы к звону капель и скрипу осей добавляются детские голоса. Смелчаки цепляются за лопасти колеса, и оно медленно, но неумолимо возносит их все выше и выше, насколько хватает смелости. И когда от усталости или страха пальцы разжимаются, маленький ныряльщик камнем летит в мутное лоно зеленоватого теплого Эль-Аси. Кстати, Эль-Аси в переводе означает «река мятежник». Это не очень лестное название река получила за направление течения. Почти на всем своем протяжении, по крайней мере по территории Сирии, Эль-Аси течет с юга на север, как бы убегая от святая святых всех мусульман города Мекки и Медины. Однако этому мятежнику или смутьяну уже на протяжении десятков веков кланяется золотом колосьев большая часть крестьянской Сирии.

Река, удачное месторасположение на невысоких холмах, обилие зелени, интересные архитектурные

памятники старины, в частности дворец турецкого наместника и мечети, — все это придает Хаме живописный, даже нарядный вид. Это впечатление усиливается многочисленными новостройками, удачно вписавшимися в облик города. И вместе с тем жители Хамы известны во всей Сирии своим консерватизмом, своей особой приверженностью традициям ислама. Это отражается даже на их внешнем облике. Здесь, в Хаме, реже, чем в других крупных городах страны, увидишь европейское платье. Зато чаще, чем где бы то ни было, встречаются чалмы и паранджи. Именно здесь оказалось большинство противников новой конституции и во время референдума, решавшего ее принятие, дело доходило до столкновений.

В Хаме расположено несколько небольших предприятий кожевенной и текстильной промышленности, немало мастерских кустарей и ремесленников и, разумеется, большой и оживленный базар, без которого не обходится ни один сирийский город.

И опять широкая, прямая дорога. На юг, на юг... Вдоль нее начиная от Хамы, тянется широкий бетонный желоб, но которому навстречу нам бежит стремительный поток воды. Арык этот протянулся сюда из Хомского озера. Его уровень выше нашей дороги, и если бы не брызги, поднятые забравшимися в воду ребятишками из соседних деревень, да не выстиранное белье, разложенное на траву для просушки женщинами, то можно было бы и не заметить артерии, несущей жизнь этой земле.

Сорок пять минут хорошей езды, и мы в Хомсе, центре одного из наиболее экономически развитых мухафаз страны.

Пожалуй, нигде еще в Сирии завтрашний день так решительно не оттесняет день вчерашний, как здесь, в Хомсе. Город встречает нас длинными складами,

расположенными вдоль железнодорожных путей. Районом мастерских, голиками грузовых машин, автобусов. Но гордостью города, и я бы даже сказал, его символом был первенец сирийской индустрии — нефтеперегонный завод, крупнейшее предприятие страны. Он был построен с помощью чехословацких специалистов в 1954 году, а затем реконструирован, поскольку развитие нефтедобывающей промышленности оказалось непредполагаемо быстрым. Однако вскоре выяснилось, что потребность в продукции завода намного опережает его производственные возможности. И вновь со всей остротой встал вопрос о новой реконструкции, а именно о доведении выработки нефтепродуктов до четырех с половиной миллионов тонн в год, что более чем в четыре раза превысило бы первоначальную мощность завода. Но случилось другое. Осенью 1973 года завод был превращен в руины израильской авиацией. Так же, как были разрушены гидростанция на Эль-Аси, неподалеку от Хомса, причалы латакийского порта и многие другие предприятия Сирийской Арабской Республики.

Хомс, пожалуй, единственный пока что сирийский город, и в котором число фабричных труб превышает число минаретов.

Как и у всех крупных городов Сирии, окраины Хомса более современны, чем центр. Дорога идет мимо большого спортивного зала, недавно выстроенных жилых домов, бензоколонок, парков. Шоссе, идущее на Дамаск, — это всего лишь отрезок, составная часть древней, как человеческая цивилизация, дороги, соединявшей когда-то Египет с севером, с царством скифов и, кто знает, какими еще землями и народами.

Когда говорят о городе Хама, вспоминают его знаменитые водозаборные колеса — нории, расположенные по берегам протекающего здесь Эль-Аси.

К югу от Хомса — просторы полей. Они захлестывают горизонт, встречаясь с взбаламученной равниной Хомского озера. Огромное, почему-то всегда серое, окаймленное зелеными берегами, оно создает особый, неповторимый пейзаж. Строго рассуждая, это никакое не озеро, а водохранилище на реке Эль-Аси. Это единственное, насколько я знаю, искусственное водохранилище, ведущее свое существование со времен фараонов. Оно поражает своими размерами — двести миллионов кубических метров! Древнегреческий историк Страбон, живший в первом веке до нашей эры, строителями плотины называет египтян, а время строительства относит к третьему тысячелетию. Разумеется, плотина неоднократно подвергалась реконструкциям.

Я как-то ездил на это озеро в составе экскурсии в один из летних дней. Запомнилась необозримая, серая, кипящая водяная равнина. Штормовой ветер срывал густую пену с наваливающихся волн и перекачивал ее через насыпь. Такого урагана я не видывал и на берегу моря. Мы пытались подняться на гребень плотины, но не могли удержаться там, лишь насквозь промокли и вынуждены были отступить в парк, разбитый у основания этого гидросооружения.

По мере удаления от Хомса на юг сворачивается простор пашен. Они все плотнее прижимаются к обочинам дороги, словно отступая под натиском невидимого врага, и скоро исчезают совсем. Здесь шоссе идет по гористой местности.

Темно-серая, лоснящаяся спина шоссе, а вокруг простирается бурая, в темных точках камней пустыня, вернее, полупустыня. Настоящая пустыня расположена на юго-востоке Сирии, на границе с Ираком и Иорданией.

Правда, на мой взгляд, разница между ними невелика. И там, и здесь большую часть года, кроме

пыли, ничего не увидишь. Лишь в конце года выпадают ливни. Прокаленная земля покрывается тусклой растительностью: полынью, астрагалами, эфемерами.

И над пустынями, и над полупустынями Сирии ежегодно проносятся ураганы — хамсины. Тысячами тонн мельчайших каменных частиц они, подобно острейшему напильнику, стачивают породы встречающихся на пути гор, в первую очередь наиболее мягкие их слои. Скалы принимают самые фантастические формы и очертания.

Из городов, лежащих на пути между Хомсом и Дамаском, наиболее значителен Эн-Нэбк. Он расположен на перевале и славится своими садами. Гербом этого городка должно бы быть ветровое колесо. Вышка с таким колесом — принадлежность чуть ли не каждого двора. Ветер крутит лопасти, дает энергию, качает из-под земли воду. И цветут сады, и шумят высокие пирамидальные тополя, и лепятся по пологим склонам лоскуты полей и виноградников.

От Эн-Нэбка до Дамаска восемьдесят километров. Дорога идет неуклонно вниз, выписывая плавные петли между невысокими хребтами Маалула и Шаркият-эн-Нэбк.

Примерно в сорока минутах езды от шоссе, в узкой долине, окруженной с трех сторон отвесными склонами гор, расположилось небольшое селение Маалула. Это одно из самых живописных и интересных мест Сирии. Когда-то все это ущелье, склоны окрестных гор и равнин были покрыты непроходимыми дубовыми лесами. Труднодоступная местность стала прибежищем первых христианских общин, преследуемых римлянами и иудеями. В склонах гор выдалбливались пещеры под жилье, сооружались молельни. С годами множились ряды христиан и редели леса. Многие из выдолбленных келий сохранились. Не пустуют они и по сей день. Разумеется, помимо пещер сейчас тут немало домов,

электричество, водопровод. Настоящий поселок. Поселок растет, но не вширь, а ввысь, так сказать, по вертикали.

Вспоминаю интереснейшую поездку в Маалулу и по ее окрестностям. Маалула охотно посещается не только туристами, но и верующими паломниками. Последних привлекает, конечно, не чудесный вид ущелья, а монастырь, носящий имя святой Феклы, одной из первых христианок. Ей пришлось спастись бегством от разъяренной толпы. Согласно преданию, затравленная преследователями девушка добежала до глухой скалы и, поскольку дальше пути не было, в отчаянии воззвала к богу. И свершилось чудо. Гора треснула, открыв юной христианке путь к спасению. Спустя какое-то время здесь вырос монастырь — теперь один из самых древних. Очевидно, он много раз перестраивался, реставрировался, расширялся и в настоящее время не поражает своей архитектурой. Говорят, что в одной из келий замурованы останки основательницы монастыря. Это обстоятельство и привлекает сюда верующих.

Проход в скале, «спасший» святую Феклу от толпы, очень интересен. Он действительно весьма напоминает трещину, узкую и изломанную. Его ширина в некоторых местах не более двух метров, а длина превышает километр. Помню, мы долго шли по его дну вдоль крошечного ручья, неуклонно поднимаясь вверх, пока не выбрались на широкое плоскогорье, залитое солнцем и заросшее травой и деревьями. Одна из тропинок привела нас на его край. Внизу под нами была Маалула. Здесь, на высоте 1622 метров, расположен другой монастырь — святого Сергея, относящийся к византийским временам. А внизу между скалами отчетливо различались развалины языческого храма, носящего странное название: «Ванна королевы».

Помимо красоты ландшафта и монастырей здесь еще одни достопримечательность. Жители Маалулы

разговаривают между собой на древнейшем, давно умершем арамейском языке. До арабского это был самый распространенный язык Ближнего Востока; на нем написаны многие книги Библии.

В пятнадцати километрах от Маалулы находится городок Сайдная, всемирно известный своим монастырем. Его основание связано со следующей легендой.

В 547 году войско византийского императора Юстиниана, преодолевая сирийскую пустыню, разбило лагерь у подножия невысокой горы. В числе воинов, отправившихся на поиски источника, находился и сам император. Вскоре отряд заметил красивую газель, которая как будто поджидала людей. В Юстиниане разыгралась страсть охотника; схватив лук, он начал подкрадываться к добыче, но, когда приблизился на расстояние выстрела, газель к его изумлению превратилась в красивую женщину, которая обратилась к нему со словами: «Ты меня не убьешь, Юстиниан, а построишь мне на месте этой скалы церковь и монастырь...» Император отдал распоряжение о строительстве. Однако постройка не удавалась. Архитекторы никак не могли прийти к единому решению. И дева якобы вторично явилась Юстиниану и подсказала план постройки.

Монастырь существует и по сей день. Его первой настоятельницей стала сестра Юстиниана. По числу паломников сайднайский монастырь уступает лишь Иерусалиму. Следует иметь в виду, что богоматерь — деву Марию, «Батул Марйам» чтут не только христиане, но и мусульмане, особенно мусульманки. В особой молельне хранится главное сокровище монастыря — икона богородицы, написанная якобы евангелистом Лукою.

С террасы монастыря открывается прекрасный вид на окрестную каменистую, слегка всхолмленную

пустыню.

Странное дело. Казалось бы, что привлекательного в этих бурых, однообразных, почти лишенных растительности холмах? Почему так притягивают они к себе глаза? Смотришь и смотришь. Словно ждешь, что вот-вот в золотой дали появится нечто необыкновенное.

Большое впечатление произвела на меня тогда же и поездка к верховьям реки Барады, расположенным в двух часах езды от Сайдна. На склонах цветущей долины реки расположены курортные города Блудан и Зебдани, необычайно красивые, чистенькие, со множеством гостиниц, пансионатов, ресторанов. Здесь излюбленное место летнего отдыха богачей из Ливана и Саудовской Аравии. Помимо живописной панорамы, горного прохладного воздуха и цветов, в Зебдани находится источник минеральной воды, говорят, весьма полезной. Зимой здесь иногда неделями лежит снег.

По библейской легенде, здесь же на склоне скалистого холма находится самая древняя на земле могила Авеля, второго сына Адама и Евы, убитого своим старшим братом. Сама могила представляет собой каменную плиту метров семь длиной и полтора высотой, неизвестно кем и когда сюда доставленную. К сожалению, над ней возведено новое цементное здание, никак не вписывающееся в окружающий библейский пейзаж.

Ну, а теперь вернемся на нашу дорогу, в тысячи лет.

Вскоре она вливается в широкую, сверхсовременную, если можно так сказать, автостраду, которая в будущем снижет Дамаск с Хомсом, Халебом, Латакией. У места соединения новой и старой дорог стоит полуразрушенное здание древнего караван-сарая. Когда-то в нем бурлила жизнь. Здесь останавливались на ночлег караваны и паломники перед последним переходом к Дамаску. Теперь здесь голые камни и пыль. Но дорога живет. Меняются караван-сарай, меняются

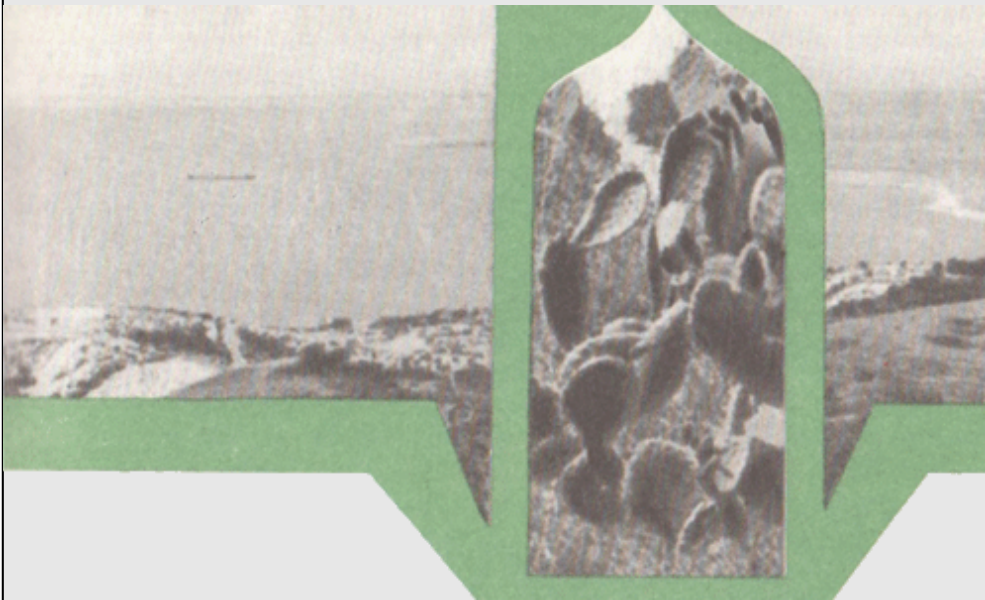
верстовые столбы, указатели, покрытие. Меняются средства передвижения, товары, меняются купцы. Но дорога живет. Дорога — древняя, как сама цивилизация. Так было. Так будет. Потому что люди не могут обойтись без дорог. Потому что дорога — это символ движения.

Промелькнул и остался далеко позади старый, полуразвалившийся караван-сарай. Перед нами гладкое широченное асфальтовое полотно. Как здесь не отдаться скорости? Воет мотор. Шелестит за боковым окном упругий ветер. Поворот. Еще поворот. И взорам распаивается огромная, окруженная вдали плавным полукольцом гор долина. Это Гута Дамасская.

Пологие голые склоны сменяются зеленью огородов, садов. Замелькали оливковые рощи. Появились строения, заборы, вывески.

Начинался Дамаск.

Вдоль побережья в Латакию

Время бежит быстро. Давно ли я делал первые неуверенные шаги по незнакомому шумному Дамаску? А сегодня нам пора расставаться. И мне становится грустно.

Я проезжаю по Дамаску, наверное, последний раз. Мой путь лежит в Латакию. Меня ожидает интересное, увлекательное морское путешествие до Одессы. Что же мне не радостно? Потому что я знаю: пройдет не так много дней, и новые впечатления оттеснят сегодняшние. И мне жаль.

Мимо меня проплывают знакомые улицы и дома. Едем по широкой, украшенной пальмами Абу Рамани. Перед нами нависшая желтая волна Касьюна, а на ее фоне стая белоснежных птиц. Только не чаек, а голубей.

Район новостроек Мы его в шутку прозвали «Черемушки». Хараста — недавно деревня, сейчас

пригород. Сады. Оливковые рощи. Последние деревья Гуты. Поля. Несколько шатров кочевников. Пустыня...

Я вспоминаю тенистые дворы, заросшие апельсиновыми деревьями и виноградом, фонтаны и бассейны с золотыми рыбками знаменитого дворца турецкого наместника Азема. А за стеклами автомашины убегают назад пологие Каламунские горы. Возможно, они не были бы такими безжизненными, если бы не лишились тех двухсот тысяч стволов, которые пошли на строительство этого дворца.

Проезжаем какое-то селенье. Рядом с дорогой виноградник. Лозы в нем не тянутся вверх, наоборот, они плотно прижались к земле, будто стараясь листьями защитить почву от испарения.

Мы миновали Хомс и движемся строго на запад. Слабо пересеченная, полого спускающаяся к Хомскому озеру равнина буквально завалена обломками камней. Кажется, будто совсем недавно здесь выпал фантастический каменный град. Сквозь груды камней пробивается зелень. Кое-где каменный покров уже ушел под землю. И лишь по прогалинам в зелени можно догадаться, что там каменные глыбы. Странный и не очень веселый ландшафт. Но все гуще зелень. И вот уже тонут в ней без остатка каменные свидетели какой-то геологической катастрофы. И совсем неожиданно возникают во весь горизонт горы. То, что принималось за серебряные облака, оказалось в действительности вечными снегами Ливанских гор. Они будут сопровождать нас до самого побережья. Шоссе начинает нырять и петлять. Слева возникает довольно глубокая, длинная долина, по которой змейкой извивается речка. Какое изобилие цветов! Появляются рощи эвкалиптов. Дома и другие строения встречных деревень сложены из камней. Здесь опять своя архитектура. Плоские крыши, мощные стены, бесконечные, сложенные из обломков камней заборы. Склоны гор обильно террасированы.

Дорога спешит под уклон. Наконец она приводит нас в зеленую, широкую, окруженную высокими хребтами долину. Но прежде чем пересечь ее, нам необходимо остановиться у небольшого здания, украшенного государственным флагом САР. К нам подходит человек в военной форме и проверяет документы. Здесь проходит граница. Через несколько метров начнется территория Ливана.

Ливан встречает нас нескончаемым строем лавок, обступивших с обеих сторон дорогу. Эти наспех сколоченные из досок и гофрированного железа сооружения набиты товарами, правда, весьма ограниченного ассортимента: печенье, дешевый ширпотреб, а в основном спиртное. Дело в том, что в Сирии эта продукция облагается дополнительным налогом. Владельцы лавок делают неплохой бизнес.

Через восемь километров мы снова возвращаемся в Сирию. Теперь слева от нас Ливанские горы, справа — хребет Джебель-Халиль. Здесь, на высоте 750 метров расположена старая франкская крепость Крак де Шевалье. В средние века здесь хозяйничали крестоносцы. Странно чувствовать на себе черные зрачки бойниц этого каменного паука. Она великолепно сохранилась, эта франкская твердыня в Сирии, и до настоящего времени потрясает воображение своим величием, неприступностью и особой романтической красотой.

Крепость скрывается за поворотом и снова меняется пейзаж. Все чаще встречаются деревья — эвкалипты, фруктовые. И наконец, заросли кактусов. Теперь наш путь строго на север. Серебряная, блестящая громада Ливанских гор остается сзади. Объезжаем небольшую рощицу и тут же попадаем в совершенно новый мир. Перед нами ширь моря. Теперь оно уже будет с нами до конца, до самой Латакии.

Относительно ровное, почти лишенное растительности обширное плато, приютившее большую часть Сирии, прежде чем оборваться в море, образует две мощные каменные волны, две складки, разделенные большой продольной впадиной. Именно вдоль нее на север и убегает мятежный Эль-Аси. Это — хребты Ансария и Эз-Завия. Первый тянется через всю Сирию параллельно морскому берегу. Его вершины достигают почти 1500 метров. Второй значительно ниже, короче, расплывчатее.

То приближаясь почти вплотную к морю, то удаляясь от него к подножию хребта Ансария, петляет дорога. Переливаясь под солнцем, как чешуя змеи, она бежит по цветущей, живописной долине, напоминающей, пожалуй, наш Южный Крым. Ширина долины то достигает десятка километров, то сужается до минимума — лишь бы пропустить дорогу. Это там, где к морю подползли длинные скалистые мысы — отроги хребта. Они перегородили долину на несколько равнин: Латакийскую, Джебла-Баниясскую, Тартус-Хамидийскую и Анкар.

Это Средиземноморье. Здесь вечная зелень, вечное цветение. Бежит дорога мимо прекрасных пляжей, мимо дюн, мимо зарослей колючих кактусов-соббари, мимо апельсиновых садов, табачных плантаций. Мимо хмурых башен, оставленных крестоносцами, мимо крепостных стен, мимо стен палаточных городков-кемпингов. Бежит на север, в Латакию. И нет во всей Сирии дороги красивее.

Когда едешь по сирийским пустыням, забываешь, что Сирия — морская держава. Образно говоря, пустыня загораживает море. А ведь протяженность морской границы страны около двухсот километров! Именно море связывает ее в первую очередь с внешним рынком. Тот факт, что Сирия со времен финикийцев не имела собственного флота, принадлежит истории. Это

прошлое. А страна смотрит в будущее, где все будет по-иному. Основные торговые порты — Латакия, Тартус, Банияс.

Порты Сирии уже не в состоянии справиться с потоком грузов. Вот почему сейчас с помощью советских специалистов составляется технико-экономическое обоснование их срочного расширения. К 1980 году грузооборот латакийского порта возрастет до трех миллионов тонн в год, а к 2000 году достигнет семи миллионов.

Первым на нашем пути встречается порт Тартус — так переделали арабы на свой лад греческое слово Антарадус. Город расположен на берегу и в плане имеет вытянутую, эллипсообразную форму. Границами ему служат черная лента дороги и белая лента прибоя. Как и полагается эллипсу, город имеет два центра. Один — это порт, другой район, примыкающий к шоссе; здесь несколько ресторанчиков, гостиниц, дюжина-другая лавок и кинотеатр. Набережная, наоборот, пустынна и как бы недостроена. Складывается впечатление, что здесь все осталось почти нетронутым с того самого времени, когда последние крестоносцы попрыгали в лодки и отвалили от стен крепости в море.

Этот сонный, провинциальный городок, известный разве что своим «Собором Тартусской Богоматери» — довольно хорошо сохранившейся церковью средневековой постройки, сегодня обретает новую молодость. Предстоящая реконструкция порта превратит его в крупнейший перевалочный пункт, жизненно важный для экономики новой Сирии. А пока что в Тартусе много зелени, чистая вода и роскошные пляжи.

Море здесь достаточно теплое, чтобы купаться круглый год. Однако пансионатов, санаториев, отелей, мотелей, кемпингов на сирийском побережье Средиземного моря очень мало, и курортные

возможности его здесь практически не используются. А жаль! Ласковый климат, горячий песок, нежное море делают эти ныне полупустынные берега идеальным местом для отдыха. Они имеют все достоинства лучших курортных уголков Европы, да еще то, чего нет нигде, — соседство памятников старины: Средневековья, Римской эпохи, Эллинизма и такой глубокой, какую можно лишь себе представить.

В трех километрах от берега располагается остров Арвад, который мы не преминули посетить. Арвад кажется большой, причудливой формы крепостной башней, высунувшейся из морских глубин. Островок этот, не достигающий в поперечнике и километра, сплошь застроен. Домов здесь оказалось так много, что на улицы и площади уже не хватило места.

Основное занятие жителей острова — рыболовство. Однако все большее их число оставляет это древнее занятие ради менее романтической, но более соответствующей духу времени работы наемными рабочими.

Несколько юных островитян в возрасте от пяти до семи лет радушно встречают нас на причале и наперебой предлагают свои услуги проводников. Минут через пять мы уже знакомимся с главной достопримечательностью Арвада — старой крепостью. С ее хорошо сохранившихся башен и стен виден не только весь остров, но и значительная часть сирийского побережья, напоминающего отсюда, с моря, Южный берег нашего Крыма.

Крепость на острове существует столько же времени, сколько сама цивилизация. Интересно, что египетским фараонам так и не удалось овладеть Арвадом. В эпоху крестовых походов остров становится вотчиной рыцарского ордена тамплиеров, которые удерживали его до 1302 года, то есть еще одиннадцать лет после падения Тартуса.

Упомянутый еще в Ветхом завете остров служил древним финикийцам опорным пунктом при освоении берегов этого района Средиземного моря. Возможно, отсюда отправлялись экспедиции, заложившие и поныне здравствующие города: Банияс, Амрит, Джебла. Банияс лежит на нашем пути. Этот утопающий в зелени городок более напоминает курорт, чем третий по величине порт страны. На рейде Банияса вечно маячат нефтеналивные суда. Это и понятно, ведь именно сюда выходят трубы иракского нефтепровода. Амрит же знаменит главным образом своим стадионом, точнее, руинами древнего финикийского стадиона, поразительно напоминающего своими формами и планировкой аналогичные сооружения Древней Греции. Разница лишь в том, что спортивная арена Амрита на десять веков старше любого стадиона Эллады.

Моторная лодка возвращает нас с острова на материк. Прощай, Тартус! Ленивой змеей уползает на север дорога. Слева лазурный вал Средиземного моря, справа крутой полузаросший кустарником и травой бок хребта Ансария. На его склонах щедро разбросаны где лучше, где хуже сохранившиеся остатки крепостных сооружений, башен, замков, сторожевых вышек. Развалины Калаат Ахмар, развалины Сафиты, развалины Хосы эс-Сулеймы. Развалины, руины, обломки...

В тридцати километрах к югу от Латакии, на самом берегу моря приютился небольшой городок Джебла. Однако хотя Джебла и расположен на самом берегу, но — интересное явление! — море остается у него как бы на задворках. Складывается впечатление, что сирийцы в массе своей равнодушны к водной стихии.

Джебла — это древний финикийский город Габела, разделивший судьбу всех приморских городов того времени, то есть господство ассирийцев, персов, селевкидов, римлян, византийцев и т. д. От римской эпохи в городе остался театр. Джебла очень интересен

как провинциальный сирийский городок. Однако живописнейшие развалины театра, вмещавшего восемь тысяч зрителей, свидетельствуют о лучших временах города.

Театр в Джебле вызвал у меня в памяти другой, еще более интересный театр, возможно вообще самый интересный и впечатляющий из всех сохранившихся на сегодня античных театров. Я имею в виду театр в Буере. Вспоминаю свою поездку в этот городок, находящийся близ границы в юго-западной части Сирии. По мере приближения к этому району все мрачнее и мрачнее становится ландшафт. Вероятно, горы образовались здесь недавно — в геологическом, разумеется, понимании. Во многих местах отчетливо видны лавовые поля. В сочетании с голыми, мертвыми нагромождениями каменных глыб они создают фантастическую картину первозданного хаоса. И тут же рядом в каком-нибудь затененном ущелье, где журчит ручей или притаилось озерцо, — пышное буйство субтропиков, яркость цветов, шелковый глянец посевов, сочность фруктов.

Как разнообразна природа Сирии! На сравнительно небольшой территории разместились и великолепные ландшафты Средиземноморья, и чахлые пустыни, и суровые горы, и щедрые долины.

Сегодняшняя Буера насчитывает около трех тысяч жителей (иная деревня — больше). Но я не могу вспомнить другого места в Сирии, которое было бы так плотно насыщено интереснейшими археологическими памятниками. Здесь и остатки укреплений, и триумфальная арка, и древний водопровод, и памятники христианской и языческой религий, и древнейшие мечети. Но главное здесь — театр.

Специалисты утверждают, что это самый большой из сохранившихся античных театров. Он вмещал свыше пятнадцати тысяч зрителей, то есть, иначе говоря, лишь

немного уступал большой арене наших Лужников. По единодушному мнению историков, театр в Буере — безусловный шедевр строительного искусства. Помимо архитектурных красот он имеет неподобную акустику.

Но вернемся в Джеблу. Ведь наш путь лежит в Латакию. Опять руины, руины, руины по склонам хребта Ансария. Крепость Аллаика, крепость Кадмус, Калаат эль-Кахф, Калаат Абу Кобенс, Калаат Маника... Невольно задумываешься, когда здесь люди успевали пахать, сеять, собирать урожай, заниматься ремеслами, создавать произведения искусства, культуру. Столько крепостей! И ведь каждую, прежде чем разрушить, надо было построить!

Не доезжая километров двадцать до Латакии, мы сворачиваем в горы. Как не похож этот северный уголок Сирии на все остальные районы страны!

Горы здесь не дряхлые, не обточенные ветром, как в пустыне, а кряжистые, скалистые, мускулистые. Станные, чересчур зеленые сосны уверенно утверждаются на каменных ребрах хребта Ансария, тянутся вверх, радуясь прозрачному воздуху и яркому солнцу. Иногда на повороте дороги глазу открывается узкое глубокое ущелье с серебристой змейкой-речкой на дне.

Здесь недалеко древний замок Сахьюн, а к северо-востоку погребенные города Северной Сирии. Все реже встречаются поселки, все гуще растительность. Иногда даже забываешь, что ты в Сирии. Настолько изменился пейзаж. Заросшие лесом горы, заросшие лесом долины. Минуем небольшой городок Хаффу и останавливаемся перед широким и очень глубоким ущельем. Далеко внизу, на дне, сквозь заросли местами проглядывают излучины горной речки, а за ней на вершине противоположащей горы — замок Сахьюн или крепость Салах ад-дина. Здесь был форпост финикийцев. Здесь стоял сильный гарнизон византийцев. Но основную свою

роль крепость сыграла в эпоху крестовых походов. Крепость расположена на отроге горы. С трех сторон ее стены нависают над крутыми горными склонами. С четвертой стороны крепость отрезана от горного массива искусственным ущельем, рвом в несколько десятков метров глубины и почти такой же ширины, выдолбленным в скальных породах. Круглые мощные башни, квадратные двухэтажные бастионы и, самое главное, отвесные стены ущелья, доступны разве что скалолазам. Я не могу себе представить, каким образом такая крепость может быть взята без применения артиллерии и авиации. Но диалектика жизни такова: невозможно построить крепость, которую нельзя было бы взять.

На северо-восток от крепости Салах-ад-дина край курганов. Это погребенные города северной Сирии. Первые христианские поселения, относящиеся к IV-VI векам. Набеги завоевателей и землетрясения стерли их с лица земли, превратили в холмы, так называемые «тели». Многие из них раскопаны, но гораздо большая часть ждет еще своих исследователей. Точно так же, как и долина Евфрата.

Но мой путь на этот раз оканчивается в Латакии. Это пока единственный в Сирии крупный приморский город, насчитывающий свыше ста тысяч жителей. Латакия, как и Халеб, носит европейский облик. А вот нравы его жителей остаются восточными. С наступлением темноты улицы почти вымирают. Горят огни витрин, открыты магазины, по это для иностранцев — моряков многочисленных торговых судов, пришвартованных к причалам порта. А сами латакийцы предпочитают вечерние часы проводить как и подобает мусульманам: мужчины в кофейнях, где теперь прочно обосновался телевизор, женщины — дома.

Зато в порту работа кипит и день и ночь. В латакийском порту я бывал не раз. Это хороший порт,

располагающий вместительными складами, современной техникой, прекрасным административным зданием. У порта один минус — недостаточная мощность. Рейд порта никогда не пустует. Суда почти всех флагов мира терпеливо ждут своей очереди у стенок причалов.

Мне нравится Латакия. Пусть здесь нет красивых зданий, благоустроенных гостиниц, пусть пыли здесь больше, чем зелени, а цены выше, чем в других городах. Зато здесь море. Если забраться на небольшую гору, что возвышается над городом, то взору с трех сторон откроется необъятный синий простор. Латакия расположена на мысу. Ее улицы разбегаются от центра радиусами и почти все упираются в море. В Латакии много ветхих зданий. Город ждет строителей. И они придут сюда, как только получат возможность снять военную форму.

Латакия — старый, очень старый город. Забрёдя однажды в район, наиболее удаленный от моря, мы наткнулись на древнюю, почти засыпанную колоннаду. А в нескольких десятках метров от нее в центре зеленого бульвара возвышались римские триумфальные ворота. Стайка детей, спокойно игравшая до этого на дорожках бульвара, моментально учуяла иностранцев и через несколько минут уже окружила нас. Я вступил с ними в беседу относительно истории этих древностей. Ребята защебетали, как воробьи, и что-то принялись мне объяснять. А я с умным видом повторял «Айва, айва»^[4]. Это продолжалось довольно долго; пока к нам не подошел молодой человек, стоявший поодаль, и на приличном русском языке не спросил, что меня интересует. Из нашего дальнейшего разговора выяснилось, что перед нами так называемая «колоннада Вакха». Была якобы найдена надпись, свидетельствующая о том, что здесь когда-то находился храм греческого бога Адониса. А триумфальные ворота,

оказывается, были построены римлянами во втором веке.

Мы выяснили, что наш собеседник учился в СССР в сельскохозяйственном техникуме. Когда мы уже прощались, он посоветовал нам съездить в небольшой городок Угарит, что всего в двенадцати километрах к северу от Латакии.

О существовании Угарита упоминается уже в текстах, найденных в Мари. Но основан он гораздо раньше. Раскопки показали, что город здесь существовал уже в пятом, а то и в седьмом тысячелетии до новой эры. Населявшие его жители еще не были знакомы с металлом. Историки установили влияние на местную цивилизацию культуры Месопотамии, очевидно, принесенной сюда войсками ассирийского завоевателя Саргона (2400–2344 годы до новой эры). Где-то между XXII и XXIII веками город подвергается разрушению. Примерно к этому же времени относится появление здесь финикийцев — торговых посредников между Нилом и Месопотамией.

Сильное землетрясение, сопровождаемое огромными приливными волнами, уничтожает город. В послании правителя города Тира фараону Амиофису IV говорится: «Угарит, город короля, уничтожен огнем, половина города сгорела, другая половина исчезла». Но это не было концом. Город отстраивается и продолжает еще некоторое время играть значительную роль в истории древнего мира.

Причины угасания угаритской цивилизации ученым не совсем ясны. Примерно к XII веку до новой эры государство это сходит с исторической сцены. Позднейшие поселения в этом районе не имеют ни малейшего отношения к Угариту, этой одной из самых блистательных цивилизаций древности.

Ныне это местечко называется Рас-Шамра.

Рас-Шамра, а точнее, развалины Угарита, оставили у меня самое яркое впечатление. Море давно отступило от холма, где когда-то теснились храмы, дворцы, склады, мастерские, жилые и административные здания, короче, все то, что составляет понятие город. Но руины города сохранились хорошо.

Наше такси остановилось у мощного редута, сложенного из больших каменных глыб. В середине кладки виднелись сводчатые ворота. За ними начинался круто уходящий вверх коридор. Пройдя его, мы оказались на обширном плато. Кругом нас явственно различались остатки древнего города. Перед нами был двор, вымощенный каменными плитами. Виднелись основания колонн, стен... На скамейке под развесистым деревом спал богатырским сном человек, как вскоре выяснилось, — хранитель Угарита. При нашем приближении он ожил, взыскал с нас две лиры и вновь погрузился в сон, предоставив нас самим себе.

Мы поднялись на высшую точку плато и огляделись. Прослеживались улицы, переулки, перекрестки, площади. У иных зданий почти полностью сохранились стены. Каменные ступени вели в глубокие кладовки, прикрытые толстыми плитами. Мы бродили по вымощенным улицам. Заходили в помещения, заглядывали в погреба. Вокруг нас был город. Пусть вымерший, разрушенный, покинутый, но город! В его западной части четко различались остатки укрепленного входа. Когда-то его украшали две колонны, от которых теперь остались лишь основания. В этой части города, как я узнал впоследствии, находился дворец правителя. Именно в его развалинах и были обнаружены дощечки с вавилонскими и угаритскими текстами. Здесь же была найдена и табличка с древним алфавитом. Эта табличка, кстати говоря, находящаяся ныне в дамасском музее, была скорее всего учебным пособием в школе писарей. При последних раскопках

здесь обнаружена масса глиняных дощечек с упражнениями писцов. Рядом со школой писцов находилась библиотека.

К сожалению, у нас не было тогда с собой путеводителя, и мы не могли отыскать в скоплении руин ни дворца, ни библиотеки, ни храмов. Единственно, что нам удалось обнаружить, это огромную груду черепков битой посуды да каменный чан, в котором я помещался почти с головой.

Помню, мы сидели на каких-то мощных каменных плитах над крутым склоном холма, дышали настоем подсыхающих трав и смотрели на далекую полосу прекрасного Средиземного моря, такого густого синего цвета, какой может быть только у моря.

А потом мы шагали по обочине пустого шоссе мимо садов и огородов под удивленными взглядами работающих крестьян. Вскоре нас подобрал автобус, и через десять минут мы были в Латакии.

* * *

Бесконечны дороги Сирии, и нет здесь, наверное, такой пяди земли, которая не имела бы что рассказать. И земля рассказывает. Но только мы не всегда можем ее понять. Потому что понять прошлое примерно то же, что угадать будущее.

Я взялся писать о Сирийской Арабской Республике, а не расстаюсь с Сирией. Это понятия взаимосвязанные, часто совпадающие, но отнюдь не тождественные. Одно безначально, другое — бесконечно.

Воспоминание цепляется за воспоминание, рассказ за рассказ. Но где-то надо остановиться.

Здравствуй, Сирия!

Порт перерос в город. Город слился с берегом. Берег скрылся из глаз. Но не из памяти. Но не из сердца!

Перед моим внутренним взором то и дело вспыхивали десятки, сотни различных сцен, эпизодов, картин. Расстояние было бессильно оборвать мою связь с жизнью страны, оставшейся за кормой теплохода. Думалось, что бессильно и время.

Но проходили недели, месяцы. И все реже стали мне вспоминаться лица людей, с которыми недавно сталкивала меня судьба. Они уже не подходили близко, как прежде, а лишь дружелюбно кивали мне издали и быстро исчезали, как будто торопились к своим делам и проблемам, от которых я уже был далек... И мне иногда становилось не по себе от того, что когда-нибудь они перестанут являться вообще.

Потом начались события 1973 года. Замелькали названия знакомых мест. Я жадно всматривался в скупые кадры телехроники, в фотоснимки газет и журналов. Я встречался с приезжающими из Сирии товарищами и слушал их рассказы. Я узнал о незнакомом мне Дамаске — фронтовом городе, освещенном факелами сбитых вражеских самолетов, опоясанном укреплениями. О сирийцах, выстоявших с помощью советских друзей в борьбе с противником, о мужественных и отважных людях, погибших, но не покинувших своих постов.

Мне рассказали, как от израильских бомб горели нефтехранилища, как погружались в волны взорванные суда, доставившие оборудование для Евфратской ГЭС, как рушились корпуса Хомского нефтеперегонного завода — гордости промышленной Сирии. Мне рассказывали о тысячах и тысячах мирных жителей —

ремесленниках, студентах, торговцах, крестьянах, записавшихся добровольцами в отряды гражданской обороны.

Этой Сирии я не видел, но этой Сирией я гордился.

Мне вспомнились кем-то сказанные слова о том, что только совокупность впечатлений, складывающихся в процессе наблюдений при различном освещении и под разным углом зрения, способна воссоздать полноту явления... Мне непреодолимо захотелось рассказать о том, что запечатлелось у меня в памяти о Сирии и сирийцах, мысленно еще раз увидеть своих старых друзей. Я достал тетрадь и вывел на обложке: «Юная Сирия». Подумал. Перечеркнул. И написал: «Страна, древняя, как история».

Она звала меня, эта страна Сирия расположена, разумеется, не на Сириусе. Но все равно далеко. Поезда туда ходят редко. Как правило, раз в жизни. Мой поезд уже там был. С Сирией меня теперь связывали лишь воспоминания. Заполненная ими тетрадь превратилась в рукопись. И когда я закончил ее и перечитал, то еще раз перечеркнул заглавие и вывел окончательное:

«На перекрестке цивилизаций».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дамаск

Одна из улиц Дамаска. Вдали мечеть Такия Сулеймания

Центр Дамаска

***Улица выливалась в площадь, заставленную
фруктовыми палатками и лотками***

Кирини Дамаска. 1 — Парламент, 2 — Национальный музей, 3 — Университет, 4 — Акведук римского времени, 5 — Гостиница Орьян-Палас, 6 — Главный рынок, 7 — Дворец правосудия, 8 — Мечеть Дервишия, 9 — Цитадель, 10 — Рынок Сук-аль-Хамиди, 11 — Медресе Адилия, 12 — Национальная библиотека,

13 — Мавзолей Салах-ад-дина, 14 — Мечеть Омейядов, 15 — Святилище Юпитера Дамасского, 16 — Госпиталь Нур-ад-дина, 17 — Медресе ан-Нурия, 18 — Дворец Азема. Ворота: 19 — Баб-аль-Фараг, 20 — Баб-аль-Фарадис, 21 — Баб-ат-Тума, 22 — Баб-аш-Шарки, 23 — Баб-аль-Кисан, 24 — Остатки древних стен

Часть интерьера

Меня окружали старые двухэтажные дома. Их вторые этажи нависали над улицей

Посреди небольшой площади возвышалась хорошо сохранившаяся римская арка

***Самая знаменитая на всем Арабском Востоке
мечеть Омейядов***

***В любом районе Дамаска можно встретить
разносчика чая***

Так в Дамаске развозят фрукты

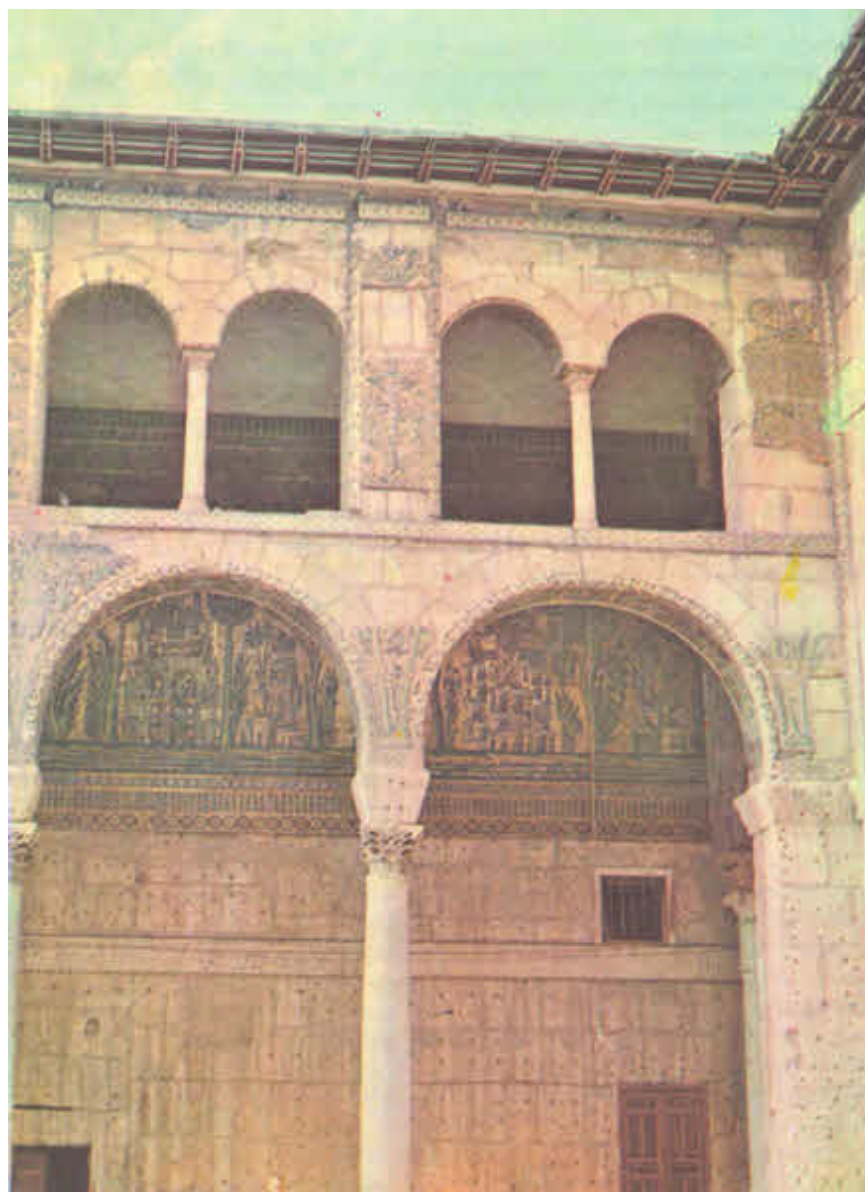

Недавно сюда, к подножью горы Касьюн подкатывались зеленые языки Гуты. Теперь здесь строится новый район

Среди международных ярмарок Дамасская - одна из крупнейших

Внутренний двор мечети Омейядов

Мозаика в мечети Омейядов

Самая характерная черта здешней детворы — доброта

Сирийцы — последнее звено в очень длинной цепи народов, населявших этот край

***Бедуины кочуют со своими стадами по пустынным
районам Сирии***

Неотъемлемая часть костюма сирийцев белые или клетчатые платки, иногда укрепляемые на голове черным обручем — агалем

***Вокруг расстиралась плоская равнина, кое-где
вспученная пологими возвышенностями***

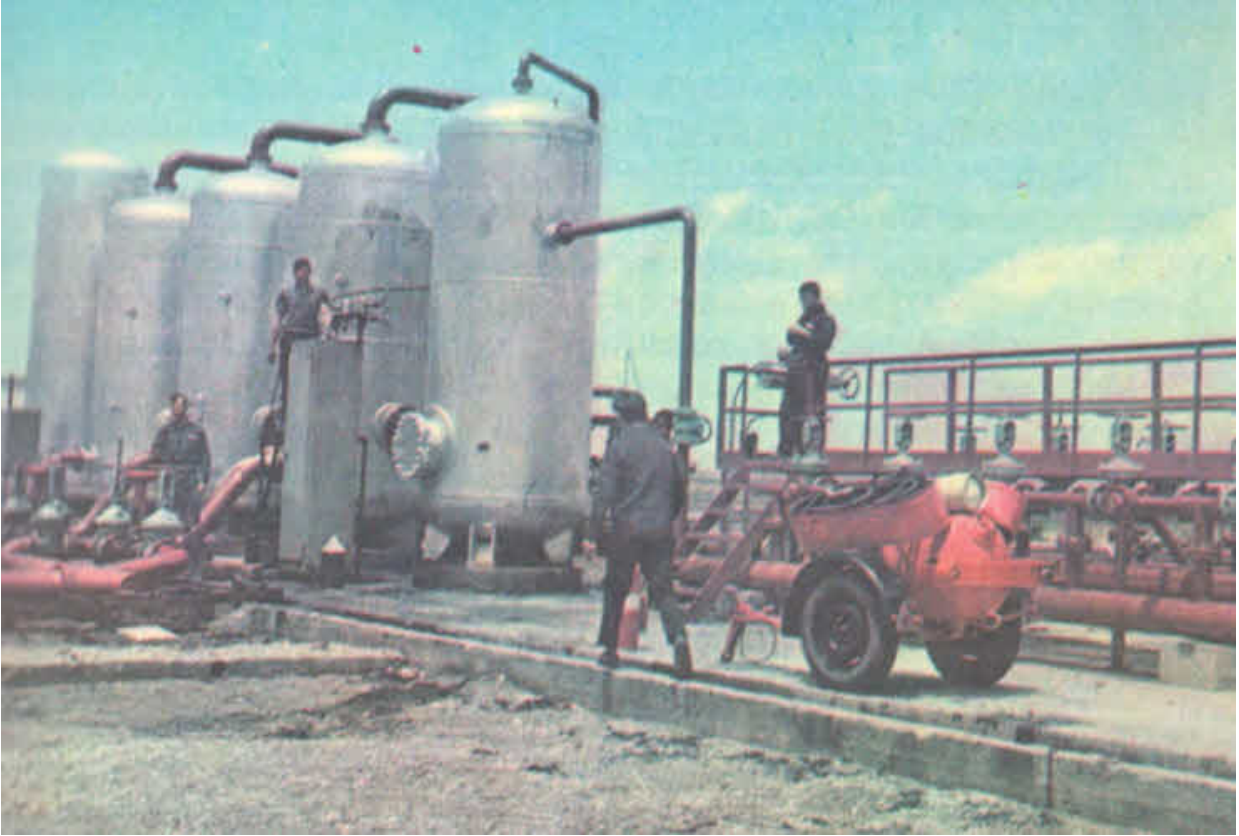

Типичный пейзаж внутренней части Сирии

На северо-востоке Сирии открыты месторождения нефти

Нефтяные установки в районе Румайлана

***Момент строительства железной дороги Латакия —
Камышлы.***

Участок дороги в районе хребта Ансария

***Советский путеукладчик на прокладке железной
дороги Аккари — Тартус***

Не особенно широкий поток петлял среди пологих берегов

***Долина Евфрата, тщательно распаханная под
посевы***

***Арабские и советские гидрологи на стройке
Евфратской гидростанции***

***Подвозится советское оборудование для
строительства Евфратского гидроузла***

***Мы находились у подножия гигантских, уходящих
ввысь бетонных колонн, точнее ребер плотины...***

На строительстве величайшего из всех когда-либо существовавших в Сирии строительных объектов

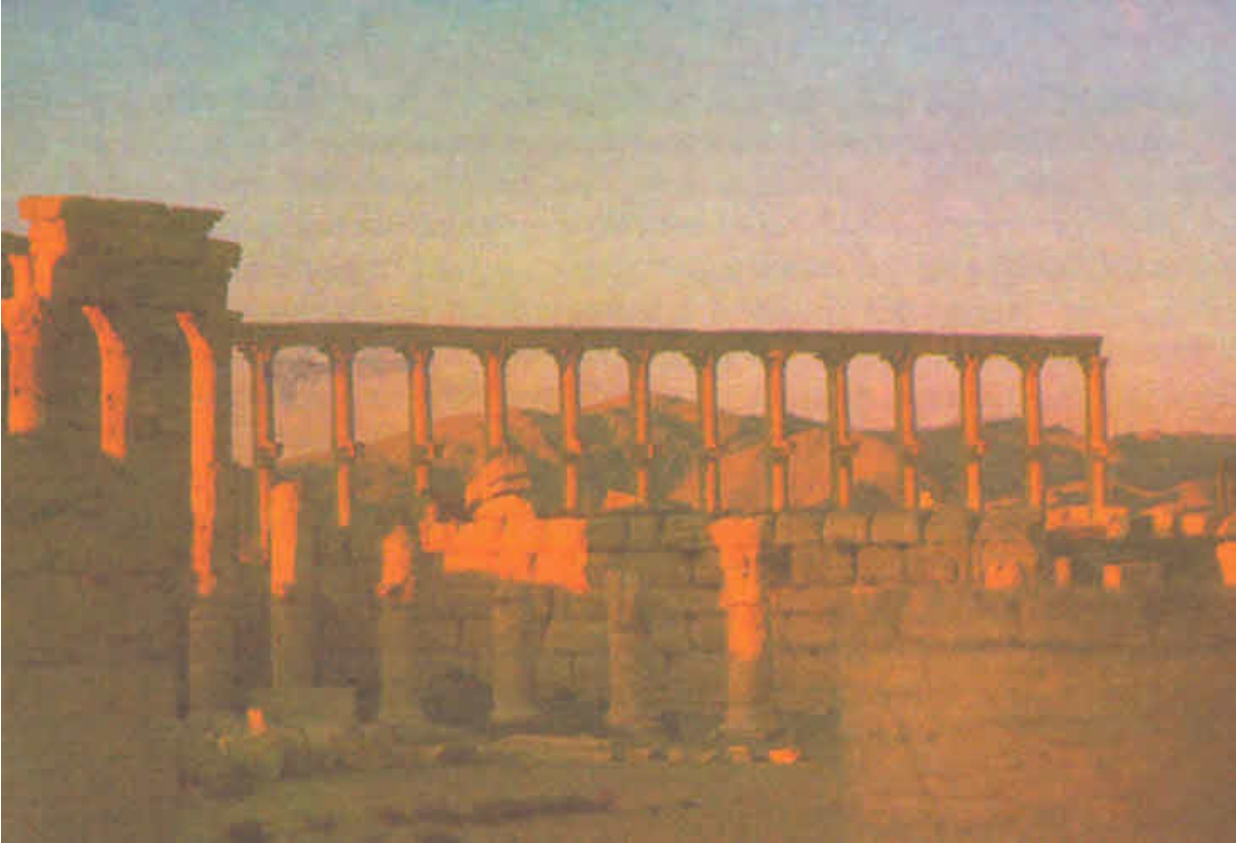

Табка — это, наверное, единственный сирийский город, в котором нет старых домов

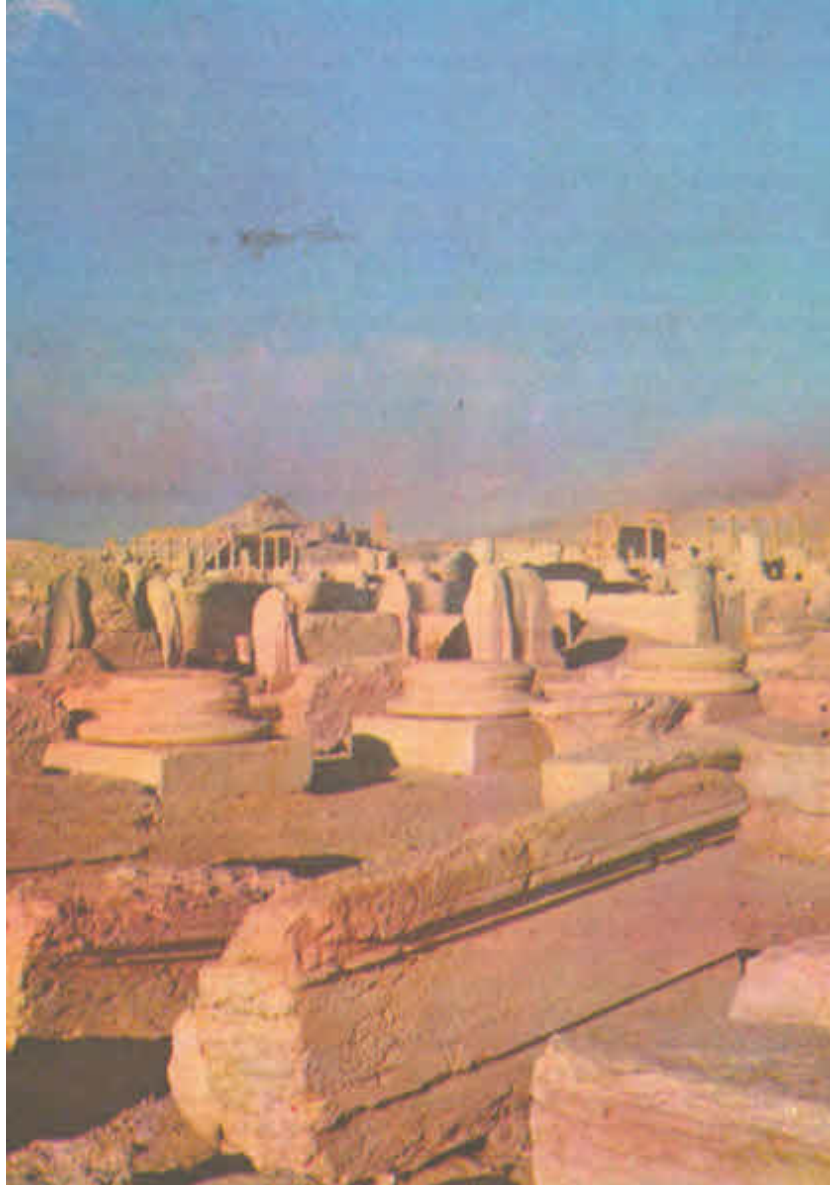
Триумфальная арка с аллеей колонн

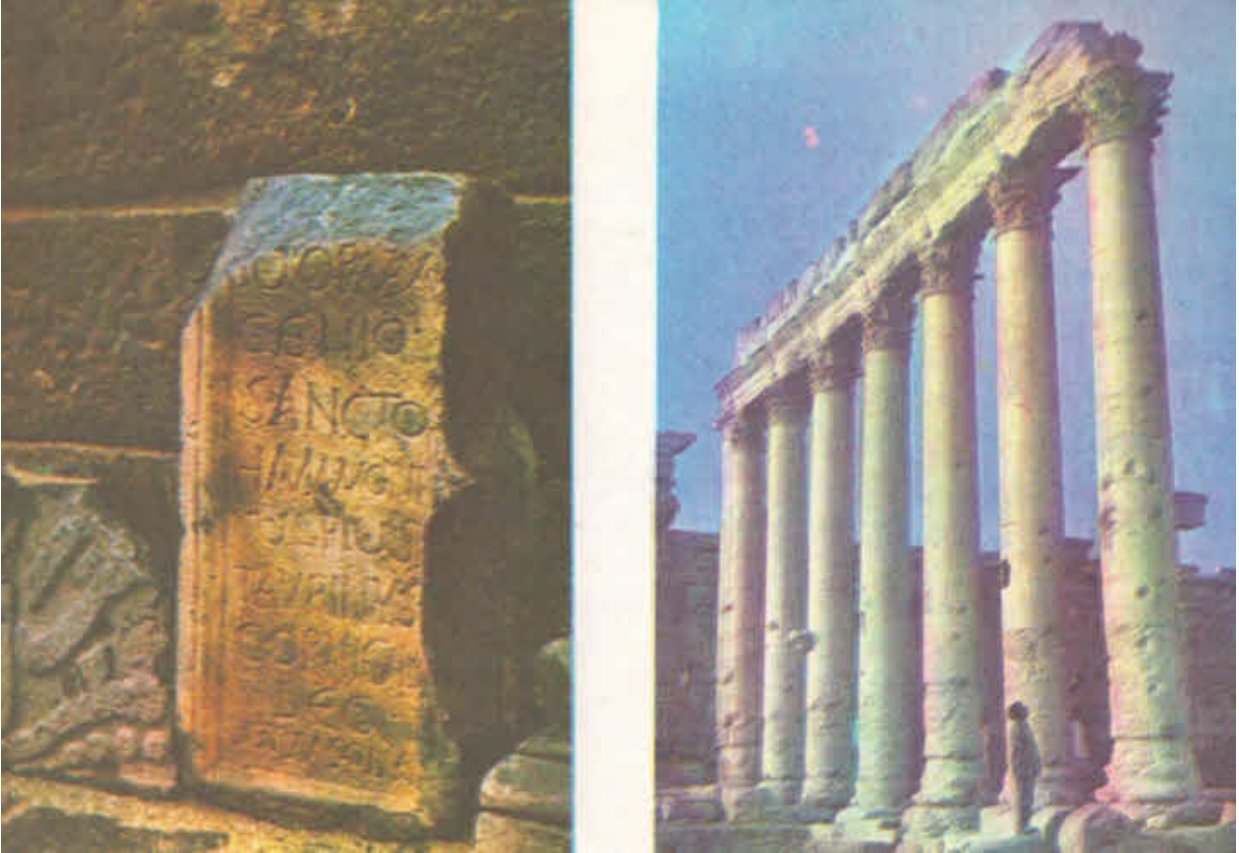
Шедевры архитектуры Пальмиры уже две тысячи лет восхищают тех, кто их видит

***Силуэты многочисленных колонн, арки, стены,
казалось, куда-то двигались и лишь на мгновение
застыли***

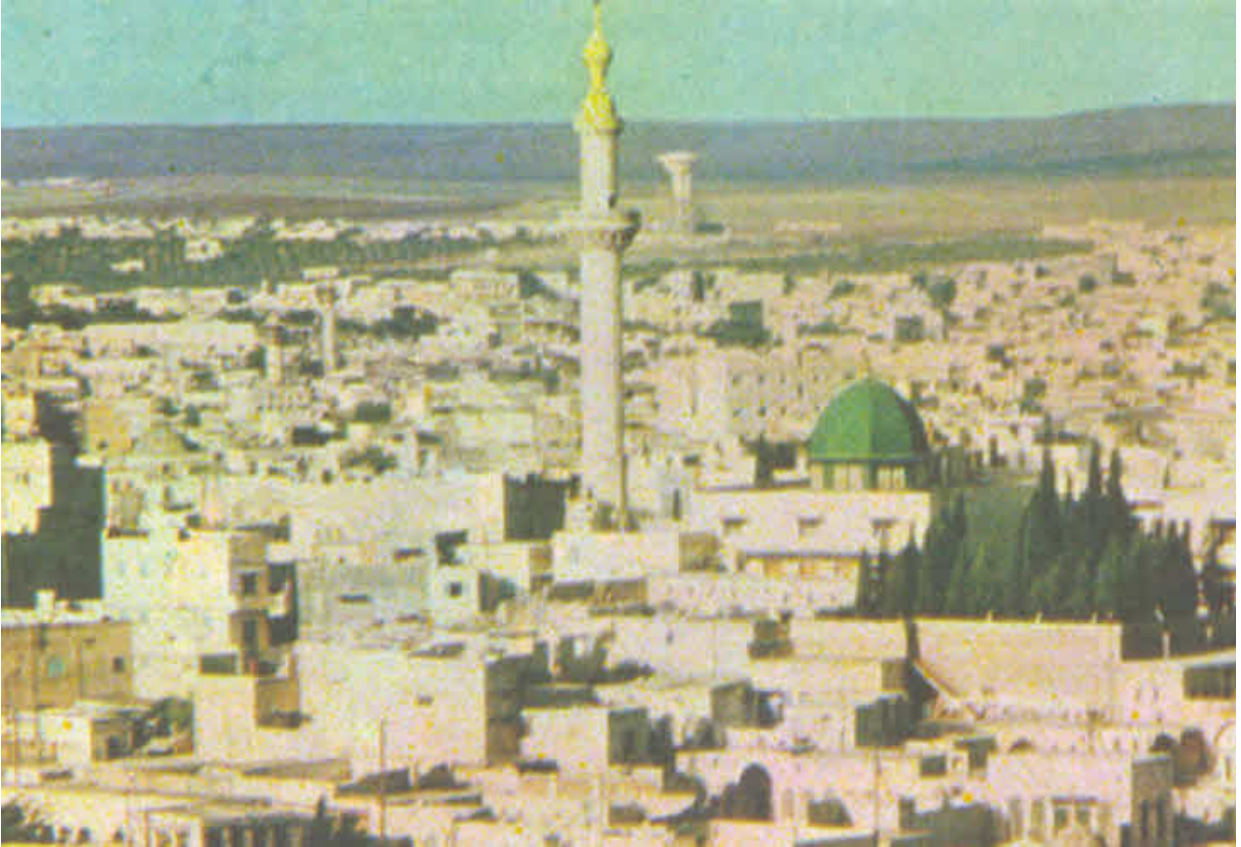

Улицы» и «площади» Пальмиры

Время может стереть Пальмиру, но обезобразить ее оно бессильно

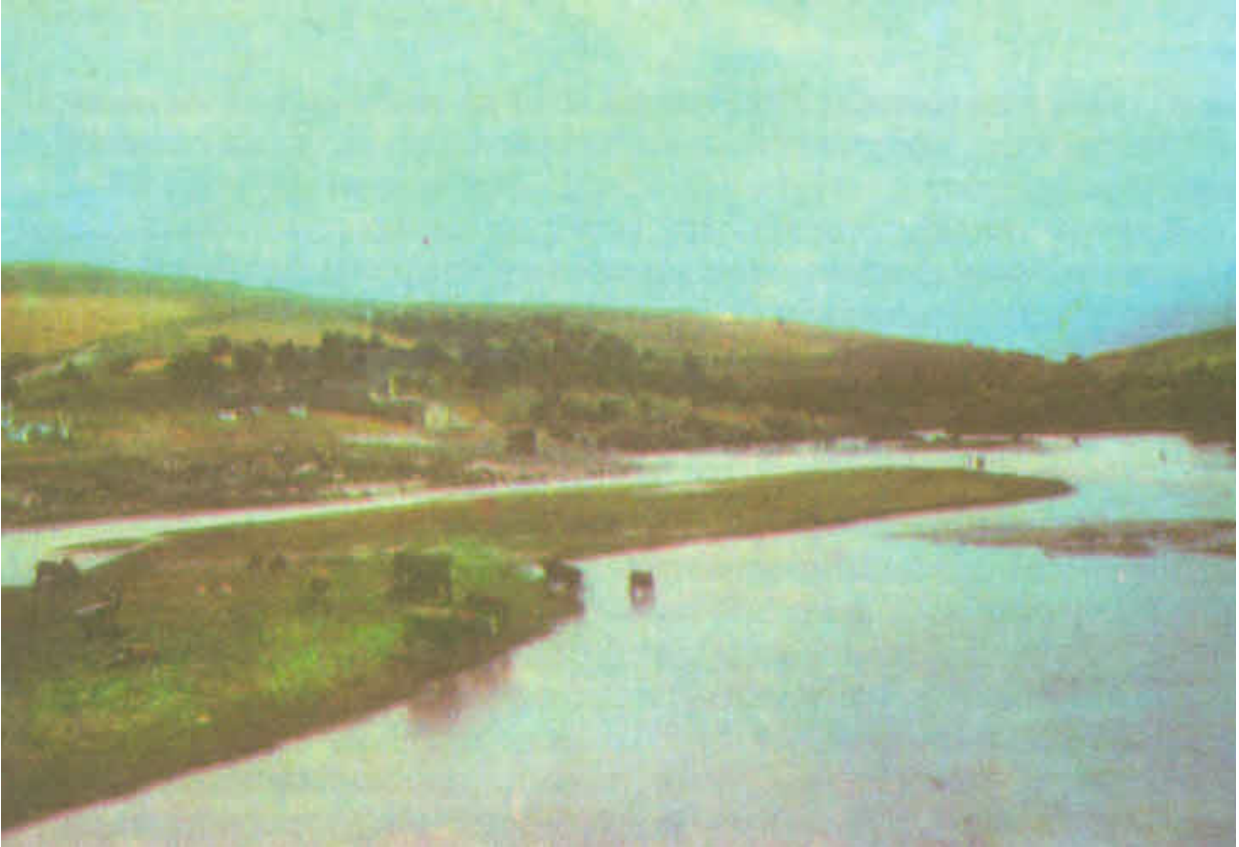

Халеб напоминает европейский город

Халебская цитадель — один из немногих уголков города, напоминающий о его прошлом

Район, тяготеющий к Эль-Аси, имеет относительно влажный климат и поэтому здесь развито сельское хозяйство

Деревенские строения в разных районах Сирии различны. Дома деревень, расположенных вдоль дороги Халеб — Хомс, по форме представляют собой куб, на который водружен большой купол

Когда говорят о городе Хама, вспоминают его знаменитые водозаборные колеса — нории, расположенные по берегам протекающего здесь Эль-Аси

***Одно из интереснейших мест Сирии - селение
Маалула, бывшее когда-то прибежищем
христианских общин***

Шоссе, идущее из Халеба на Дамаск - отрезок древней, как человеческая цивилизация дороги, соединявшей когда-то Египет с царством скифов

***Хребет Ансария тянется через всю Сирию
параллельна морскому берегу***

Предстоящая реконструкция порта превратит его в крупнейший перевалочный пункт, жизненно важный для экономики новой Сирии

Острой Арвад сплошь застроен

***Порт Латакии. Разгрузка оборудования,
привезенного из Советского Союза для Евфратского
гидроузла***

Латакия — единственный в Сирии крупный приморский город

INFO

Бобров В. А.
Б72 На перекрестке цивилизаций
(Путешествие по Сирии). М., «Мысль», 1975.
175 с. с ил. и карт. (Путешествия.
Приключения. Поиск).

Б 20901-168/004(01)-75*202-75
91(И5)

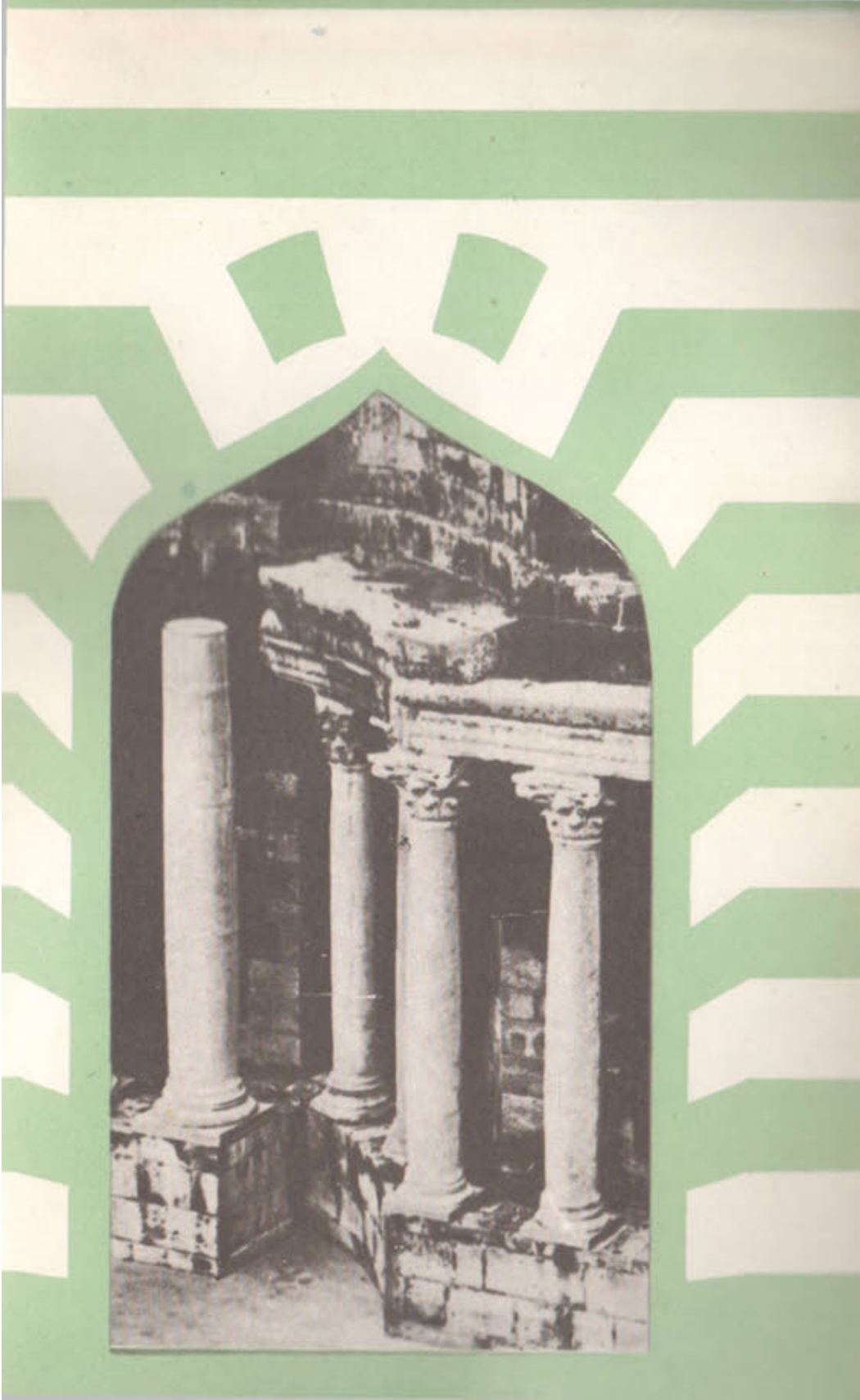
Бобров Владимир Антонович
На перекрестке цивилизаций
(Путешествие по Сирии)

Редактор В. Д. Ромашова
Редактор карт Г. Н. Мальчевский
Младший редактор И. П. Вишневская
Художественный редактор
Е. М. Омеляновская
Технический редактор О. А. Барабанова
Корректор Г. М. Ефимова

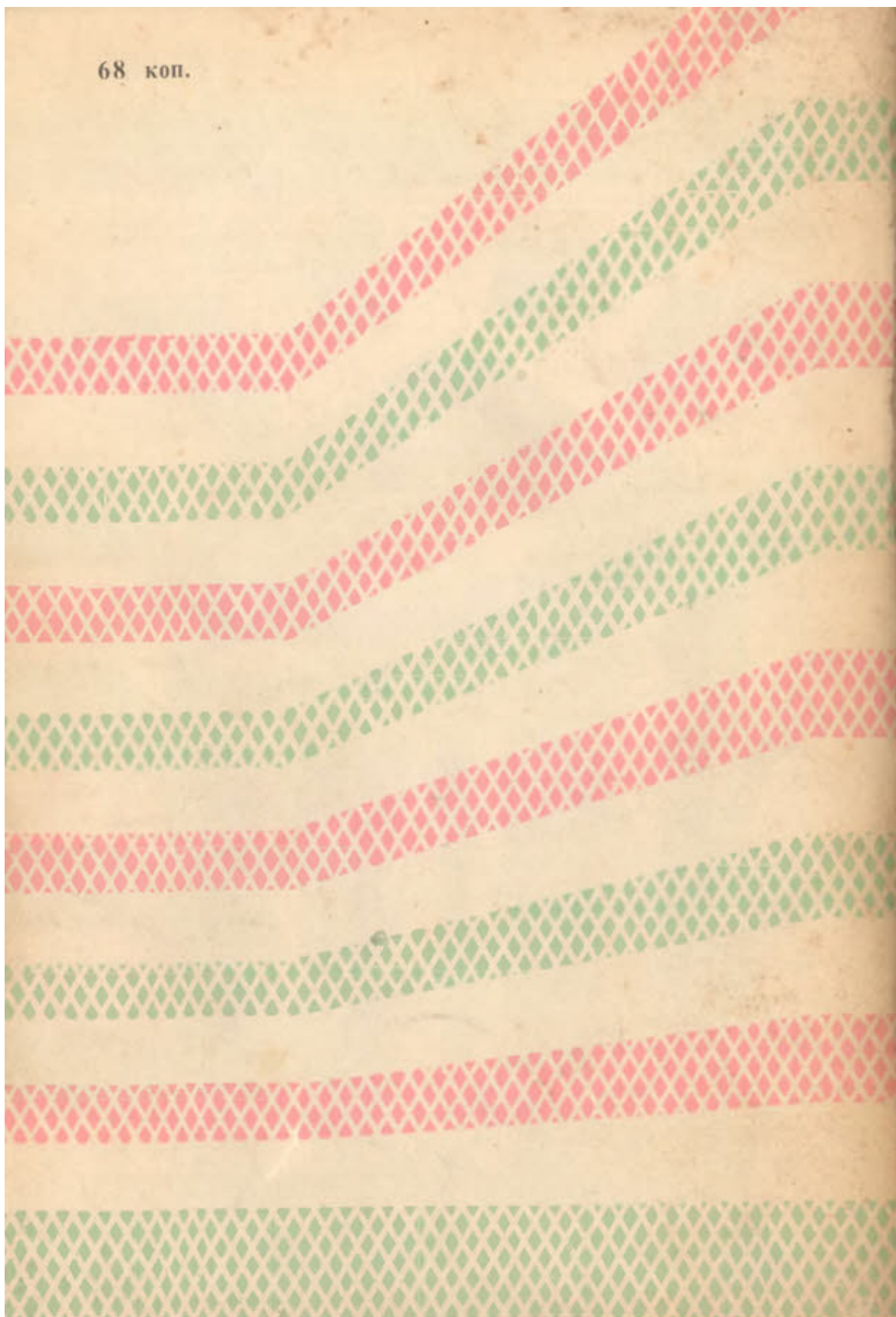
Сдано в набор 12 июля 1974 г. Подписано в
печать 20 августа 1975 г. Формат 60 X 84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печатных листов 10,23.
Учетно-издательских листов 10,2. Тираж
60000 экз. А01754. Заказ № 1504. Цена ИИ1
68 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва В-71,
Ленинский проспект, 15

68 коп.

---

notes

Примечания

1

Абу-ль-Аля аль-Маарри. Стихотворения. М., 1971.

2

Латинск. «Царь и бог» — титул, присвоенный себе императором Аврелианом.

З

Аналогичные колеса существуют и у нас в республиках Средней Азии.

4

Арабск. — да, да.